

Рустам Рустамов

ПАДЕНИЕ

РОМАН В ДВУХ ТОМАХ
(издание дополненное, переработанное)

ТОМ 1

СУПЕР Издательство
Санкт-Петербург
2021

УДК 82-311.2
ББК 84стд1-449
Р89

Редактор: О. Варваркина
Корректор: В. Егорова
Оригинал-макет: Т. Кохан
Обложка: И. Фамилия

Рустамов Р.

Р89 ПАДЕНИЕ: роман в двух томах. / Рустам Рустамов. — Санкт-Петербург: СУПЕР Издательство, 2021. — 340 с.

В романе рассказывается о событиях, происходивших в течение двадцатого века в одном из азербайджанских сел современной Армении. Прослеживается связь этих событий с предыдущей историей. Описываются традиции, быт и уклад жизни людей разных национальностей, взаимовлияние их культур. Особое внимание уделяется освещению дружбы между народами.

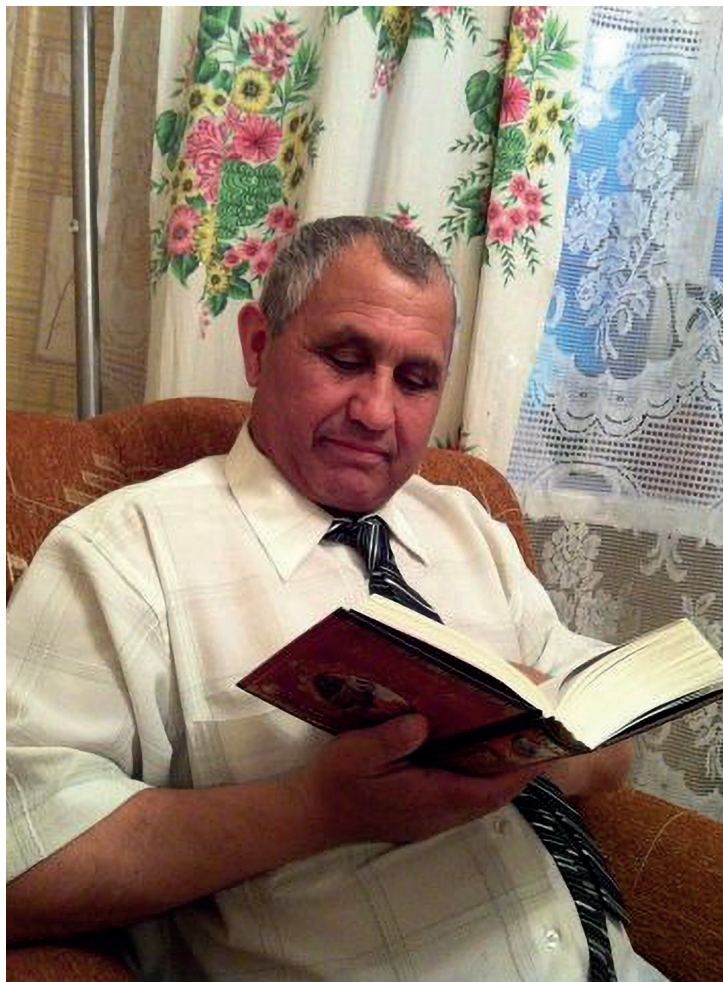
www.super-izdatelstvo.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-9965-1820-3

© Рустам Рустамов 2021
© СУПЕР Издательство, 2021

Посвящается
живущим в памяти моей

Предисловие

ОТ АВТОРА

На закономерный вопрос: «О чем этот роман?» – ответ прост: «О своем времени».

Мы не можем оставаться в стороне от времени даже при огромном желании: как бы мы ни пытались, все равно находимся внутри него, своими действиями и поступками наполняем его, ибо без человеческих деяний невозможно определить время. Другими словами, без конкретных событий нет и времени, точнее, оно есть в виде некоего лишнего смысла потока, а события, в свою очередь, осуществляются людьми и происходят с ними же. Поколения людей, сменяя друг друга, создают свое время и оценивают предыдущее.

Конечно, чтобы уйти от моральной или любой другой ответственности, было бы проще сказать: «Все события, места и герои вымышленные, любые сходства случайны». Но это, наверное, будет не совсем честно: в жизни ничего случайного нет. Однако, во избежание различных недоразумений, лучше будет повторить официально: «Герои и события вымышленные, совпадения случайные», и добавим, как говорит пословица: «В каждой правде есть доля шутки».

Наверно, для любого человека главным моральным фактором жизни является свобода духа, но сохранить её не всегда удастся. Может быть, не существует полной свободы духа. Где она? Наверное, и невозможна, но есть разные степени свободы. Чем выше нравственность в сообществе людей, тем выше степень истинной свободы. Говоря «истинная свобода», мы имеем в виду ее согласованность с морально-духовными принципами, принятыми в обществе.

Сообщество людей для облегчения жизни создает государство и добровольно уступает часть свободы ему. Однако, когда государство встает над людьми, попирает их свободу, вмешивается во все сферы жизнедеятельности человека, возникают противоречия между людьми и созданной ими структурой. Вся история двадцатого века соткана из этих противоречий, и герои романа, насколько это возможно, борются с окружающими условиями, пытаясь при этом сохранить свои принципы. Увы, это не всегда удается.

Бесспорно, противоречия есть движущая сила развития; другими словами, если нет противоречия, нет и развития. Однако необходимо хотя бы условно разделить противоречия на две категории: прогрессивные и антагонистические. Развитию служат прогрессивные, антагонистические приводят к взаимному уничтожению и необязательно физическому. Кто сильнее? Могущественное государство с его множеством структур подавления или отдельный человек? «Конечно, государство», – скажет любой. Хорошо, согласимся, но тогда почему оно борется против слабого человека (даже не против группы людей) и при этом нередко (почти всегда) прибегает к приёмам подлога; где же тогда благородство силы? Если сила не проявляет благородства, значит, она несправедливая. Герои романа в меру способностей и возможностей противостоят этой силе, пытаясь при этом сохранить свои моральные принципы, но увы... Начинают действовать так же, как и противник: нередко прибегают к лицемерию, даже к подлости – по их собственному выражению. Один даже находит оправдание своим действиям, приводя в качестве примера чьи-то слова: «Мы не конченые негодяи, если подлость совершаем без удовольствия». Верно это или нет, трудно судить, но в то время, в том месте им это казалось правильным, потому что каждое мгновение времени диктует свои правила поведения. Но все-таки бесспорно одно: они в глубине души осознают, что

на лицемерии и подлости далеко не уедешь. Четверостишие, написанное одним из них, становится программой надежды:

Придет час – наступит рассвет.

Придет час – увидим мы свет.

Придет час – в конце тоннеля

Засверкает надежды просвет.

Самое трудное для человека – это сделать правильный выбор, если, к примеру, из множества одинаковых предметов ты должен выбрать один. Задача усложняется с возрастанием количества предметов. Однако если речь идет о чем-то конкретном, материальном, то все равно эта проблема выбора разрешима. А если предстоит делать нравственный выбор, которым был богат двадцатый век? Исходя из каких критериев делается нравственный выбор, трудно сказать. Смешивается все: чувства, разум, логика, общественные законы, обязанности, служебный долг, принципы воспитания, семейные традиции, национальные особенности и многое другое. Твой выбор должен быть в согласии со всеми названными и многими неназванными принципами. Огромное счастье для человека, если он не стоит перед необходимостью делать выбор, но увы, человек почти всегда оказывается перед выбором.

В шахматах тоже стоишь перед необходимостью делать выбор и стараешься, чтобы он был правильным, очень стараешься, но не всегда удается. Говоря о шахматах, я бы убрал одну формулировку: «Шахматист такой-то победил или одержал победу». Это неправильно, нужно говорить так: «Шахматист такой-то проиграл или сделал неправильный ход», – то есть говорить о проигравшем, потому что выигрыш (проигрыш) происходит из-за ошибки одного из игроков. Если бы оба играли правильно, тогда был бы ничейный исход. Красота и совершенство шахмат как раз заключается в этом: благодаря ошибочному

выбору одного, рождается восхитительная комбинация на века и победа. Один из героев романа сравнивает жизнь с шахматами: может, оно и правильно, но ошибка, допущенная в шахматной игре, интересна определенному кругу людей, а нравственная ошибка любого интересует почти всех.

Каждый из героев в конкретное время, в определенном месте делает свой выбор. Не торопитесь их судить! В шахматах очень трудно найти правильный ход, когда ты в «цейтноте» и часы тикают – тик, тик, тик, словно молоточком, мягко, не больно, но нудно и монотонно постукивают по голове. Во время анализа после партии, закинув сто пятьдесят граммов коньяку, легче найти правильный и сильный ход; так же и в жизни: сегодня легче судить тех, кто жил раньше тебя. Думаю, судить не нужно, хорошо будет просто хотя бы учесть ошибки.

И последнее: автор был искренним в своем изложении, ибо не обременен никакими обязательствами ни перед кем. И здесь вспомнилось эта фраза, которую употребляет один из героев в разговоре с другом, смысл такой: искреннюю подлость невозможно раскрыть. Они пытаются разобраться в самих себе, в своих отношениях с окружающим миром, в своих поступках. Какими принципами они руководствуются, что ими движет – искренняя подлость или подлость искренности? Вроде каламбур какой-то, но повторите эту фразу несколько раз и каждый раз медленнее, тогда раскрывается смысл.

Да, чуть не забыл. В романе нет собирательных образов, как бы ставших зеркалом своего времени, здесь немного по-другому: душа автора, разбившись вдребезги о гранитные глыбы своего времени и превратившись в мелкие частицы, растворилась в героях. В каждом из них (да, в каждом!) есть частица его души.

С уважением, автор

Нагерме

TOM 1

Глава первая

НАЧАЛО КОНЦА

С утра у писателя Орхана Вересли было прекрасное настроение. Он встал из-за письменного стола, подошел к окну, которое выходило на набережный проспект. Довольный собой, потянулся и, повернувшись к зеркалу, самовлюбленно посмотрел на себя. Для самоудовлетворенности у него были все основания: только что отстучал на старой пишущей машинке последние строки очередного романа, который начал писать относительно давно. К этому произведению относился по-особенному, как безумно любящая мать к своему ущербному ребенку, считал его главным произведением всей своей жизни. Всегда сам себе твердил: «Все, что ты написал до этого, забудется, а этот роман – нет. Этот роман запомнится всем: и врагам, и друзьям». Посмотрел на улицу: там шла похоронная процессия. Невозможно было определить, где начало или конец процессии, словно весь город находился в это время на этой улице. Слышал от жены, что сегодня будут хоронить погибших в ночь на двадцатое января людей, и хоронить будут их в парке Кирова.

Процессия двигалась, как вялотекущая река, все были одеты в черное, и поэтому поток людей был однообразен и сравним с рекой. «Мало вас перебили, вон сколько еще идет. Как было бы здорово, если бы сейчас начали их обстреливать», – подумал он и усмехнулся. Вдруг его

осенило: «Нет, не закончена книга, она будет дополнена новыми главами. События последних месяцев должны найти свое отражение. Я бы сказал так: эта книга будет продолжаться вечно, пока живут эти проклятые турки, азербайджанцы, курды, лезгины, талыши, таты, авары, кумыки и прочая нечисть, населяющая эти исконно армянские земли. Говорят, их перебили тогда немало, все есть там, даже хохлы и русы. Книга добра и книга зла пишется на протяжении всей истории существования человечества, но ничего, мы внесем в нее свою лепту, а оценку пусть дают другие. В конце концов, добро и зло есть две стороны одной медали, и при этом каждый видит свою. Самое главное – ничего не нужно будет менять, добавятся новые главы, и все. Нужно будет отразить все, чтобы читая враги горели от злости».

От этих сладостных и полных мщениия мыслей его оторвал голос жены.

– Алик, иди кушать, все уже готово, – сказала она и прошла на кухню.

Прошел в столовую, сел за стол. Галина Александровна поставила на стол чайник с заваркой, села напротив и, наливая душистый чай в чашки, спросила, пойдет ли он на похороны.

– Говорят, там будут все писатели, поэты – одним словом, все известные люди, – на что в ответ услышала грубое «нет».

– Что там мне делать? Мало их истребили, не нужно было все это начинать. Виноваты сами: зачем трогали армян, разве не знали, что так кончится?! Понаехали эти еразы, а теперь пусть захлебываются в собственной крови, – добавил сердито.

Галина Александровна, как бы разговаривая сама с собой, продолжала:

– У нас есть один завогделом, корнями тоже ераз, как ты их называешь, так вот, он такие ужасы рассказывает, что поверить невозможно! Говорит, что всех этих еразов

армяне подвергали таким бесчеловечным мучениям, что у меня возникают сомнения, люди ли вообще эти армяне. И в чем же они, по-твоему, виноваты? Жили люди себе мирно в своем доме, и вот тебе на! Пришли, выгнали на улицу, и они же сами еще оказались виноватыми. Кто затеял этот конфликт с Карабахом, еразы, что ли? Мне они все чужие, но я за справедливость, – закончила она.

После этих слов встала и прошла в гостиную. Он не стал ей отвечать, точнее, ответил, но про себя. «Много ты понимаешь, что такое справедливость. Справедливость восторжествует, когда возродится Великая Армения». С этими мыслями встал, прошел в кабинет и снова встал у окна.

На улице словно ничего не изменилось. Тот же самый людской поток встал перед глазами. Глядя на этих обезумевших от всенародного горя людей, чувствовал душевное равновесие, облегчение. Чтобы разглядеть людей и увидеть на их лицах безысходность и подавленность, достал из тумбочки письменного стола двенадцатикратный морской бинокль, подаренный ему другом, армянским писателем Геродотом Татевосяном. А тому этот бинокль, по его словам, достался от одного родственника, служившего когда-то на флоте. В бинокль четко мог разглядеть лица людей и увидел то, чего никак не ожидал, вопреки своим размышлениям. Люди двигались очень медленно не от бессилия, а от тесноты, лица у всех были серьезные, но не подавленные, как хотелось бы видеть ему. Все были полны решимости и молча на плечах несли гробы, едва заметно сменяя друг друга; никто не плакал. Всего этого не ожидал, но поразило его даже не это: только сейчас обратил внимание на то, что люди двигались строгими рядами, боковые интервалы разграничивались гвоздиками, разложенными аккуратно друг к другу валетом. Люди шли между дорожками из цветов, и никто не наступал на них. «Гордятся, что ли, своими

трупам? – ехидно подумал он. – Ну-ну, давайте хороните, а мы посмотрим, чья возьмет».

Он чувствовал, что теряет стройность мыслей, и не мог понять, отчего все это; может, поведение жены, по сути чужого для всех человека, как выразилась она сама, подействовало на него. Ее слова, что все эти люди ей чужие, неправда. За годы жизни в Баку она прикипела душой к людям, к городу. Как она радовалась оказываемому им приёму во время поездок по районам! Везде простые люди пытались чем-то угодить ей, приглашали их в свои дома, она училась у местных женщин готовить какие-то специфические блюда. А как к ней тепло относились в школе и даже вскоре выдвинули работать в РОНО! В душе у него постепенно возникало чувство жалости к погибшим молодым людям. В чем они виноваты, и почему так происходит, нельзя ли жить в мире?

Всячески отгонял от себя эти шальные мысли, но ничего не получалось. Мысли, подобно родниковой воде, пробивались из глубины подсознания и овладевали всем его существом. Он начал чувствовать тревогу и стал оглядываться по сторонам. Увидел жену, стоящую за спиной и беззвучно плачущую. Это сильно растрогало его сердце, обнял ее и прижал к себе.

Для него теперь все было позади, оставалось только придумать, найти подходящее, достойное название роману, и тогда считал бы оплаченным свой долг перед памятью матери, бабушки и, не менее важно, – дяди Мелкона.

О нем мама рассказывала, когда он был еще маленьким. Дядя Мелкон жил недалеко от Дилижана и работал в лесничестве. Управление лесничества находилось в азербайджанском селе Алтычае. Тоже мне, придумали название, означает «село над рекой» или «река под селом», возможно, и Шестириченское, – в общем, полная безвкусица. Другое дело – названия наших сел, как песня звучат. Мама рассказывала, что дядя Мелкон был знаком с самим Андроником Озаняном. Тот его очень

ценил и даже в свое время дал ему какую-то награду, но мама не помнила какую. С детства, точнее, с юности мечтал встретиться с дядей Мелконом, и Бог одарил его этим счастьем. Не зря же говорят: «Все в руках Бога: если Он захочет, может произойти невероятное».

В начале шестидесятых годов в Ереване состоялась научно-практическая творческая конференция молодых литераторов Закавказья, в которой участвовал и он. Тогда же познакомился со своими будущими близкими друзьями: армянскими писателями – Зорданом Лалаяном, Геродотом Татевосяном, Варданом Погосяном, Сосом Хандаляном, и поэтами – Пароном Севаном, Сирануш Каптиян и другими. Никогда не забудет, как ругались эти молодые ребята, когда перед ними выступала Маргарита Шагенян. Зордан, обзывая ее всякими словами, говорил: «Из-за этой старой карги мы потеряли нашего великого поэта Нерсеса Гандзакаци! Она назвала его в своих исследованиях азербайджанским поэтом Низами Гянджеви, и теперь мы уже ничего не сделаем». Тогда он, будучи еще наивным и совсем не знакомым с приемами фальсификаций, спросил у Зордана:

– А что же можно сделать, если он азербайджанский поэт, и причём тут Маргарита Шагенян?

На это Зордан посмеялся и сказал:

– Слушай, Алик, какой же ты наивный! Всё, что мы имеем сегодня, включая даже этот город, когда-то принадлежало им, а теперь все это наше, так и будет дальше. Эти турки ничего, кроме нашего презрения, не заслуживают.

Свое выступление Маргарита Шагенян закончила словами: «Я верю, что вы, оставаясь верными традициям литератур наших братских народов, в своем творчестве и впредь будете укреплять и раскрывать принципы гуманизма и человеколюбия, в своих произведениях вы приложите все силы для дальнейшего укрепления и утверждения взаимопонимания между нашими народами. Я хочу, чтобы вы осознали, насколько велика

и ответственна роль литературы в формировании и воспитании человека коммунистического общества».

Когда Маргарита Шагения закончила свое выступление, ей стали аплодировать, и притом многие стоя, однако он заметил, что встали азербайджанцы и грузины, а армяне в основном сидели, многие даже не удостоили ее аплодисментами. Посмотрел на Зордана: тот о чем-то горячо спорил с Варданом Погосяном и с Сосом Хандаляном. Когда Маргарита Шагения сошла с трибуны, Зордан достаточно громко, настолько, чтобы многие могли услышать, бросил: «Тюркская подстилка», и при этих словах по залу прокатился негромкий хохот – в рядах, где сидели армяне.

Вечером все дружной компанией пошли в ресторан «Арагат», который находился на центральном проспекте города. В гостинице «Мхитар Спарпет», где они остановились, ресторан тоже был, однако, видимо, руководствуясь соображениями престижности, предпочли «Арагат». Когда зашли в ресторан, их будто уже ждали. У большого окна с видом на проспект были сдвинуты вместе и обильно накрыты три стола. Различных спиртных напитков и закусок было столько, что хватило бы на офицерский состав большого корабля после длительного похода. Они расселись за столы, и как-то само собой получилось так, что Зордан сел во главе сдвинутых столов и, как полагается, взял на себя роль неофициального тамады. Поскольку все успели изрядно проголодаться за день, то дружно набросились на крепкие напитки и еду.

После второй, а кто и после третьей рюмки, немного начали приходить в себя и заметили, что с ними в компании присутствует единственная женщина, и начали так же дружно за ней ухаживать; никто не исключал свои шансы пригласить ее к себе в номер. Она же, как полагается королеве вечера, всех одинаково одаривала вниманием и тайной надеждой на продолжение банкета в уже в более приятных и близких обстоятельствах. Зордан

налил себе коньяка и попросил всех последовать его примеру. Каждый налил себе крепкий напиток, и стали ждать речь тамады. Зордан, держа в руке бокал с коньяком, начал говорить:

– Друзья, я хочу, чтобы мы выпили за нашего нового друга Алика. У него азербайджанская, то есть тюркская, фамилия, но это ни о чем не говорит, потому что у нас, у армян, большинство фамилий имеют тюркские корни. Даже у меня не только фамилия, но и имя с тюркским корнем. Однако от этого мы не перестаем быть армянами, потому что нас всех вскормила армянская мать. Мы все слушали колыбельные на армянском языке, и у нас сформировалось армянское сознание. Мы обладаем особым сознанием и характером. Я верю, что наш новый друг будет достоин молока своей матери и в нужное время скажет свое веское слово во имя своего народа.

Все дружно чокнулись и выпили, он выпил половину налитого коньяка и поставил бокал на стол, не стал закусывать. Его не отпускала мысль: откуда они узнали, что его мать армянка? Ведь об этом никому никогда не говорил. По документам она была Наргиз, хотя настоящее имя ее было Наирик.

Глава 2

ПУТЬ К СЛАВЕ

Село, где будущий известный писатель Орхан Вересли родился и прожил до четырех, от силы до пяти лет, было достаточно большим, и там жили смешанно и азербайджанцы, и армяне, и все говорили на обоих языках настолько чисто, что посторонний, не знающий лично каждого человека, никогда бы не мог отличить, кто есть кто.

Когда мать получила похоронку на мужа, однозначно решила во что бы то ни стало уехать из села в город и дать единственному сыну образование. С этой мыслью она пошла в сельсовет к председателю.

Председатель сельсовета, Эдуард Самвелович Айрапетян, внимательно выслушал ее и сказал:

– Да, пожалуй, ты права. Тебе надо выбраться в город, здесь ты пропадешь, и к тому же родственники мужа не особо тебя жалуют. Только вот что: может, тебя записать, как тебя здесь зовут – Наргиз, а не Наирик, все-таки легче будет; там еще раз выйдешь замуж и затеряешься, и сыну твоему легче будет в люди выбиться, а в свою нацию он в любое время вернется.

Она об этом могла только мечтать, ведь когда шла сюда, и уверенности-то не было, что дадут справку, не то что еще сделают ради нее подлог. Таким образом Ибрагимова (в девичестве Мелконян) Наирик Арамовна стала Ибрагимовой (в девичестве Меликовой) Наргиз Аран-кызы. Она

взяла справку с письменного стола и направилась к выходу. Эдуард Самвелович бросил ей вслед:

– Да, вот что: обязательно там отведи его к хирургу и сделайте ему обрезание, чтобы не было проблем. Этим туркам хватит и крайней плоти, а своему народу нужен его сильный, не запятнанный армянский дух. Тоже мне, народ: себя не помнит, то татарами называют, то турком, а недавно стали азербайджанцами. Сборище кочевого быдла, какой же это народ?

На радостях последние слова Эдуарда Самвеловича она до конца не поняла и, повернувшись к нему, ответила только на первую часть его высказываний:

– Это уже сделано: муж позаботился перед уходом на фронт, и я была не против.

– Ну, тогда тем прекраснее, – добавил Эдуард Самвелович, не поднимая головы и не отрываясь от чтения какой-то бумаги.

Когда она поблагодарила его и хотела выйти из кабинета, тот поднял голову и, показывая пальцем в потолок, сказал:

– Благодарю Его, что у тебя есть такой брат, как Мелкон, он и мне брат.

Хотя вопрос и решился как нельзя лучше, разговор с председателем оставил в ее душе неприятный, даже правильное сказать, отвратительный осадок. Она шла и думала: «Ну, предположим, родственники мужа относились ко мне не очень хорошо, но остальные же со мной общались даже очень хорошо, и вообще в селе все относились друг к другу очень даже хорошо. В городе будет, наверное, так же: не все же там являются родственниками моего мужа. Почему Эдуард Самвелович думает, что там все родственники моего мужа? Скорее всего, опасается, что родственники мужа не дадут мне ребенка увезти с собой. Да, он прав, надо будет что-нибудь придумать в оправдание отъезда и ни в коем случае нельзя говорить, что собираюсь уехать насовсем. Спасибо ему, сам

сказал, что делает все ради Мелкона. Откуда они знают друг друга? Ведь Айрапетян неместный...» – с этими мыслями она даже не заметила, как дошла до дома.

С этой справкой она уехала из своего родного села Верес в полный таинственностей, неизвестностей и страха город Баку – тогда еще и предположить не могла, насколько правильным было ее решение, и не думала, что сын вырастет, закончит университет и станет писателем; а став писателем, он название своего села возьмет как псевдоним; не думала, что будет печататься как Орхан Вересли, а в кругу друзей будут его называть Аликом – с легкой подачи молодого русского поэта Александра Сафрошина, с которым он подружится во время учебы в Московском литературном институте.

Прокручивая эти мысли в голове, он посмотрел на Зордана, а тот, как бы уловив его незаданный вопрос, продолжил свою речь:

– Мы знаем каждого ребенка, которого родила женщина- армянка; нам, армянам, не важно, кто наш отец, для нас главное – та, кто родила нас, вскормила и воспитала. Я уверен, что в лице нашего друга Алика наш народ имеет достойного сына, и наступит день, когда мы по праву будем им гордиться.

Закончив этими словами речь, Зордан залпом выпил свой бокал (хотя у всех остальных рюмки и бокалы давно были опустошены) и поставил его на стол. Закусив разными яствами, снова налил себе коньяка и хотел было обратиться ко всем, чтобы последовали его примеру, но заметил, что многие уже сделали это без его команды, а кое у кого рюмка снова была пуста, в том числе и у Геродота.

Его Зордан не любил и не особо старался скрывать это, и при случае не упускал возможности кольнуть укорами типа: «Ему только и писать о том, как армянские и азербайджанские пастухи воруют друг у друга щенков и баранов, или про буйволицу, серьезные темы ему

не по зубам». Он, видимо, желая выговориться и не особо заботясь о том, слушает его кто-то или нет, продолжил:

– Каждый из нас должен сделать все зависящее от него для возрождения нашей родины в исторических ее границах. Нас ничто не может остановить на пути к этой великой цели. Наш путь освещается и освящается нашей святой церковью.

Он и сам перестал интересоваться тем, какое впечатление производят его слова на товарищей, и другие уже перестали проявлять к нему интерес. Разговаривали уже по принципу «все со всеми и каждый ни с кем конкретно». Таким образом, сколько прошло времени, никто не заметил. Каждый начал на себе чувствовать силу дозы принятого алкоголя. Зордан, слегка пошатываясь, поднялся вновь и, слегка постукивая ножиком по бутылке, призвал всех послушать его. Когда взоры всех были устремлены на него, сказал, что завтра не пойдет на конференцию, а поедет в Дилижан на встречу с одним очень важным и уважаемым человеком.

При слове «Дилижан» сердце Алика начало биться учащенно, в глазах появился блеск. «Какой прекрасный шанс, вот бы поехать с ним. Ведь можно же найти дядю Мелкона или кого-то из родственников», – мечтательно подумал про себя. Зордан продолжил:

– Мы, к сожалению, предаемся забывчивости, не помня о тех людях, которые создавали историю Армении; человек, к которому я хочу поехать завтра, один из таких. Он сражался плечом к плечу с самым великим полководцем, Андраником Озаяном, и был им же награжден в свое время.

При этих словах все как будто по команде замолчали, и Парон предложил почтить память полководца минутой молчания. Все поднялись, поднялся и он, сам не понимая зачем это сделал, скорее, поддаваясь рефлексу стадности. Только сейчас обратил внимание на то, что Геродот,

положив голову на руки, спит за столом. Сос хотел подтолкнуть его, чтобы разбудить, но Зордан остановил его:

– Не нужно, пусть спит. – Конечно, прекрасно знал, что тот не спит, и знал еще, что если попытаться заставить его подняться, ни к чему хорошему это не приведет, разве что ко скандалу. Но и не упустил шанса в очередной раз задеть его. – Для него война армян против турков – это всего лишь раздор между двумя семьями Аванеса и Байрама. Он не дорос еще до осознания сути этой войны – войны не на жизнь, а на смерть.

Геродот хотел было ответить, ему захотелось плюнуть тому в лицо, встать и уйти. Подумал: «Конечно, ты и тебе подобные ведут народ к „счастью и процветанию“, засеяв семена ненависти в душах людей еще в утробе матери. Это ненормально, когда женщина носит ребенка под ненавидящим других людей сердцем. Любим ли мы, армяне, кого-то вообще? Конечно, нет. Мы действуем по принципу „кто нам выгоден в данную минуту“. Мы можем откусить руку, которая протягивает нам кусок хлеба. Мы всех ненавидим, в том числе и себя в конечном счете». Однако, подчиняясь благоразумию, промолчал, продолжая играть роль уснувшего за столом пьяного.

То ли времени прошло достаточно, то ли молодость не хотела поддаваться действию алкоголя, но все вроде бы даже протрезвели. Движения стали координированными, а речи – логичными. Застолье разгорелось с новой силой, вступая в очередную, решающую фазу. Он хотел спросить у Зордана, к кому тот поедет, но потом передумал, решил пустить на самотек: скажет сам – так скажет, нет – значит, так и быть. В конце концов, может поехать и сам, без него, а там в адресном бюро найти то, что ему нужно, а то Зордан слишком самоуверенно себя ведет и пытается верховодить над всеми.

Все встали из-за стола и направились к выходу. За столом остался один Геродот, продолжая играть свою роль. Сирануш, искренне веря, что он спит, подошла к нему

и слегка, двумя руками взяв его за плечи, потрясла. Тот повернул голову и спросил, что случилось и не пора ли уходить. Поднялся, протер глаза так, чтобы все видели, и поплелся за всеми к выходу. На улице все разбились на мелкие группы – по двое-трое человек. Алик оказался в компании с Зорданом. Тот достал из кармана пачку каких-то только-только входивших в моду сигарет с фильтром и протянул ему, и он, не отказываясь от угощения, взял одну сигарету; взял себе сигарету и Зордан. Достал спички, прикурил сигарету себе и протянул горящую спичку к Зордану, тот тоже прикурил и, выражая благодарность, пару раз кивнул головой. Сделав несколько глубоких затяжек, Зордан спросил его, не хочет ли составить ему компанию в завтрашней поездке. Развязка наступила сама по себе, и потому не упустил шанса выяснить, к кому же собирается поехать, и заодно выяснить о возможности что-нибудь узнать о дяде Мелконе. Непринужденно сказал:

– Конечно, можно и поехать. Только к кому, и есть ли смысл в этой поездке?

Зордан уверил, что познакомит его с очень интересным и легендарным человеком. Последние слова Зордана о том, что этого человека награждал лично сам командарм Андроник Озанян, заставили волноваться его еще больше. «Неужели?» – подумал он про себя и тут же отогнал эти мысли – мысли о том, что Зордан говорит о его дяде. А вдруг знает и про то, что он есть племянник Мелкона Мелконяна? Однако решил, что этого быть не может: если бы знал об этом, давно сказал бы всем. Немного подумав, дал согласие на поездку. На том и порешив, прошли снова в зал, где почти все уже сидели на своих местах и с новой силой набросились на еду и питье. Кто-то крикнул: «Тамаду в отставку, не справляется с обязанностями, все бокалы пусты, и закуска кончается!» На этот крик послышался дружный хохот. Зордан, призывая всех к вниманию, сказал:

– Ребята, пожалуйста, не стесняйтесь: сами позовите официанта и закажите себе, чего желаете, я же не могу все предусмотреть, – засмеялся и добавил, – все оплачено заблаговременно.

«Конечно, в жизни происходят иногда невероятные события, о которых мы даже не можем подумать, потому как замысел их составляем не мы, а некие неведомые нам высшие силы, и когда они претворяются в жизнь, нам остается только смириться и принять их в том виде, как они есть, ибо что-либо изменить мы не в состоянии», – с этими мыслями он подошел к своему месту.

Глава третья

АЛТЫЧАЙ

Если от Дилижана проехать в сторону села Юхары Чамбарак, непременно доедете до Красного моста, там будет необходимо свернуть направо. По пути расположено много населенных пунктов с разными, можно сказать, причудливыми названиями, в том числе и село Алтычай.

Село это расположено в расщелине гор и разделяется рекой на две части: одна часть расположена на северном склоне гор, а другая – на южном. Здесь очень интересное течение реки. Она как бы течет в обратную сторону, почему-то имеет такое неправильное расположение русла, потому ее и назвали Обратной рекой, а в просторечии Обратной. В этой зоне были расположены вперемешку азербайджанские и армянские села.

Армянские села появились здесь после подписания Туркменчайского договора между Россией и Ираном в начале девятнадцатого века, когда началось переселение армян из Ирана и других государств на территорию северного Азербайджана. Второе массовое переселение армян произошло начиная с одна тысяча девятьсот сорок восьмого года, когда азербайджанцы были насильственно массово выселены из тех земель, и в этих местах были заселены армяне-репатрианты.

Река Обратная сливается с рекой Дилижан в местечке Дарлыг, что в буквальном смысле означает «узкость, теснота». Некоторые это место называют также Чайгарышан,

а это, в свою очередь, переводится как «слияние рек». От этого места до озера Геокча расположены две области – Каракоюнлу и Геокча. Местность довольно интересная: есть горы с отвесными скалами, леса девственные, равнины бескрайные. И всюду родники с чистой водой. Коронай всей этой красоты является озеро Геокча. Население, которое жило в этой местности, называло озеро просто – «тенгиз», что означает «море».

Эти места были свидетелями многих важнейших исторических событий. В этих местах каждая долина, каждая сопка, гора, участок леса, поля и пастбища имеют свое название. Практически все эти названия встречаются в древнем письменном памятнике огузских тюрков, другими словами, азербайджанцев – в книге «Китаби Деде Горгуд». Этому эпосу более тысячи трехсот лет – как письменному памятнику, а в устном виде существовал, может, три или даже больше трех тысячелетий.

В этих местах в памяти каждого камня впечатлена история столетий. Не раз покои этих мест были нарушены топотом конниц – как вражеских, так и своих. Однако

по своей подлости, низости и мерзости событиям двадцатого века нет равных. Двадцатое столетие оставило самый кровавый и жесткий след. Начало же этим событиям было положено в первой половине девятнадцатого века, когда начались массовые переселения араманов, или голтугалтылар, как в этих местах называли армян, из Ирана и Турции на территорию Иреванского ханства после оккупации этих земель Российской империей. «Араманы» на диалекте этих мест означает «люди, не имеющие места обитания, прибывшие чужаки», а «голтугалтылар» означает «подмышечные». По смыслу эти слова дублируют друг друга.

С началом процесса переселения армян на эти земли наступили самые что ни на есть кошмары для местного населения. При поддержке властей армяне буквально выгоняли людей из собственных жилищ и сами занимали их жилища и дома. Суть политики Российской империи заключалась в том, чтобы создать «христианский коридор» – плацдарм между Османской Турцией и Россией. С приходом советской власти, «подарившей» народам свободу, дружбу и братство, в сути политики ровным счетом ничего не изменилось. Только все делалось в открытую,

бесцеремонно и еще наглее: когда одни должны были соблюдать правила навязанной игры дружбы и братства, в то же время другим было дозволено все; жизнь и благополучие одних приносились в жертву капризам других. У Российской империи (только ли у нее?) всегда была особая «армянская» политика, если говорить откровенно, тоже нечестная, хотя и выгодная для армян: она всегда их использовала в своих имперских интересах. Нельзя сказать, что армяне не понимали этого, нет, прекрасно понимали, но с завидным упорством позволяли использовать себя; конечно, позволяя себя использовать, они получали определенную выгоду: самое главное – часть исторической территории Азербайджана и надежду расширить ее в будущем. Понятно, если бы армяне сами воевали и завоевывали эти территории и создавали свое государство; нет же – за них и для них делали это русские цари, проливая кровь своих и чужих. Проще говоря, армяне «гребли жар чужими руками» и делали это на протяжении всей истории. Эту науку они усвоили великолепно.

Вот и кладбище – последнее и надежное пристанище...

Глава четвертая

ВОЗВРАЩЕНЦЫ

В полдень колхозный грузовик громыхая въехал в село. Машина была загружена нехитрой домашней утварью, свободного места было много. В кузове сидела женщина и двое детей, лет девяти и шести. Младший в своих объятиях держал в достаточной степени упитанного кота желтого окраса с большими белыми пятнами, разговаривал с ним, обращаясь к нему «Мастан». Кот вел себя смирно, точнее, уверенно: чувствовалось его полное доверие к тому, кто его держал в руках. Иногда открывал один глаз и смотрел на Малого, как бы спрашивая: «Не приехали ли еще?» И тот, в свою очередь, на полном серьезе говорил ему:

– Нет, мой сладкий, еще не приехали, и неизвестно, когда приедем. Но ты потерпи, я с тобой.

Последние слова он произносил подчеркнуто громко, чтобы мать с братом тоже услышали.

Дети уже устали, особенно младший: всю дорогу о чем-то канючил, просил то остановиться, то поесть, то еще чего-нибудь. Женщина всячески старалась успокоить его, однако эти попытки особого успеха не имели: тот ненадолго успокаивался, и потом все начиналось сначала, но уже просил чего-то от имени кота. Видимо, лопнуло терпение у старшего, и дал Малому подзатыльника, но думается, тут же пожалел о содеянном и отполз

в передний левый угол кузова, где стояли друг на друге два широких ящика с курами. В свою очередь, этот подзатыльник для Малого оказался подарком судьбы, потому как сейчас можно было орать во все горло и капризничать по полной программе, притом имея на это моральное право, чем он немедленно и воспользовался. Мать, как всегда в таких случаях, начала ругать старшего и, естественно, жалеть Малого. К тому времени грузовик уже начал покидать пределы села. Окраинные дома вновь остались позади, и рев Малого стал еще сильнее. Тут и старший поддержал его и спросил у матери:

– Ты же говорила, что приехали! Куда же тогда мы едем?

На его вопрос мать ответила:

*На этих и подобных им извилистых дорогах, тропках
мы оставляли и оставляем следы*

– Мы будем жить на окраине села, рядом с колхозным садом.

Тут Малой вступился и сказал:

– Мне пора помолиться.

Эту фразу он впервые услышал от дедушки Ибода, который в Казахе жил недалеко от них, часто заходил к ним, беседовал с отцом и всегда прерывал разговор этими словами и уходил к себе. Отец и мать говорили, что он курд, и, видимо, сами не придавали этому никакого значения, поскольку никакого разъяснения за этим не следовало. У дедушки Ибода детей не было; отец говорил, что у него было трое сыновей, ушли на фронт и не вернулись, но это было не совсем так.

Малой однажды случайно узнал страшную тайну. Он с Мастаном гулял в саду, оба устали, Мастан захотел спать, и Малой решил пойти домой, чтобы тот немного поспал. Когда подошел к дому, дверь была приоткрыта, и отец рассказывал о дедушке Ибоде; ему стало интересно, остановился и, притаившись за дверью, начал слушать. Отец говорил, что старший сын дедушки Ибода вернулся с фронта инвалидом, без обеих ног, осенью сорок четвертого года. Жил с ними до сорок девятого года, катался на маленькой тележке. Каждый день на своей тележке доезжал до рынка, там у него была маленькая будочка, где чинил башмаки тем, кто приходил, и на эти деньги жила его семья. После того как в сорок восьмом году умерла жена дедушки Ибода, произошла другая беда. По приказу какого-то усатого, имя которого Малой не мог разобрать, осенью сорок девятого года собирали всех инвалидов по всей стране и увозили куда-то далеко, чтобы они там умерли. Рассказывая это, отец очень много плохих слов говорил об усатом и страшном человеке, мать пыталась успокоить его, чтобы не говорил плохих слов об усатом, потому как может кто-то услышать и сообщить синим фуражкам. Кто такие синие фуражки, Малой тоже не мог понять. Но отец не обращал внимания и говорил, что свое

он отсидел. Малому тоже стало страшно и, когда отец закончил разговор о сыне дедушки Ибода, отошел от двери немного подальше и стал возвращаться с шумом, чтобы родители не догадались, что тот слышал, о чем они говорили тайком. Маленькую тележку, о которой говорил отец, Малой видел не раз. В доме у дедушки Ибода вдоль стен от входа стояли две тахты: на одной спал сам, а вторая всегда была убранной, на ней лежали матрац, ватное одеяло и небольшая подушка. У подножия тахты стояла, как понял Малой, та самая тележечка, на которой лежали две какие-то непонятные ему штучки с ручками, все хотел спросить у дедушки Ибода разрешение взять тележечку, чтобы поиграть, но как-то не получалось, а потом и вовсе передумал делать это.

А произошло вот что. Однажды, когда он пошел с Мастаном к дедушке Ибоду, увидел такую картину: дедушка Ибод сидел посреди комнаты на полу, то есть на земле, и плакал, а перед ним стояла тележечка, и на ней лежало много разных блестящих значков, а в руках он держал те самые штучки и прижимал их к щекам. Тогда Малой тихо-тихо ушел, чтобы не обнаружить себя дедушке Ибоду.

Так, во всем остальном, ему вообще было все равно, что такое «курд», только думал о том, что такое «фронт» и почему дети дедушки Ибода не вернулись оттуда, также о том, куда и зачем увезли его старшего сына. Все хотел спросить об этом у кого-нибудь, но почему-то не делал этого, откладывал, сам не зная почему. У старшего тоже не спрашивал, тот мог и не знать про все это; тем более Малой знал, что если старшего спросишь о чем-либо неизвестном ему, то может рассердиться и тумачков подкинуть. Самое главное, дедушка Ибод любил его и Мастана, всегда говорил, что кошек нельзя обижать, потому что они накликают смерть обидчику. Еще очень много рассказывал о каком-то герое, тоже курде, по имени Гачаг Наби. Как рассказывал дедушка Ибод, Гачаг Наби был очень смелым и добрым человеком, всюду успевал

на помощь к тем, кого обижали. В этом ему помогал его Серый конь.

Однажды Малой решил разобраться с тем, что такое «помолиться»; пошел за дедушкой Ибодом и тайком наблюдал за ним. Дедушка Ибод, стоя на коленях и возводя обе руки к небу, что-то шептал. Из всех слов Малой разобрал только слово «Аллах». Конечно, не знал, кто такой Аллах, но понял, что, видимо, очень важный человек, раз уж дедушка Ибод обращается к нему, а не к Гачаг Наби. Ему очень хотелось узнать, кто же все-таки этот важный человек Аллах. Нужно было спросить у дедушки Ибода, но как? Случай представился сам собой. Однажды дедушка Ибод заметил его, когда тот подходил к его домику, и знаком руки позвал к себе. Закончив молитву, спросил, не хочет ли тоже научиться молиться, на что Малой ответил, что не знает, кто такой Аллах, и поэтому не может научиться. Дедушка Ибод сказал, что Аллах видит все; нельзя поступать плохо, иначе он накажет, все ему под силу. Малой слушал дедушку Ибода и спросил:

– Почему он убил тогда Гачаг Наби, ведь тот был хороший?

На что услышал в ответ от дедушки Ибода, что Гачаг Наби не умер, он просто погиб. Этим ответом Малой был озадачен, потому что ничего не понял. Как бы не видя его, но в то же время обращаясь к нему, дедушка Ибод продолжил:

– Гачаг Наби будет жить, пока стоят горы Зангезур, Горус, Сойуг Булаг, Мургуз и Саваланские. Он будет жить, пока течет река Араз. Эти горы оберегали его от холода, от дождя и, самое главное, от пуль врага. Река Араз его в своих объятиях переправляла многократно с одного берега Азербайджана на другой, где нуждались в нем люди.

Малой подумал, что дедушка Ибод разговаривает не с ним, потому многого не мог понять из того, о чем тот рассказывал, особенно про один берег Азербайджана или другой берег. У дедушки Ибода в глазах блеснули

капельки слез, Малой отвернулся, чтобы дедушка Ибод мог спокойно поплакать: по себе знал, что, когда смотрят на тебя, трудно плачется, и подумал: «Наверно, дядя Гачаг Наби – родственник дедушки Ибода». Да, так и подумал о нем – в настоящем времени, а не в прошедшем. С этого дня вспоминал о нем только как о дяде Гачаг Наби.

Мать была в курсе, что за молитвы читает Малой, но на этот раз не стала ему мешать, а так обычно чем-нибудь стукнет его (тапкой или же, если подвернется, какой-нибудь веточкой), и тот, убегая подальше от нее, читает свою священную молитву еще громче и усерднее. Малой начал свою простую, но искреннюю молитву. «Ай, Аллах, говорят, ты можешь все, поэтому прошу тебя, сократи жизнь у кур моей матери и продли взамен жизнь моему Мастану. Пусть он живет долго, потому что я его очень люблю».

Мать всегда ругала его за эти молитвы, но тот не придавал этому значения. Конечно, Малой не утруждал себя вопросом, почему же, чтобы Мастан жил долго, куры должны подохнуть, притом все. Видимо, это было выше его понимания в то время. «А действительно, неужели для того чтобы кому-то было хорошо, радостно, весело – кто-то должен плакать?»

Пока шли мелкие разборки, грузовик свернул с шоссе на проселочную дорогу и, немного проехав между фруктовыми деревьями, остановился у небольшого домика, похожего на землянку.

– Вот и приехали, – сказала она детям и, видимо, сама была довольна, что закончилась эта изнурительная поездка.

Веселым голосом Малой, не обращая ни к кому, как бы разговаривая с самим собой, спросил:

– А где мы будем жить, и где наш отец?

Конечно, прекрасно понял, что будут жить в этом домике, но сказал это из вредности, чтобы задеть присутствующих.

Мать ответила, что их встретит отец, который уже наверняка здесь, так как отбыл гораздо раньше, чтобы

перегнать домашнюю живность. И действительно, вскоре навстречу к ним вышел отец с каким-то мужчиной высокого роста, который широко улыбаясь поприветствовал прибывших.

– Добро пожаловать, Хатун баджи. Слава Аллаху, доехали, – сказал, протянул руку шоферу и спросил: – Как доехали?

Тот, в свою очередь, подал ему руку и сказал:

– Спасибо, Хабиб леле, все хорошо.

Малой наблюдал за всем этим и подумал: «Да, довольно интересно, потратив немного слов и совершив одно действие, можно все сказать». Мать быстро развернула сверток, достала небольшой кусок хлеба с маслом и протянула Малому со словами:

– На, отдай своему Мастану, чтобы не сбежал.

Малой с присущей ему грубостью ответил:

– Никуда он от меня не уйдет, ты думай о своих курах!

Но все-таки хлеб с маслом взял и скормил Мастану и тут же отпустил его гулять: был уверен, что его любимый Мастан никуда не уйдет. Далее, ни о чем не думая, пошел на обследование местности. Догнал его старший брат и как будто ни в чем не бывало спросил:

– Чего орал-то в машине? Спокойно не мог ехать?

Это было своеобразное принесение извинения и начало пути к примирению. Тот тоже, в свою очередь, спокойно ответил, что надоела эта поездка, да и вообще недоволен этим переездом. Чего только родителям не жилось в Казахе?! Там ведь так хорошо было. Теперь можно было считать инцидент исчерпанным, и они вместе пошли в сторону большого сада.

Обследование сада и просторного огорода рядом заняло не очень-то много времени. Дело в том, что навстречу к ним шел невысокого роста мужчина с пышными усами, держа лопату на плече. Мужчина дружелюбно приветствовал их и предупредил, чтобы не лезли в огород, так как только что закончил полив. Еще и попутно

предупредил, что яблоки в саду ещё не созрели и ходить туда тоже нет смысла. «Чего уж, сказал бы, что никуда нельзя ходить, и все, а то к чему эти длинные разговоры. Также мне, заботу свою показывает», – подумал Малой, но ничего не сказал, только посмотрел на старшего, и тот, в свою очередь, посмотрел на него, сжимая и вытягивая губы вперед, кивнул головой. Малой все понял, это означало следующее: мы сейчас пройдем беззаботно и бессмысленно некоторое расстояние, и когда этот дяденька дойдет до нашего дома, там разгорится разговор, все забудут про нас, и тогда мы спокойно займемся вопросами садоводства. «Когда это мы ели зрелые яблоки?» – подумали оба.

В скором времени они оказались в саду, фруктовых деревьев было не то что много, а очень много, до безобразия. Попробуй обойти все яблони, не меньше трех дней надо. Они принялись за дегустацию фруктов, но после третьего, от силы четвертого яблока поняли, что есть их действительно невозможно. Малой, надкусив несколько яблок, швырнул их куда попало. Это было, скорее всего, из вредности и от досады, что невозможно было их есть. Немного походив по саду, решили вернуться к дому. Знали, что взрослые начнут свою беседу, а послушать их было довольно интересно. К тому же им давно хотелось кушать, и наверняка мать что-нибудь к этому времени уже сообразила.

Когда они подошли к дому, мужчины уже сидели за импровизированным столом, чуть подальше стоял самовар с заварным чайником на «голове». Мать чего-то колдовала у очага, на огне стоял большой казан. «Как было бы здорово, если бы хинкали!» – подумал про себя Малой. Старший вопросительно посмотрел на него, видимо, подумал о том же, и Малой мечтательно пожал плечами, что означало: «Не знаю, всякое может быть». В своих мечтаниях братья не обманулись, мать действительно готовила хинкали, в этом убедились, когда увидели, как

мать аккуратно опускает нарезанные тонкие квадратики в кипящую на огне воду. «Хоть одна радость за день», – подумали братья. Когда мать увидела их, сказала:

– Идите еще поиграйте, потом подойдете. Еще не готово.

Братья, конечно, разгадали уловку матери: она просто хочет сначала покормить взрослых, и тем более гостей, а их – во вторую очередь. «Ну что же, пусть будет по-вашему, дорогие взрослые. Лично я вам это припомню», – подумал Малой и, чтобы не дать опомниться старшему, резко развернулся и пошел в сторону огорода. Старший, конечно, не понял поведения Малого и, вопреки своему обыкновению, пошел за ним. Никогда этого не сделал бы; наверно, его разобрало простое любопытство. Вскоре они оказались в огороде. Это было огромное поле, на одной половине которого росли огурцы, а на второй... арбузы.

Малой предложил брату поесть арбуза, и они принялись за дело. Откуда-то у них оказался нож. Дело в том, что старший был умелец, все время что-нибудь мастерил: то свисток, то богатыря из палочек на веревке, то еще чего-нибудь, и ничего удивительного в «появлении» ножа не было. Они оторвали два или три арбуза, но все они оказались неспелыми. Старший разочарованно сказал:

– Не рвать же нам весь огород. Видишь, спелых нет.

– Вижу. Давай не будем рвать весь огород, а найдем спелый. Ты не помнишь, как в Казахе на базаре продавцы проверяли арбузы? Так и мы проверим, найдем спелый, его и будем рвать.

Как известно, добрые дела даются нелегко. Человеку не обязательно продумать в деталях план конкретной подлости, ему просто достаточно захотеть делать ее, и все пойдет само собой, как по маслу. Ведь Малой не задумывался над тем, какую подлость сделать взрослым за хинкали, но, сам того не осознавая, сделал первую крупную подлость в своей жизни – если не перед мировым сообществом, то перед членами этого колхоза точно.

Братья вдохновенно взялись за поиски спелого арбуза при полном разделении труда. Старший делал вырезы в каждом арбузе сбоку и, видя, что арбуз неспелый, кусочек вставлял на место, а малой переворачивал их вырезанной стороной к земле. Таким образом «обрабатывали» огромный участок, но так и не нашли ни одного спелого арбуза. Они бы еще долго поработали, но мать позвала их кушать и тем самым спасла вторую половину огорода. Нисколько не расстроившись безуспешным поиском спелого арбуза, пошли к дому.

Когда подошли на расстояние слышимости, поняли: опять воспоминания пошли в ход. Но на этот раз тема была им незнакома. Старые казахские темы они знали почти наизусть, потому как слушали не раз, а вот сейчас разговор шел о чем-то интересном. Говорили они о каком-то переселении из этих мест людей. Братья молча подошли и сели в сторонке от взрослых. В основном говорил высокий дяденька с усами; говорил очень громко, четко и, самое главное, понятно.

Мать подала детям хинкали в одной огромной медной тарелке, которая в то же время служила крышкой для казана. Такая посуда в моде в тех местах, где готовят аш – плов. Братья набросились на хинкали с особым усердием. Немного утолив голод, они стали есть помедленнее и начали краем уха прислушиваться к разговору взрослых. Взрослые говорили вроде бы о разных событиях, но в то же время последовательность разговора не нарушалась.

– Этого усатого дядю зовут длинный Хабиб, – сказал Малой и как ни в чем не бывало продолжал кушать.

Старший, зная манеру Малого «вешать» всем прозвища, сердито взглянул на него:

– Он сам тебе об этом сказал, или опять сочиняешь? Может, остановишься? Иначе получишь.

– А что я сочиняю? Так и есть, потому что шофер Али назвал его так.

– И что же он ему сказал? «Здравствуй, длинный Хабиб»?

– Нет, он сказал «Хабиб леле», а что тот длинный, я сам вижу, – не унимался Малой.

Старший, видимо, потеряв интерес к спору, промолчал и тоже стал кушать молча. У братьев споры по таким поводам возникали довольно часто. Старший никогда не говорил лишнего, пока твердо не убеждался в правоте своей. Малой же, в отличии от него, часто руководствовался эмоциями и говорил то, что видел. И хорошо бы за себя – нет же, за всех. Эти черты характера сопровождали каждого из братьев всю жизнь, и в дальнейшем между ними часто возникали недопонимания. Этому же служила еще одна подленькая черта характера Малого. Дело в том, что он никогда не унимался, и в самые трудные минуты, когда все ломали голову над поиском выхода из ситуации, он с серьезным видом говорил такую глупость, что хоть стой, хоть падай. Притом сам понимал прекрасно, что несет чепуху. А вот серьезные вещи мог поднести со смешком, шуточками. Это уже выводило из себя всех.

Нам нужно понимать одну элементарную вещь: характер закладывается задолго до детства, и поэтому не надо пытаться переделать другого человека, а принимать таким, какой он есть, и если это трудно, тогда нужно держать дистанцию.

Вскоре братья управились с едой, и Малой, запив двумя кружками воды принятую пищу, резко встал и пошел снова гулять. Он бесцельно бродил по округе и постепенно привыкал к мысли, что теперь ему придется жить здесь, а возмущаться и плакать – абсолютно бесполезное занятие. Ну, в принципе, не так и плохо здесь. Хоть больше не увижу этого копекоглу («сукина сына») Юнуса.

С Юнусом у Малого были особые счеты. Этот копекоглу Юнус торговал на базаре арбузами. По выходным они всегда почти всей семьей ходили на базар. Родители, проходя мимо него, приветствовали его и почти всегда

останавливались на несколько минут для общего разговора. Честно говоря, в этих разговорах Малой не находил никакого смысла и поэтому однажды решил закончить эти бессмысленные потери времени раз и навсегда. Но увы, ничего не изменилось, стало даже еще хуже.

Дело в том, что у этого копекоглу Юнуса на правом виске были две довольно большие бородавки, и Малой, показывая на них, примерно высказался таким образом, что какие у него противные бородавки, и он поэтому брезгует им. Не успел Малой закончить свою мысль, тут же получил от отца подзатыльника и свалился на арбузы. Мать помогла ему подняться, но при этом сильно дернула его за руку, видимо, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть его неправоту и свою солидарность с отцом. Малой, стиснув зубы, промолчал, даже и намека не было на плач, просто смотрел с того дня на копекоглу («сукина сына») Юнуса. Копекоглу Юнус, конечно, поймал его взгляд, но ничего не сказал, однако в последующем всегда мстил Малому словесно. Как только Малой с родителями приходил к нему, всегда, показывая на свои мерзкие бородавки, говорил ему: «Поцелуй бородавочки мои!» Малой не мог понять одного, почему же родители не одергивали этого подлого наглеца и зачем вообще ходили к нему, тот же все равно бесплатно ничего не давал. Малой как всегда молча и в каждый раз с еще большим презрением смотрел на него, и это еще больше выводило копекоглу Юнуса из себя. Видимо, был и в самом деле мерзким человеком: остановил бы родителей или хотя бы сделал замечание – так нет, с удовольствием смотрел и, мало того, дразнил при каждом случае. Малой вырос очень брезгливым человеком – думается, в этом была некоторая заслуга и копекоглу Юнуса.

Здесь Малой не мог не вспомнить тетю Мерджан – жену брата матери. Малому было, наверное, от силы три года, и его на лето отвезли к ним. Там же жила сестра матери, тетя Дилар. То лето у Малого, можно сказать,

было самое лучшее. Тетя Дилар или тетя Мерджан всегда выпекали ему вкусный пирог, и он уплетал его, запивая свежим молоком. Брат матери, дядя Фарид, был пастухом, он пас коров. Почему-то он всегда ходил (ну да, как же, девать было некуда одежду) в очень старой и оборванной одежде. Малой про себя дал ему прозвище «оборвыш Фарид» и ждал случая, чтобы высказать это где-нибудь. И случай представился очень скоро. По осени его привезли в Казах домой, но, конечно, он не мог забыть оборвыша Фариды. Угораздило же тетю Мерджан вскоре приехать в гости к ним, и, естественно, она привезла любимые пироги. Малой, кушая пирог, спросил у тети Мерджан:

– Ай, Марджан, у вас был оборвыш Фарид, – впервые произнес вслух придуманное самим прозвище, – он еще живой? – и тут же упал к тахте и стукнулся головой о ножку ее. Сразу не понял, отчего упал, но потом сообразил: просто отец дал ему подзатыльника (ох уж эти отцовские подзатыльники, всегда настигнут, неважно, к месту или не к месту).

Тетя Мерджан бросилась к нему, взяла на руки и даже отцу сказала:

– Зачем бить-то, он же ребенок!

Отец жестко ответил:

– Ну и что? Ребенок! Пусть выбирает слова. А ты не слышишь, как он к тебе обращается?

Отец был прав: Малой переборщил с искажением имени тети. Отец уловил нотки издевки в произношении «ай, Марджан» и был прав: действительно, это очень грубо. По возвращении домой тетя Мерджан поделилась услышанным от Малого, и с того времени пастуха Фариды все стали называть оборвышем Фаридом. После этого случая он полюбил тетю Мерджан еще больше и, будучи уже взрослым, всегда обращался к ней не иначе как «ай, Марджан», и тетя его очень любила. (Я надеюсь, что тетя Мерджан смотрит с небес и, услышав снова от того

Малого «ай, Марджан», улыбается своей красивой улыбкой). Малому, можно сказать, всю жизнь везло в одном: если он придумывал кому-то прозвище, то оно сопровождало человека очень и очень долго. Дядя Фарид (да будет земля ему пухом) в этом «почетном» списке был вторым после сестры, кого прозвище, данное Малым, сопровождало всю жизнь.

Он вспомнил и старшую сестру, дочь отца от первого брака. Звали ее Сабина, но когда Малой заговорил, с его легкого языка она стала Донлу – только для узкого круга родственников. Конечно было жалко, что она осталась в Казахе. Все было хорошо, только они не ладили с матерью, часто ругались, и мать всегда гнала ее и говорила, чтобы та вышла замуж за кого-нибудь и родила себе ребенка. А та советовала матери самой уйти куда-нибудь, и даже бывало такое, что они таскали друг друга за волосы. В таких случаях Малой не знал, за кого болеть, но отец всегда успевал вовремя взять какую-нибудь палку и пройтись по их спинам, после этого они быстро унимались. Однажды он даже дубасил их рукояткой от топора, в таких случаях Малой жалел их обеих, но был бессилен что-либо изменить в их взаимоотношениях и тем более в отцовских действиях. Он прятался в кукурузах, которые росли во дворе или за большим персиковым деревом, и плакал. Но чтобы было не совсем грустно, ел при этом персики или абрикосы.

Малой думал почему-то, что здесь ему будет скучно жить, и сам не мог понять, почему он так думает, как вдруг его осенило: «О, Аллах, какая тоска! Здесь же в округе ни одного жилого дома нет и ни одного ребенка, и с кем же я буду...» – конечно, вы подумали «играть» – если бы... Драться!

В Казахе не было дня, чтобы он не подрался с кем-нибудь. Всегда ходил в синяках. Единственное, за что отец его не ругал, так это за драки, только бы не жаловаться ему. Мать, конечно, пыталась образумить его, но никакого

эффекта не было. Как же, надо же было хоть чем-то «радовать» отца. Но справедливости ради нужно отметить, что Малой никогда не начинал драку первым. Первые осознанные драки у него начались еще тогда, когда он ходил в турецкой феске. Как она попала к ним, он не знал, но отец хотел, чтобы тот всегда ходил в ней, что Малой и делал. Ровесники дразнили его из-за фески, и он терпел, но не долго. Всегда, куда бы ни приходил он, дело заканчивалось дракой. Потом феска куда-то исчезла, скорее всего, во время очередной драки. Головной убор взамен феске нашли еще интереснее – папаху из каракуля. Папаха была очень красивая – маленькая, аккуратная и с красным равносторонним крестом на макушке.

Мне думается, что у мастера, когда он шил эту папаху, проснулась генетическая память, и он поместил на макушке этой папахи равносторонний Тенгрианский Крест Небесный. Такие папахи шили древние алтайские тюркские мастера. Крест Небесный на макушке оберегал его носителя.

Практически всегда из-за этого увлечения Малого старшему тоже приходилось ввязываться в нужные и ненужные драки. Нередки были случаи, когда Малой сцеплялся и со старшим братом, и при этом ему доставалось больше, но это его не останавливало. Как только он пошел в школу, за ним закрепилось «почетное» звание одного из немногих, кто дерется лучше всех в селе, конечно, в группе своего возраста.

Он сам не заметил, как в раздумьях ушел далеко от дома и оказался на берегу маленькой речушки. Речушка была маловодной, но текла быстро, вода в ней была прозрачной, и плавали там маленькие рыбешки. Наблюдая за маленькими рыбками, тоже, видимо, как и он, бесцельно бродящими в воде, думал о том, куда же спешит эта речка. «Вот бы пройти по пути ее течения! Дураки же эти рыбки, поплыли бы куда глаза глядят, никто же им не запрещает, как мне родители: чуть куда уйду, мать

начинает звать меня». Не замечая, сколько прошло времени, он решил вернуться обратно к дому. Когда он подошел к дому, увидел, что брат несется в его сторону со всей силы, а за ним, изображая подобие бега, отец. Когда брат поравнялся с ним резко бросил: «Беги». Он ничего не понял, но, послушав брата, пустился тоже в бег. Они бежали в сторону речки, откуда он только что пришел. «И зачем же я уходил, был же здесь», – подумал Малой. Когда добежали до речушки, брат легко перепрыгнул на другой берег, то же самое хотел повторить и он, однако это ему не удалось, и, споткнувшись, он шлепнулся в воду. Таким образом преодолев водную преграду в два приема, оказался рядом с братом. Как бы разговаривая сам с собой, но в то же время обращаясь к брату, сказал:

– Да, влетит мне от матери...

Брат посмотрел на него с присущей ему ироничной улыбкой и ответил:

– Нет, ты не бойся, у тебя времени очень много, успеешь обсохнуть, так как нам еще долго к дому не подходить.

Все отчетливее слышали они голос матери. Она «сыпала» им на голову свои «добрейшие» пожелания. Внесем некоторую ясность в это выражение. У азербайджанских женщин есть такая черта: когда они довольны своими детьми, в их адрес они говорят слова нежности, например: «да умру я перед тобой»; «чтобы все твои болезни перешли мне»; «чтобы ты меня оплакивал сам и хоронил»; «чтобы ты нес меня на своих плечах на кладбище»; «да отнимет Бог мои годы жизни и добавит тебе» (вот откуда берет начало молитва за долголетие Мастана) и подобные, скажем прямо, грустные фразы. Но если ты провинился, тогда другая тирада слов: «чтобы не дожить тебе до утра»; «чтобы ты умер где-нибудь и твой труп никто не нашел»; «чтобы Бог выколол тебе глаза» (конечно, у него же других забот нет) и подобные. Но в этот раз братья услышали помимо привычных ее шедевр, который она употребляла в очень и очень исключительных

случаях, а именно: «Чтобы вы встретились с такой пулей, которая, войдя в легкие, прошла бы через сердце, почки, печень и разорвала бы желудок и кишки!» Вот так, не больше и не меньше. Очень экономично и надежно. Кто его знает, может, подобные пожелания азербайджанских женщин и подтолкнули ученых к идее создания пули со смещенным центром тяжести. Всякое возможно в этом мире. Идея-то была заложена великолепная, хотя доброй или гуманной назвать ее никак нельзя.

Малому не терпелось узнать, почему вдруг все так всполошились. Что же такое стряслось, что мать даже употребила в их адрес самое тяжелое, но в то же время экономичное пожелание? Когда голос матери доносился совсем рядом, они от греха подальше спрятались за ветвистой ивой, которая росла прямо у реки. Вскоре увидели и мать. Она оглядывалась по сторонам, но было видно, что не особо стремится их обнаружить, потому что повернула обратно и даже перестала сыпать в их адрес свои пожелания. Братья успокоились, и малой поделился своими догадками со старшим:

– Что, усатый Алы заметил арбузы на огороде?

Он умышленно употребил слово «усатый», это была проверка реакции брата. «Брат не отреагировал, значит, дело серьезное», – подумал Малой.

Здесь хотелось бы отметить один момент: Малому вскоре не понадобилось придумывать прозвища местным, так как они уже были у всех. В этом селе жили удивительные люди – будто им было нечего делать, и они сочиняли друг другу прозвища. Раз уж мы заговорили об этом, скажем пару слов и об именах, которые носили люди в этом селе. Здесь детям давали имена «по событиям»: например, человек родился в год образования государства Израиль – пожалуйста, это и есть твое имя. Не будем тратить время на изложение поводов, по которым детям давались имена, а приведем примеры некоторых: Колхоз, Комиссар, Райком, Трактор, Совет, Тулум

(сосуд для жидких продуктов, изготовленный из сырой бараньей шкуры), Чобан (пастух), Нахырчы (животновод), Гагарин, Правитель, Аскер (солдат), Абыш (США), Марлен (Маркс-Ленин сокращенно), Флот и так далее. Не будем же перечислять здесь все экзотические имена этого села. Но об одном имени следует говорить отдельно. Была одна женщина по имени Фалестина, которая родилась и получила имя в год образования государств Израиль и Палестина. Дело в том, что весь Восток говорит «Фалестина». Однако доклад по этому вопросу делал тогда глава советской делегации А. Микоян. Общеизвестно, что армяне букву «Ф» произносят как «П», отсюда и пошло название «Палестина». Если у кого есть сомнение, можете посмотреть «Евангелие. Жизнь Иисуса» и убедиться. Одним словом, обращаться к Микояну. Забегая вперед (или оглядываясь назад, кто его знает), невольно думаешь, что получилось бы, если этот же Микоян делал доклад об образовании Российской Федерации.

Еще одно уточнение о прозвищах: они давались либо в знак уважения, либо чтобы подчеркнуть недостаток человека, или же из поколения в поколение один род носил конкретное прозвище как фамильный родовой знак. По ходу повествования расскажем отдельно о каждом из героев, с которыми нам придется встретиться. Бывало и такое, что, например, два человека могли носить одинаковые прозвища. Прозвище «узун», то есть «длинный», носили два человека. Только одному это прозвище было дано как знак уважения, а второму же как уничижительное. С одним мы уже знакомы: узун Хабиб получил свое прозвище за свой высокий рост и глубокий ум – в знак признания и уважения. Прозвище второго, узун Тейлора, наоборот, подчеркивало его бессмысленно длинный рост. Чтобы особо унижить его, к прозвищу добавили слово «драз» и часто его называли просто «драз Тейлор». Потом этот Тейлор женился на девушке из другого села. Жenu его звали Марья. Она была тоже высокая и красивая,

и говорят, была очень добрая и отзывчивая. Из-за своей отзывчивости и доброты у нее часто возникали конфликты с сельскими женщинами. Справедливости ради заметим, что таких добрых и отзывчивых женщин в селе было немало, и некоторые начинали заниматься благотворительностью еще со школы.

Братья долго болтались в округе. Время уже шло к вечеру, и надо было что-то решать. Как идти домой, никто не знал: оба боялись отца. Матери опасаться не было необходимости, она уже высыпала свои пожелания, наверняка сидит и переживает. Малой предложил подождать до тех пор, пока сами родители не начнут их искать. Предложение было интересное, но никакой гарантии не давало: отец может и всыпать, еще можно получить дополнительную порцию за волнения, которые они, возможно, испытают из-за долгого отсутствия детей. Старший предложил в принципе разумный вариант: подойти все-таки ближе к дому и «случайно» попасть на глаза родителям, проверить реакцию, затем действовать по обстановке. Когда они подошли к дому, родители были заняты наведением порядка вокруг дома. Мать издали, завидев их, окликнула и попросила подойти помочь. Братья поняли, что мать сделала это специально, как бы проверить реакцию отца, и чтобы в случае угрозы наказания они могли драпануть. Как ни странно, отец никак не реагировал, молча делал свое дело, и в дальнейшем он об этом разговора не вел. Потом мать рассказала, как все было.

Усатый Алы (мать сказала именно так, при этом Малой расстроился: значит, его так зовут все, и прозвище, данное им, теряет смысл), после того как крепко поел, выпил несколько стаканов чая, вдруг вспомнил про огород и заволновался – что там натворили дети. Встал и пошел в огород, а когда увидел переполошенные корешки арбузов, позвал отца. Пока отец шел к нему, он начал разглядывать арбузы и, когда увидел вырезы на боках,

так заорал, словно его ужалила змея. Мать и отец сначала так и подумали («Лучше было бы», – подумал Малой, но придумал свою мысль, ничего не сказал). Подошел потом узун Хабиб («Так-так... И с ним, получается, прозвище зря придумано», – расстроился Малой, но в то же время осознание собственной правоты давало уверенность), все уладил, поговорил сначала с усатым Алы, а потом и отца успокоил тем, что договорится с животноводами и те соберут арбузы и увезут коровам на корм. И шофер Али вызвался помочь тем, что приедет и повезет все это на ферму. Все это было как-то непонятно. Мать спокойно объясняет, отец не берет ремня. Не знаю, может, на тот момент у родителей проснулись какие-то педагогические инстинкты (о которых они и сами-то не догадывались), и они решили не травмировать детей в первый же день на новом месте: успеется, они обязательно что-нибудь еще натворят, и тогда можно будет напоминать и об этом попутно. Как бы то ни было, все прошло без особых проблем. Вскоре они общими усилиями закончили уборку, и все зашли в дом (мы уже говорили выше – домом назвать было трудно), Малой начал осматриваться уже внутри. Дом (назовем так, чтобы каждый раз не отмечать в скобках непригодность его) состоял из двух половинок, и Малой сразу сообразил, что та половина, где уборка сделана более чисто, предназначена для жилья, а вторая половина – для домашней живности. Он решил поделиться этими мыслями со всеми, но старший тут же остановил его словами:

– Хватить умничать! Ты уже надоел всем с утра. За-молчи.

«Вот это да, – подумал Малой, – даже старший со мной заодно».

То, что брат одернул его, было результатом недовольства новой ситуацией, только он мог об этом сказать лишь ему, но поскольку разговаривать с Малым спокойно он практически не умел, то высказался таким оригинальным способом.

Через некоторое время мать предложила им поесть перед сном и организовала нехитрый ужин, состоящий из сыра, хлеба и чая. За ужином отец повел разговор о будущих планах, в основном о строительстве нового дома для семьи. По ходу разговора он сказал матери, что завтра нужно будет организовать хороший обед, придут несколько человек, и самое главное, узун Хабиб приведет толстого Мелкона, который является важным человеком в лесничестве, через которого он хочет договориться насчет лесоматериалов для строительства дома. Отец выпалил все это на одном дыхании, чтобы не дать матери опомниться и чем-либо возразить. Но не тут-то было: мать нашла, чем выразить свое недовольство.

– Да поразит тебя гром и подохнет твой толстый Мелкон! Из чего же я буду его кормить? Нету у меня лишней посуды. Что, я должна кормить его из посуды своих детей, что ли?

Отец сурово посмотрел на нее, но, видимо, это не имело эффекта, и сказал:

– Слушай, дочь ветреного Меммеда, у тебя есть голова или ты тоже, как весь твой род, лишена способности думать? Ты что чепуху несешь: как, из чего? Будешь кормить из того, что есть.

Дело в том, что отец матери, Меммед, в свое время носил прозвище «ветер» за определенные черты характера, и отец никогда не упускал возможности поддеть ее, и всегда говорил «ветренный Меммед», на что мать, несколько не обижаясь, отвечала: «На своих погляди». Потом пошли мирные переговоры: мать спокойно объяснила отцу, что не хочет осквернять и без того скудный остаток посуды семьи, оставшийся после ограбления в Казахе, покормив из нее армянина.

Дело в том, что семья перенесла испытание в Казахе: их ограбили начисто. При этом грабители были беспощадны – унесли все, а милиция, как часто бывает, проявила бестолковость, ничего не нашла – и все кануло

в прошлое, бесславное и оскорбительное. После этого мать сразу же поняла, что зря напомнила об ограблении. Дело в том, что отец не любил вспоминать об этом и никогда не рассказывал о том, что же произошло. Только изредка мать в отсутствии отца делилась с кем-нибудь из женщин. В семье на эту тему было наложено негласное табу. Дети тоже никому ничего не рассказывали.

Наступали сумерки. Мать готовилась печь хлеб; тесто было заготовлено, разделено на круглые заготовки, сложенные в ряд и прикрытые скатертью. На летней кухне горел очаг, и на нем был установлен садж. Это такой большой круглый выпуклый металлический диск, на котором пекут хлеб. Диск этот имеет двоякое применение, в его внутренней, то есть вогнутой стороне можно приготовить пищу. Этот очень практичный домашний предмет, изобретенный тюрками-кочевниками, служит людям уже, наверно, тысячи лет.

Отец лежал на тахте, мать делала свое дело, старший за столом, поставив перед собой для большей освещенности керосиновую лампу, готовил уроки. Малой же, как всегда, был не при делах: то с матерью выходил на улицу, то мешал брату делать уроки и, когда он задел отца и тот проснулся, от греха подальше решил выбежать на улицу. Когда открыл дверь, увидел, что к ним со стороны речки бегут двое людей. «К нам гости!» – весело крикнул Малой, и отец поднялся, чтобы посмотреть, кого это несет в такое неурочное время. Мать положила на место заготовки теста и тоже с любопытством пыталась посмотреть на улицу, но «гости», даже не дожидаясь приглашения, перешагнули за порог. Один из них был высокого роста, стройный и спортивного телосложения,

а другой, наоборот, невысокий и коренастый, но тоже довольно крепкого телосложения; на правой щеке высокого был глубокий шрам, который от середины щеки тянулся вниз и искривляясь шел к подбородку. Однако это, как ни странно, нисколько не портило лицо и даже своеобразно украшало его. Такой шрам Малой увидел впоследствии у главного героя фильма «Можно ли его простить», который тоже был бандитом. Кто его знает...

«Гости», ввалившись в дом, поздоровались. Высокий представился Исмаилом, а коротыш вроде и не представился, видимо, «забыл»; когда мать услышала имя его, по-доброму, со светом в глазах посмотрела на них и сказала, что ее брата тоже зовут Исмаил. Только отец был подозрителен и недоволен визитом незваных гостей. Не давая опомниться хозяевам, «гости» на одном дыхании выпалили свои проблемы: так, мол, и так, мы – караязинцы и ищем пропавшую скотину.

Это было более чем смешно, потому как по виду они были далеки от пастушества, на что отец обратил внимание сразу. На стене висело ружье, правда, к нему не было ни одного патрона, но тем не менее отец бросил взгляд на него, и тогда высокий сам, никого не спрашивая, снял ружье и спросил, не заряжено ли. Видя такой поворот событий, отец сказал, что они могут не беспокоиться, патронов нет. «Мы дадим вам патронов», – ответил высокий и начал расспрашивать о всяком разном.

Мать взяла подставку с заготовками из теста и хотела выйти на улицу, то есть на кухню к очагу, но коротыш преградил ей путь. Мать недоуменно посмотрела на «тезку» своего брата, и тот спокойно велел ей поставить все на место и никуда не выходить. В это время все отчетливо услышали гул мотора подъезжающей машины и вскоре увидели силуэты людей за окном. Тут же длинный со шрамом вынул пистолет, а коротыш достал кинжал. Длинный направил пистолет на отца, а коротыш с кинжалом в руке прижал к столу старшего и Малого, они

молча смотрели на него; заплакала мать, достала ключ от запертого от детей сундука, бросила к ногам длинного. Длинный, как и прежде держа отца на прицеле, поднял ключ и велел коротышу всех связать. Коротыш недоуменно посмотрел на него, с улицы четко доходил шепот: «Пора кончать всех, отрубленная голова никогда не заговорит». Однако высокий со шрамом строго сказал: «Делай, что сказано», и его тон коротышу не оставил выбора. Он быстро, будто сам ее туда положил, нашел бельевую веревку, связал отца по рукам и ногам, отрезал кусок, связал также руки матери, затем нашёл что-то пригодное и связал руки детям, грубо оттолкнул их к столу, за которым старший недавно делал уроки. Малой внимательно следил за старшим, нет, не за отцом и не за матерью, а именно за ним. Тот, в свою очередь, смотрел на него и взглядом управлял его действиями. Видимо, понимал, что у Малого «хватит ума», чтобы сделать что-то лишнее, типа выбежать на улицу или что-то в таком духе. Малой четко видел во взгляде старшего волнение, но не страх. Ему стало гораздо спокойнее. Посмотрел на отца: глаза его были красные, как кровью налитые, он молча, но свирепо смотрел на происходящее. Отец бездействовал не оттого, что руки были связаны, скорее бы он не дал себя связать, а оттого, что были рядом дети и мать, не мог riskовать их жизнями, и тем более он четко слышал, какие команды подавались с улицы.

Это происшествие внесло серьезные корректировки в дальнейшую жизнь и взаимоотношения семьи. Во-первых, отец, который раньше был категорически против переезда, наконец поддался настояниям матери; во-вторых, это коренным образом изменило его отношение к членам семьи. После этих событий отец стал отстраненным от детей, часто ссорился с матерью. Отец стал раздражительным в семье и молчаливым в обществе.

Этот род в Алтычае появился с незапамятных времен. Говорить конкретно, когда это было, представляется проблемой; по словам узун Хабиба – чуть ли не со дня образования села. Называли их по-разному: Демирчилер, Усталылар. Свои воспоминания узун Хабиб начинал от демирчи, то есть кузнеца Усуба, который приходился дедом отцу. Рассказывал он также и об Усталы – брате Усуба. Вспомнить кого-либо до них он не мог. Все члены этого рода были настоящими джигитами – богатырями. Славилась своей удалью и бесстрашием. К тому же были очень богаты. Имели в махале свои пастбища, покосные угодья, пахотные поля. Были известны стадами мелкого и крупнорогатого скота. Принадлежало также им огромное количество тяглогового скота, а лошади, само собой, тоже были в большом количестве. В довершение списка можно привести еще три мельницы.

Отдельно стоит отметить, что первую кузнечную мастерскую построил дед отца – Усуб, сам же там и работал. Род был большой, как мы уже отметили, трудолюбивый и воинственный, потому и начали богатеть довольно быстро, настолько, что самим стало не управиться с огромным хозяйством и приходилось нанимать людей. О знатности рода свидетельствует и тот факт, что двоюродной брат отца Курбан долгое время был управляющим всего Каракоюнлинского махала.

Мы коротко рассказали о прошлом этого рода, чтобы были понятны причины изменений в характере отца. Конечно, принадлежать к известному роду и потом лежать связанным перед какими-то сопляками было выше его сил и самолюбия. Он бы никогда не допустил этого, даже ценой жизни. Но увы, руки его были связаны и без того, задолго до того – детьми и матерью.

Мать, чтобы успокоить отца и замаять возникшую неловкость, примирительно сказала, что, конечно, найдется посуду и все будет как надо, только получилось бы договориться с ним насчет лесоматериалов. Братья посмотрели друг на друга, и Малой дал понять старшему высказать предложение о хинкалях, что тот и сделал. Однако отец, вопреки своему обыкновению, спокойно сказал, что нужно будет зарезать одного из годовалых барашков, потому как наверняка придет еще кто-то из его друзей-односельчан. Ну конечно, и хинкали как дополнительное блюдо не помешают. «Ну, это еще лучше», – подумал про себя Малой, но ничего не сказал, и его уже не интересовало отношение брата к данному мероприятию. Он думал о завтрашнем дне, о гостях, которые придут и наверняка расскажут что-то интересное. С этими мыслями о рассказах об интересном на новом месте, точнее, на родине своих предков, погрузился в сон.

Дети проснулись очень рано из-за громкого разговора родителей. Они с самого утра были заняты заботами о предстоящем дне. Приготовления к приему гостей шли полным ходом. Отец рано утром зарезал короткоухого годовалого барашка, освежевал его и приступил к разделке мяса. Разделил все мясо на три части: для кебаба, то есть шашлыка, для бозартмы (иногда называют бозбаш) и внутренности отдельно. Мать тоже была занята своими делами: мыла посуду, чистила самовар и готовила какие-то приправы к блюдам. Старшему тоже нашлась работа – то отец, то мать давали ему разные поручения, и он их выполнял, но без особого энтузиазма. Не было работы только для Малого, от него требовалось одно – не мешать никому, и он это делал с удовольствием и очень успешно.

Отец позвал мать, чтобы та забрала внутренности в дом, так как их гостям готовить вроде и неприлично,

разве что кто попросит. Мать сказала, что заберет, но, вопреки обыкновению, сразу не пошла; как только отец отвлёкся и отошел ненадолго, чтобы помыть руки, она подошла, сразу забрала не только внутренности, но также прихватила из тех кучек, которые были отобраны отцом, по несколько кусков и сразу же занесла их в дом. Малой все это видел, но сделал вид, что ничего не заметил, так как понимал, что мать старается для них. Отец, вернувшись, сразу заметил «кражу» и резко бросил:

– Дочь сумасшедшего, носи мясо обратно, не позорь меня перед гостями!

На что мать сказала:

– Да камень в рот твоему Мелкону! Сварю потом детям. Ты целого барана что ли ему будешь скармливать?

– Неси обратно, я тебе говорю, – еще тверже сказал отец, и матери ничего не оставалось, как принести все лишнее взятое мясо обратно. Как бы в отместку добавила:

– На, подавитесь вы со своим Мелконом этим мясом, и чтобы он провалился сквозь землю!

Из каких-то только ей понятных соображений сквозь землю она отправила лишь Мелкона. Кто его знает, может, она любила отца и в последний момент подумала, что будет скучно, если он тоже вместе с Мелконом провалится сквозь землю. Скорее всего, не хотела с армянином на пару отправлять и своего мужа, как-никак, сколько лет живут вместе, а вот если с азербайджанцем – не было бы проблемы. Малой слушал все это и пытался что-то понять в отношениях родителей, но это было очень трудное дело для его детского ума.

Отец покачал головой и что-то сказал негромко, скорее всего, помянул «добрым словом» предков матери, но она уже ничего не слышала и ей было все равно, насколько план с мясом уже провалился.

Глава пятая

НОЧЬ ЛЮБВИ

Когда Алик и Зордан зашли в зал, все, как и прежде, спорили о чем-то, перебивали друг друга, и, кажется, уже никто никого не слушал. В стороне от всех этих словесных баталий находился только Геродот, который, сидя на своем месте, спокойно и с аппетитом кушал – видимо, понимал, что вечер подходит к концу и надо наверстать упущенное, а может, и оттого, что просто не хотел заниматься пустой болтовней. Все заняли свои места, и Зордан снова взял инициативу в свои руки. Позвякивая столовым ножом о бутылку, он призвал всех соблюдать тишину и дал слово Алику. Тот поблагодарил тамаду и произнес краткую речь о том, что очень счастлив знакомству и дружбе с такими замечательными парнями и дамами. Произнося слово «дама», мечтательно посмотрел в сторону Сирануш, и та многообещающе посмотрела на него и послала ему воздушный поцелуй. Конечно, такой бессловесный, но очень важный ответ вдохновил его, и потому закончил свою речь клятвенными заверениями в верности дружбе. Неожиданно для всех, конечно же, не спрашивая тамаду, с короткой речью выступил и Геродот:

– Орхан, я желаю, чтобы ты не ошибался в выборе жизненного пути, и чтобы на твоём пути встречались честные и порядочные люди. По окончании этих мероприятий я тебе сделаю подарок.

Все постепенно стали расходиться, и за столом остались втроем – он, Сирануш и Зордан. Сирануш как бы спеша сказала:

– Ладно, мальчики, я пошла к себе, тут недалеко. А вы можете продолжать без меня.

На что Зордан ответил:

– Подожди, Алик тебя проводит, – и подмигнул ему, незаметно протягивая под столом бутылку шампанского.

Алик машинально взял бутылку и направился к выходу за Сирануш. Зордан вслед ему сказал, что в девять утра будет ждать его в вестибюле, на что тот согласно кивнул головой.

На улице Сирануш предложила посмотреть ночной город. Они сели в такси, и она тут же велела шоферу провести небольшую экскурсию по городу. Водитель понял, что клиенты нормальные, то есть не будут разводить торговлю при расчете, согласно кивнул головой, завел мотор, и новенькая 21-я помчалась по проспекту.

Сирануш как хозяйка положения начала рассказывать о памятниках и исторических зданиях, которые редко встречались на пути следования, при этом, близко прижимаясь к нему, грудью слегка касалась его плеча и указательным пальцем направляла его взгляд в нужную сторону. Все строения и памятники, о которых она рассказывала, относились к советскому периоду. Образцов досоветской архитектуры на всем пути следования они не встретили, за исключением пары-тройки строений девятнадцатого века, в том числе коньячного завода. Это, конечно, привлекло его внимание, хотел спросить об этом, но почему-то передумал.

При каждом ее прикосновении к нему его сердце билось все сильнее. В один момент ее левая рука оказалась на его бедре, и он от волнения потерял дар речи; ничего не слыша и не соображая, просто кивал головой, а мысли умчались в дальние дали за мечтой о завоевании ее. Давно уже потерял контроль над временем, и ему

показалось, что катаются они по городу если не целую вечность, то по крайней мере второй, а то и третий круг по одним и тем же местам. Она, конечно, тоже понимала, что с ним происходит в эти секунды, но, как и любая женщина, вела себя непринужденно. Он хотел попросить ее закончить это ненужное, утомительное и не к месту длинное путешествие, но сдерживал себя, понимая нетактичность, а еще больше грубость такого поведения. Но все разрешилось само собой: она сама предложила закончить на сегодня экскурсию и продолжить завтра или в другие дни. Это было единственное предложение из всего ее рассказа, которое он понял со всей четкостью и сказал:

– Да, так будет лучше.

Она велела таксисту поехать к гостинице. Через несколько минут остановились напротив гостиницы. Вышел первым из машины, обошел ее сзади и открыл ей дверь. Сирануш вышла, пригладила волосы, незаметно поправила платье, а он, в свою очередь, подошел к водителю, протянул ему пятерку, но так, чтобы она не заметила, и спросил, достаточно ли этой суммы. Водитель, сияя от радости, благодарно кивнул головой и, спросив для приличия разрешения, уехал. Они зашли в гостиницу, поздоровались с дежурной и, взяв ключи от своих номеров, подошли к кабине лифта. Он нажал на кнопку вызова, и дверь кабины тут же открылась.

– О, нам повезло, – сказала Сирануш и, как кокетливая старшеклассница, не дожидаясь приглашения, забежала в кабину лифта; вслед за ней зашел он. Она «случайно» заметила бутылку шампанского у него в руке, похвалила его: – Молодец, когда же ты успел купить его?

Он, чтобы избежать прямого ответа, пожал плечами и улыбнулся. На четвертом этаже лифт остановился, и они вышли из кабины. Он посмотрел на нее нежно и вопросительно, и во взгляде читалось: «К кому пойдем?» Она предложила зайти к ней, так как у нее есть свежие фрукты. Идя за ней следом, разглядывал ее со спины:

у нее была очень красивая, точнее сказать, грациозная походка; густые, черные как смоль волосы, подстриженные немного ниже плеч, с каждым ее шагом волной переливались из стороны в сторону и будоражили его воображение; он любовался, глядя на ее прямые плечи, тонкую талию. Конечно же, как любой мужчина, не оставил без внимания и место, где кончается или начинается талия. Там тоже все было очень красиво, будто природа, создавая ее, призвала на помощь лучших математиков, чтобы соблюсти нужные пропорции. Он настолько был охвачен своими мыслями, что не заметил, как та остановилась у двери своего номера, и чуть не сшиб ее.

Сирануш тоже заметила его замешательство, но виду не подала и, по-доброму улыбаясь, начала открывать дверь. Когда она улыбалась, губы ее слегка расходились, и тогда становились видны красивые ровные белые зубы. В это время ее чуть смугловатое лицо становилось еще красивее, и никто не замечал небольшую горбинку немного непривычных размеров ее носа. Не мог не обратить внимания на ее красивый, с едва заметной ямочкой, подбородок. Черная, как жемчуг, маленькая родинка, расположенная на левой половинке ямочки подбородка, давала особую, неповторимую красоту ее смугловатому лицу. Зашли в номер, и она как бы между прочим сказала, что на этаже только они, все остальные участники размещены на этажах повыше, чему, конечно, он очень обрадовался.

Номер у нее был высшего разряда, двухкомнатный, с холодильником и телевизором. В первой комнате стоял шкаф, диван, журнальный столик и небольшой стол у окна, видимо, рабочий, и на нем же стоял телефонный аппарат нового поколения, с наборным диском. Были также три мягких стула. Коридор в прихожей был широкий, слева от входа размещались ванная и туалетная комнаты. Здесь же в прихожей стояло трюмо с большим зеркалом. Вторая являлась спальней, а из предметов обихода

была широкая двуспальная кровать, два торшера и две тумбы по обеим сторонам кровати. Воздух в номере был свежий, так как форточки в комнатах были приоткрыты, шторы на окнах задвинуты. Она извинилась и попросила разрешения покинуть его ненадолго и зайти в душ, а ему велела открыть шампанское и достать из холодильника фрукты, которые посчитает нужными. Он снял обувь и зашел в комнату, поставил вино на журнальный столик, попросил у нее разрешения зайти первым в ванную, чтобы помыть руки и, не дожидаясь ответа, зашел; быстро сполоснув руки, вышел оттуда. Когда она зашла в ванную, он подошел к холодильнику, открыл его и глазам не поверил, увидев его содержимое. Там были различные фрукты, виноград, несколько бутылок различных марок вина, бутылка армянского коньяка, шоколадные конфеты, различные холодные закуски. Кроме всего прочего, было много мандаринов, чему был рад, так как являлся большим их любителем. Здесь же на дверной полке лежал штопор. «Что, она специально заранее готовилась, что ли?» – подумал он и, не развивая мысль свою, начал доставать из холодильника всего понемногу.

Он не знал, что не она готовилась, а ее саму тоже готовили к этой встрече: содержимое холодильника было заказано из ресторана за два часа до их прибытия, и руководил всем этим его новоиспеченный друг Зордан.

Так сильно был увлечен сервировкой стола, что не заметил, сколько прошло времени. Когда увидел ее рядом с собой, сказал:

– Вот, все готово.

Сирануш улыбнулась, похвалила его, предложила тоже принять душ и сказала, что чистое полотенце висит там. Он зашел в ванную комнату, сполоснулся и через некоторое время вышел, надев халат, висевший там, и недоуменно посмотрел на нее. Она поняла все и сказала, что в номерах такого класса все это полагается, и ее заслуги в этом нет. Удовлетворенный ее ответом,

улыбнулся и сел на диван рядом с ней, взял мандарин, почистил и, поделив на две половинки, одну половинку предложил ей. Та взяла и сказала, что мандарины привез абхаз Валерий Бегелури из собственного сада. Мандарины действительно были очень вкусные. Он наполнил бокалы, и молодые люди продолжили банкет уже в более приятной и желанной для обоих обстановке. Она выпила немного и сказала, что пойдет спать в спальную комнату, а ему предложила, если пожелает, лечь на диване. Конечно, он рассчитывал не на это, и мечта, загоревшаяся в душе, начала постепенно угасать. Поймав его настроение, сказала:

– Мне мама всегда рассказывала сказки перед сном. Теперь, поскольку мамы нет рядом, эта миссия возлагается на тебя.

У него снова загорелись глаза, и, лукаво улыбаясь, сказал, что не только сказку расскажет, но и убаюкает ее. Она улыбнулась, встала и прошла в спальню. Убрав все со столика, он тоже прошел за ней.

Свет был выключен, только у изголовья кровати горел торшер, и его слабый свет освещал ее лицо. Она лежала, прикрывшись одеялом. Особую возбуждающую контрастность создавали ее черные волосы, закрывающие почти всю поверхность белоснежной подушки. Она держала одеяло двумя руками повыше груди, на уровне шеи. Он взял ее двумя руками за плечи и тихо спросил:

– Какую тебе сказку рассказать, принцесса?

– О любви, и пока сказка не закончится, можешь прилечь рядом.

Набравшись смелости или, другими словами, вытолкнув стеснительность, он ответил:

– Что о любви рассказывать? Ее нужно создавать, а точнее – творить.

С этими словами наклонился к ней и прильнул к ее губам. Она отпустила одеяло, обняла его за шею. Трудно определить, сколько длились страстные поцелуи, и сам

не помнил, как оказался под ее одеялом и отчего вдруг погас торшер; только уличные фонари, с трудом пробиваясь через плотные шторы, создавали мерцающую, почти затухающую освещенность в тепер уже их спальне. И эта слабая, почти затухающая освещенность давала им силу и страсть. Они не устояли перед напором зова природы. Адеяло давно сползло на пол, однако этого не заметили, согреваясь в объятиях друг друга энергией любви. Он прижался к ней изо всей силы, и она, обхватив его руками, притягивала к себе. Когда была исполнена воля страсти и удовлетворена ее потребность на первом уровне, он, почти обессиленный, упал на ее грудь, затем лег на бок рядом с ней. Она повернулась к нему лицом и обняла его, и они снова поцеловались. Он наслаждался, проводя рукой по ее гладкому телу. Она повернула его на спину, положила голову ему на грудь и, глядя ему в глаза, спросила:

– Что ты испытываешь в эту минуту?

Он ответил коротко и лаконично:

– Бесконечное наслаждение и безграничную любовь.

– Тебе в награду будут мои поцелуи, – сказала она и начала его целовать.

Она осыпала все его тело поцелуями, тот, испытывая удовольствие, закрывал глаза. Небольшой золотой нательный крестик, висевший на ее шее на золотой цепочке, также касался всего его тела и пронизывал холодком. На это не обращал внимания, так как удовлетворение физиологической потребности и природного инстинкта пересиливало и побеждало слабый холодок коварного металла; та тоже забыла о крестике. Его возбуждала ее беспредельная страсть, потому что в жизни не испытывал такого удовольствия от поцелуев девушек, если учесть, что был не из робкого десятка и в отношениях с девушками в годы учебы в университете имел успех. Она повернулась к нему спиной и попросила его погладить ей спину. Ее спина привлекала его давно,

и с удовольствием принялся за дело, целовал и гладил ей спину, она стонала от удовольствия, и ее стоны доставляли ему особое удовлетворение. Удовлетворив сполна взаимную страсть, оба легли на спину. Она положила свою маленькую голову ему на руку и спросила:

– Сколько тебе было лет, когда в первый раз захотел женщину по-настоящему, как мужчину?

– Не помню, наверное, в четырнадцать или пятнадцать, – ответил он.

– А я в одиннадцать, – сказала она и продолжила: – Отец у меня работал на ферме, я часто ходила к нему туда, носила обед. Там были лошади, кони, быки и коровы. Часто видела, как они бывают вместе, но как-то было все равно, не обращала внимания. Но однажды мне встретились конь и кобыла. Я почему-то остановилась, смотрела, как тот ухаживает за ней, меня это заинтересовало, стояла как замороженная, смотрела с вожделением и, когда они начали совокупляться, не могла оторвать глаз. Чувствовала всю его мощь на себе. Завидовала этой кобыле. Ты не поверишь, но это так. Вот тогда я почувствовала себя настоящей женщиной, мне тоже хотелось удовлетворение инстинкта, заложенного природой. – Неожиданно она сменила тему разговора вопросом: – Слушай, а ты знаешь, как формируется сознание человека? – и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Умственные способности, вообще сознание мальчиков формируется от матери, а сознание девочек – от отца. Я об этом читала у одного философа, правда, сейчас забыла, как его звали. Из древних, может, даже Аристотель.

– И что из этого? – недоуменно спросил он.

– А то, что мы, армянки, ненасытные, нам всегда всего мало, даже скажу больше: нам не то что всего мало, нам ничего не хватает никогда, мы ненасытные во всем. Мы формируем сознание мужчин подобно своему, и они формируют сознание новых девочек, будущих женщин. Это замкнутый круг, и нам из этого не выйти. Наша

неудовлетворенность в «этом» распространяется на все, понимаешь ты?

– Теперь понимаю, – ответил он.

Слушая внимательно, он хотел было спросить, произошло ли чувство зависти к той кобыле, но после трагично-пламенной ее речи передумал; повернулся к ней, крепко поцеловал в губы и сказал:

– Давай спать, завтра рано вставать в дорогу.

Сам лежал и представлял картину спаривания двух лошадей, с горечью осознал, что, может, она и дотянула бы до той кобылы в своих страстях, однако он и близко не стоит не то чтобы с тем колхозным жеребцом, взбудоражившим ее воображение еще в невинном девичьем возрасте, но даже с цирковым пони. От этих мыслей стало ему горько и, сказав про себя: «Ненасытная кобылка колхозная», улыбнулся остроумию придуманной фразы, отвернулся к стене и быстро заснул.

Глава шестая

ИЗВИЛИСТЫЕ ГОРНЫЕ ДОРОГИ

Орхан всю ночь спал крепким сном и проснулся лишь в половине десятого, хотя они с Зорданом договорились о встрече в девять. Поднялся, пошел в ванную, сполоснулся, побрился и вышел. Сирануш тоже встала и, когда он вышел из ванной, спросила:

– Вернетесь сегодня?

На что он пожал плечами и ответил:

– Не знаю, как там получится.

Она обняла его, крепко поцеловала и сказала:

– Буду ждать к вечеру все равно.

Буквально выбежал из номера, подошел к кабинам лифта, горела красная лампочка. «Тьфу! Вечно, когда нужно, то обязательно занят», – подумал про себя и быстрыми шагами пошел к ступенькам; когда спустился вниз, как и предполагал, Зордан сидел на диване и читал какую-то газету на армянском языке. Поздоровались, извинился за опоздание. Зордан похлопал его по плечу и сказал:

– Не стоит переживать, с тебя такси до Дилижана и столик на троих в ресторане, тогда считай оплаченным мое драгоценное время, потраченное на ожидание вашего величества.

Он улыбнулся и коротко сказал:

– Идёт, вопросов больше нет.

Вышли из гостиницы, новенькая 21-я ждала прямо у входа. Оказывается, Зордан уже давно заказал

им машину для поездки. Сели на заднее сиденье, и машина плавно тронулась, словно поплыла; по дороге говорили о разном и за разговорами не заметили, как вскоре оказались на знаменитом Дилижанском перевале. Зордан сказал ему:

– Сейчас начинается самая интересная часть нашей дороги. Ты таких мест еще не видел, смотри, чтобы голова не закружилась.

Водителем оказался молодой человек лет двадцати пяти – тридцати, чувствовалось, что он знает свое дело. Зордан кивком головы показал Алику, как тот вёл машину на серпантине: практически не нажимал на педаль тормоза, скорость менял, только переключая передачи. Алик не выдержал и спросил, почему он так ведет машину (конечно, про себя подумал, что специально, хочет продемонстрировать свое мастерство), на что водитель улыбаясь ответил:

– На таких дорогах только так нужно. Если постоянно эксплуатировать тормоза, то нагреются колодки и система откажет, а к чему это приведет, можно посмотреть вниз и легко догадаться.

Прошло совсем немного времени, и они оказались в Дилижане. Зордан назвал адрес, и водитель сказал:

– Знаю, где это место. Скоро будем, от города всего пять-семь километров.

Вскоре они выехали из города и взяли курс к востоку. Через некоторое время свернули с трассы на проселочную дорогу и оказались в поселке. Поселок назвался Чархадж. Дома здесь были выстроены аккуратно в ряд по обе стороны дороги, по типу квартального проектирования. Центральную улицу, по которой они ехали, пересекали также улицы, но они были как бы второстепенными. Проехав до конца улицы, они свернули направо и остановились у ворот крайнего дома слева. Зордан договорился с шофером, чтобы тот приезжал за ними на следующий день к половине одиннадцатого. Шофер

попрощался с ними, развернулся и уехал. После Зордан нажал на кнопку звонка, однако долго (может, так показалось) никто за воротами не отзывался. Алик предложил постучаться, сославшись на возможную неисправность звонка. Зордан дал рукой знак потерпеть, и в это время они оба услышали громкий голос: «Кто там? Сейчас иду», – и через короткий отрезок времени створка ворот отворилась и перед ними встал мужчина лет семидесяти – семидесяти пяти, выше среднего роста, крупного телосложения, с большим животом. Заметно прихрамывая на правую ногу, он вышел к гостям, протянул руку Зодану:

– Добро пожаловать, Зорик-джан, – затем повернулся к Алику, сказал: – Здравствуйте! – и подал руку.

При виде его наш герой немного растерялся, посмотрел на Зордана, а тот улыбаясь сказал ему:

– Не робей, это тот человек, с которым, может быть, всю жизнь ты мечтал встретиться. – Потом добавил: – Дядя Мелкон, познакомьтесь, это Алик, сын тети Наирик.

При этих словах у молодого человека из-под ног словно земля ушла. Хотел сделать шаг вперед, не смог, перед глазами все поплыло, и чуть было не грохнулся о землю, однако сильные руки Мелкона подхватили его. Приходя в себя, он только произнес:

– Дядя Мелкон, вы не представляете, как я рад встрече с вами.

– Знаю, мой мальчик, все знаю, – ответил Мелкон.

Они вошли во двор. От ворот к дому вела вымощенная камнями дорожка, по обе стороны которой росли виноградные кусты, ветки которых, свиваясь по стойкам из труб, поднимались кверху и создавали коридор. Росли также другие фруктовые деревья, которые были аккуратно подстрижены. Чувствовалась забота знающего человека. Дом был большой, двухэтажный, с верандой. Жил здесь Мелкон один, после того как лет десять назад умерла жена. Единственная дочь, которая проживала в Ереване, изредка приезжала навещать отца. Жизнь

его протекала однообразно, но и нельзя сказать, что совсем скучно. К нему постоянно ходили школьники, и сам часто по приглашению классных руководителей ходил в школу по поводу различных праздников. В школе его называли свидетелем века и всегда с интересом слушали его рассказы о войне 1918 года, которая происходила в Армении и вообще в Закавказье. Его также частенько навещали гости из Еревана: писатели, поэты, художники, которые в своем творчестве обращались к данной теме. Чаще всех у него гостил Зордан, который по своему духу и образу мышления был с ним очень близок. Поднялись они на веранду, откуда вид на сад был очень красивый. Мелкон оставил их, пошел колдовать над самоваром, который стоял на балконе первого этажа, и оттуда «отчитывал» Зордана за его редкие приезды; тот, в свою очередь, пытался как-то оправдываться, ссылаясь на занятость, но у него это получалось очень неуклюже. Зордан посмотрел на Алика и спросил:

– Ну как ты, не шокирован моим сюрпризом?

– Слов нет, это действительно сюрприз. Спасибо тебе. Последние слова мамы были только о нем, она просила меня найти его. Я твой вечный должник.

– Ладно, будет тебе. Радуйся встрече с родным человеком.

Прошло не так много времени. Старый, но очень бодрый Мелкон принес большой самовар и поставил на стол, попросив предварительно Зордана подставить под него небольшую алюминиевую тарелку. Потом поставил на стол три граненных стакана на блюдцах. На столе стоял также большой заварной чайник с сеточкой на соске и полная сахару сахарница.

– Недавно заварил, как раз отстоялся, хорошая заварка. Давайте пока попьем чаю, а потом вместе приготовим обед.

Зордан улыбаясь посмотрел на Алика и сказал:

– Нет, дядя Мелкон, тут один молодой человек задолжал нам с вами стол на троих в ресторане, и я думаю, обидим его, если сами будем готовить.

– Как решите вы, Зорик-джан. Тогда мы попьем чаю и вечером поедим в Дилижан, а сейчас легкий обед.

Он поставил на стол хлеба, сыра и прочей еды; тут же началась оживленная беседа.

– Расскажи про маму. Я не смог приехать на похороны, извини, мой мальчик, – обращаясь к Алику, сказал он.

Алик вкратце рассказал дяде о жизни своей и матери за последние немногим больше двадцати лет. Он также сказал о том, как мама, умирая, просила найти его, и все эти годы он думал только об этом. Также попутно благодарил Зордана за содействие.

Постепенно беседа из личной темы сползла на политическую. Мелкон спросил Зордана о работе армянской интеллигенции по установке памятника для увековечения памяти о геноциде армян. Сказал о том, что нельзя предавать забвению память трехсот тысяч армян, погибших в 1915–1918 годах в Османской Турции. На это Зордан ответил, чтобы тот не беспокоился об этом, так как уже внедрились в сознание людей число более шестисот тысяч, и работа в этом направлении будет вестись, пока в мировом масштабе в сознании людей не укрепится более внушительное число, скажем, более миллиона.

– Надо, Зорик-джан, надо. Создание Великой Армении – это наша мечта, и мы должны сделать все. Мы должны освободить все наши земли от тюркской нечисти. Они недостойны жить на наших землях.

Далее Мелкон продолжил:

– Ожидаются большие перемены в верхних эшелонах власти. Об этом говорил каталикос. Недавно он вернулся из Москвы, встретился там с самим председателем, тот сам принял его и в приватной беседе поведал о том, кто займет место первого. Пока твердо не решили, но надо быть готовым ко всему. Зорик-джан, вы, творческая интеллигенция, должны сделать все, чтобы командарм занял достойное место в истории нашего народа.

После этих слов Мелкон замолчал, уставился взглядом в неизвестную точку и смотрел, даже не моргая. Зордан не стал перебивать его, а Алик тем более смотрел на него все время как замороженный, ловя каждое слово, даже, можно сказать, каждый вздох его. Сколько прошло времени в таком молчании, никто не мог сказать, и наконец Мелкон «вернулся» из своего мира воспоминаний, полного драматических, незабываемых событий. Он, как будто и не «уходил», продолжил свой разговор.

– В нашей истории Андроник-паша занимает особое место. Никто не отомстил тюркам так, как это сделал он, разве что Нжде. Я горд тем, что служил под его началом.

Здесь Алик хотел попросить его рассказать об этом поподробнее, но не решился, и правильно, потому как тот сам продолжил рассказ об этом периоде своей жизни.

– С командармом я был знаком еще с Первой мировой, когда тот перешел в сторону сначала англичан, а потом русских, – был генералом Турецкой армии. Правда, эти уроды поймали его и, чтобы опозорить, отрезали ему правое ухо в надежде, что командарм покончит с собой. Они ошиблись, глубоко ошиблись: полководец наш сохранил свою жизнь для борьбы с врагом. Нас не так много, чтобы еще заниматься самоистреблением. Понятия чести, достоинства, самоуважения, гуманности и прочая ерунда должны отходить на второй план, а еще лучше исчезнуть, когда речь идет о судьбе Великой Армении. О них можно говорить на общих собраниях. Наши души, наша мораль должны быть многослойными и не подлежащими полному раскрытию, и при этом каждый слой, в свою очередь, обладает свойством гибкости. Говорят, точнее, придумали грязные турки, что у нас, у армян, мораль неуправляема; нет, как раз наша мораль даже очень управляема и служит интересам родины. Служил я у командарма командиром истребительно-карательного батальона. Почему такое двойное название этого подразделения – все очень просто, командарм говорил: «Врагов

настоящих нужно истреблять, а врагов из своих нужно карать», – чем я и занимался все годы службы у него. Еще в Османской Турции в годы Первой мировой входили в села, где жили турки, уничтожали всех, не щадя никого, а когда приходили правительственные войска, просто отступали, при этом карая армянские населенные пункты, которые были пассивны в нашей борьбе или выступали против. Это было одним из гениальных тактических приемов командарма, как говорят, тактика на века. А потом же призывали мировое сообщество поглядеть на все это. В армянских населенных пунктах показывали зверства турков. Об этой тактике мы с вами еще поговорим, Зорик-джан, позже, – при этом взгляд направил на Алика, как бы спрашивая, можно ли ему доверять.

Зордан в ответ улыбнулся и незаметно кивнул головой в знак согласия. Алик же был в своем мире и вовсе не заметил их кивки и ужимки.

– С 1918 по 1920 год мы с командармом воевали, можно сказать, везде, по всему Закавказью. Начали из Нахичевани, прошлись по Зангезуру, Каракоюнлу, Геокча, Казах, Гянджа, Карабах Борчалы, Шамахи, Губа. Помешали нам большевики, так бы мы добились своего. Сначала они нас поддерживали, помогали всем: оружием, продовольствием и всем необходимым для войны, – а потом помешали. Оккупировали в 1920-м их, потом нас, а потом и Грузию. Теперь нужно создавать такую же ситуацию и не упускать возможность захвата, точнее, освобождения новых территорий. В последние годы я работал в тех местах, где воевал в молодости. Многих, против которых я воевал, знал лично. Эх! Столько воды утекло с тех славных лет. Если сегодня начнется такая же война, я готов взять под свое командование такой же батальон и вести его. Я знаю вход в каждый дом в тех краях. Все эти годы, что я работал там, был вхож во все дома. У этих азербайджанцев наивность и доверчивость граничит с глупостью. Правда, они не знали, что я тогда воевал против

них, даже если и знали бы, ничего не изменилось: очень отходчивы, все быстро забывают и еще быстрее прощают. Об этом я не распространялся, сидя в их компании, слушал их беседы и в душе смеялся над ними. Они мне рассказывали, что большинство погибших в этот период армян были уничтожены своими же по приказу Андроника, будто я этого не знал, и при этом очень грубо обзывали командарма. От них же я узнал более точно, при каких обстоятельствах и кто ранил меня тогда в ногу. Если тогда знал бы точную картину, продолжил бы преследование и истребил бы всех. Да... Очень жаль, что не знал. Они меня приглашали в свой дом и угощали самым лучшим, чем могли, и считали, что я их друг.

В этот момент Зордан и Алик поняли, что Мелкон разговаривает будто с самим собой, словно не замечая их присутствия. Зордан исподлобья посмотрел на Алика, и тот понял, что не стоит перебивать дядю, скоро сам «вернется».

– Я в последние годы работал в Алтычайском отделении Дилижанского управления лесничества. Знаете, я ведь там многим помогал обустроиваться. Помогал тем, что давал лесоматериалы для строительства домов. Не нравилось мне одно: стали возвращаться те, кого выселяли в 48–50-м годах. Такую политику нужно остановить. Последним, кому я помогал, был тоже возвращенец, но более того – мы воевали друг против друга. Свое ранение в ногу получил, когда преследовал их, и это был мой последний бой.

Здесь Зордан все-таки осмелился и спросил:

– Дядя Мелкон, а почему вы помогли им, да тем более последнему, с которым воевали?

На что Мелкон спокойно ответил:

– Ничего, пусть строятся, все равно нам достанется, мы же их выселим снова, и на этот раз безвозвратно; что касается последнего, то я знал весь его род, они потеряли столько, что не сравнить ни с чем. Я же сказал, пусть

строится тоже, не жалко. Жаль только одного – он не увидит очередного изгнания их из тех земель, и я, наверное, не увижу. Знаешь, Зорик, больше жалею, что тот не увидит этого дня, нежели я. Да, не увижу этого дня, но нисколько не сомневаюсь, что этот день наступит. Ох... С каким удовольствием я снова преследовал бы их в тех горах. Знаешь еще о чем жалею? О том, что из семьи предателя Арменака, как выяснилось позже, мы тогда не всех покарали. Младший сын был у него еще, сейчас живет в Тутуджуре. Известен как огру – вор Ильяс, и как ты думаешь, с кем он дружит? Как и предатель-отец, с алтычаевцами, особенно с моим последним «знакомым». Такие друзья – не разлей вода. Говорят, в тюрьме сидели вместе. Ведь тогда о нашем плане им сообщил как раз Арменак, жил он тогда в Мартуни, когда я узнал о его предательстве, отправил туда Юзбашяна с несколькими бойцами. Юзбашян не справился, оставил в живых этого гаденьша, и тот ходил потом везде, трезвонил, что его семью уничтожили армянские бойцы, а не турки. Командарм был недоволен, Юзбашяна передали военному суду, и тот получил по заслугам. Знаешь, Зорик, эту тактику придумал командарм, оправдывает себя безотказно. Покараешь своих предателей и показываешь на врага, а потом можно и нужно поплакать по «невинно убиенным».

Мелкон чем больше рассказывал, тем больше волновался. Несмотря на это, не терял нити разговора. Алик удивлялся цепкости его памяти. Далее он продолжил:

– Нам важно не только изгнание из Армении азербайджанцев, но также воссоединение Карабаха и Армении. К сожалению, я не увижу возрожденную Великую Армению. Эта задача возлагается на вас, дети мои.

На этом месте Мелкон умолк, смотрел, уставившись взглядом в одну точку, будто спал с открытыми глазами. Зордан дал знак Алику, они встали из-за стола и спустились вниз; сказал, что такое бывает у дяди Мелкона, когда волнуется. Пройдет немного времени, придет в себя, и все будет

в порядке. Они ходили по саду и говорили о старом Мелконе. Говорил в основном Зордан, в конце беседы сказал:

– Алик, ты счастливый человек: у тебя есть такой дядя, живая легенда, свидетель века. Подумай, напиши о нем, он ведь достоин этого.

В это время услышали голос Мелкона:

– Эй, молодежь, что вы меня оставили одного? Думаете, что старый Мелкон не способен с вами потягаться в спорах? Зря.

С этими словами тоже спустился вниз, и молодые заметили, что он одет по-праздничному – не броско, но со вкусом.

– Ну что, едем в Дилижан на ужин? – весело спросил он. – Я угощаю, – и, не давая им возразить, добавил: – Вы – мои гости.

Не спеша они направились к центральной улице и сели в первую попавшуюся машину. Дело в том, что в поселке Мелкона все знали, относились с уважением и никто никогда ему не отказывал в просьбах.

Посиделки удались на славу, все было на высшем уровне. Вернулись домой за полночь, Алик был изрядно пьян, но Мелкон и Зордан были почти трезвые. Они уложили его спать, сами прошли в другую комнату. Мы сейчас не будем приводить содержание их беседы, но скажем только одно: в эту ночь Зордан получил от стареющего, но еще бодрого Мелкона план дальнейшей работы, можно сказать, до конца века. В эту ночь были посеяны семена злобы и ненависти, которые в будущем должны были дать (и, конечно же, дали) обильные всходы.

Утром, когда они только позавтракали, у ворот просигналило такси с ереванскими номерами. Тепло попрощались с Мелконом, тот проводил их до ворот. Сели в машину и взяли курс в сторону столицы. В голове у Алика все крутились последние слова дяди. «Мы, возможно, больше не увидимся, но ты должен делать то, чем гордилась бы твоя покойная мать и, конечно же, я».

Оба сели, как и раньше, на заднем сидении. Особого разговора не было, потому как Алик соображал с трудом; Зордан же, наоборот, был бодр и весел и пытался развеселить друга, будто получил дополнительный заряд энергии от чистого дилижанского воздуха. Он действительно получил заряд энергии, но не только от чистого воздуха. Самое главное, его вдохновляла встреча с Мелконом. Теперь знал, о чем и как будет писать, и осознавал, что произведения, которые напишет в будущем, будут иметь мировые последствия и не меньше. Только нужно обезвредить отдельных недоразвитых, которые мешают продвижению нации к благородной цели.

В город они приехали довольно быстро и сразу же поехали на конференцию.

– Успеем на вторую половину после обеда, все нормально, – сказал Зордан.

Действительно, ко второй половине конференции они успели. В глаза сразу бросилось, что все места в президиуме были заняты. Появилось много новых лиц из числа старшего поколения, творцов из всех трех республик, и в зале все места были заняты. Прибыли те приглашенные, которые по каким-то причинам не могли приехать в первый день. В зале уже сидели вперемешку, а не как в первый день – обособленно. Для выступления слово предоставили молодой поэтессе из Азербайджана, Текмине Ниязбейли. Когда она шла к трибуне, почему-то многие оборачивались и смотрели на молодого армянского поэта Карена Меликсетяна, которого в кругу друзей все называли за добрый и веселый нрав весельчаком, но после того как он перевел армянского поэта-песенника Саят-Нову на все три языка Закавказья, прозвали его Саят-Нова.

Саят-Нова писал на всех трех языках Закавказья, однако абсолютное большинство его произведений написано на азербайджанском, и по этой причине многие литературоведы не без основания считают его азербайджанским поэтом.

К двухсотпятидесятилетию со дня рождения Саят-Новы Карен перевел его стихи с одного языка на два других. Он сам великолепно знал все три языка. Родом был из Иджевана, родился в семье простого сельского труженика – пастуха Вагана Меликсетяна. Его детство прошло на границе трех республик, и потому все три языка были для него родными. Что касается Текмине Ниязбейли, то, как говорили друзья, он «неровно дышал» к ней. Вот и сейчас, когда та шла к трибуне, все с улыбкой смотрели на него. Кто-то бросил:

– Саят-Нова, она тебе не по зубам! У нее мать – азербайджанка, отец – лезгин, а сама она с характером, как перец горький, и к тому же, говорят, уже обручена с каким-то композитором из горских евреев. Так что птичка улетела, можно сказать.

На это Саят-Нова ответил:

– Текмине, ай, Текмине,
Ханы о игид, сени тек мине.

Это просто срифмованная игра слов и означает примерно: «Текмине, ай, Текмине, где тот смельчак, что бы оседлал тебя?»

При этих словах часть зала погрузилась в дикий смех. Они настолько громко смеялись, что с президиума им сделали замечание. Кое-как успокоились и стали делать вид, будто слушают оратора.

Переводил он и современников, и при этом если старших, то называл их «дядями», если же ровесников, то они были для него «братьями». Обращаясь как бы ко всем, Саят-Нова сказал, что дело идет к концу, наверно, завтра к обеду все это закончится и будет грандиозная научно-практическая и творческо-показательная пьянка.

– Откуда знаешь? – спросил его давний друг, грузин Роман Николайшвили. Также на него вопреки

посмотрел абхаз Валерий Бегелури. Опять же он, обращаясь ко всем, сказал:

– Вы что, не видите? В президиуме и в зале все места заполнены. Такая заполняемость бывает только перед праздничным обедом, который переходит в ужин. Такое мне знакомо еще с детства, когда встречались (и встречаются сейчас) возле Красного моста партийцы трех республик из близких районов. Все кончается пьянкой.

Все снова дружно засмеялись.

Когда Алик и Зордан зашли в зал, не нашли места рядом и сели поодаль друг от друга. Алик глазами озирался по сторонам и искал ее, однако не увидел. Вопросительно посмотрел на Зордана, тот в ответ пожал плечами и кивнул головой, что означало: «Не знаю, но скоро все выясню». Далее они сидели молча и в шутках, нарушающих порядок, не участвовали.

Объявили перерыв на тридцать минут, и все начали выходить из зала. Алик вышел и встал недалеко от выхода, и все озирался по сторонам. Через некоторое время подошел к нему Зордан, отвел в сторонку и сказал, что ее больше не будет, уехала домой, у нее умер отец. Алик не знал, что сказать, только молча смотрел на друга, и тот, в свою очередь, только смог вымолвить:

– Такие вот дела, друг мой, – и с этими словами взял его под руку и сказал: – Пойдем.

Алик понял, куда его зовут, ничего не сказал, и они пошли в буфет.

Закончился перерыв, все постепенно стали заходить в зал. Прошло минут двадцать, а то и больше, пока наконец этот улей не успокоился. Постукивая карандашом по графину с прозрачной жидкостью (кто его знает, возможно, там была вода), ведущий обратил внимание зала к себе и предоставил слово гостю из Москвы. Представитель из Москвы поздравил всех, пожелал им успеха в творчестве и очень долго рассказывал о роли литературы в формировании и воспитании человека нового

типа. Когда он говорил об этом, чувствовалось, что сам не верит тому, о чем ведет речь. Вся речь была построена на избитых газетных оборотах.

Наконец наступил долгожданный заключительный день конференции, и все заметили одно грубейшее нарушение в повестке. Как правило, везде важный гость, приглашенный из Москвы, должен был выступить последним, с заключительным (так сказать, напутственным) словом, однако его задвинули куда-то в середину, а с заключительными речами выступили представители старшего поколения закавказской интеллигенции.

Несколько отвлекаясь, заметим, что ничего удивительного в этом не было: мероприятие проходило в Армении, где второй секретарь ЦК, и не только он, но даже председатель республиканского КГБ были армянами, тогда как во всех других республиках и национальных автономиях они обязательно были русскими.

Последними выступили трое из знаменитых. По неписаной традиции выступающий заканчивал свою речь на подобных мероприятиях на языке одной из тогдашних братских республик. Первым выступил писатель Нодар Гурамашвили и закончил свою речь добрыми пожеланиями молодым писателям и всем братским народам на довольно сносном армянском языке. Затем выступил армянин Кагрманян, и он, начав свою речь на приличном русском, закончил ее на чистом азербайджанском, и сразу было видно, что эти языки он знает, а не вызубрил их перед выступлением. Наконец слово предоставили народному поэту Азербайджана Салману Рустами. Тут Саят-Нова засуетился, начал всех утихомиривать и призывать послушать его знаменитого «дядю», так как Саят-Нова перевел очень много его стихов на армянский и грузинский языки. Салман Рустами говорил очень долго на русском языке, очень чисто и грамотно, только с достаточно заметным азербайджанским акцентом, и все никак не мог перейти к заключительной части. Дело в том,

что ему для заключительного слова достался грузинский язык, а с этим, скажем мягко, были проблемы. В сердцах ругал своего лучшего друга Гурамашвили: если он свою речь закончил бы на азербайджанском, тогда ему бы автоматически достался армянский язык, а тут надо только на грузинском. Пересилив себя, он что-то говорил – всего несколько предложений вроде бы на грузинском, все поняли, кроме грузин. Они начали смотреть друг на друга и недоуменно пожимали плечами. Тишину нарушил Бегелури, начал аплодировать, и все последовали его примеру. Кто-то попросил у Саят-Новы перевести сказанное дядей, и тот невозмутимо повернулся к вопрошающему (был кто-то из азербайджанцев) и «перевел»:

– Дядя сказал, что отсюда поедет в Тбилиси, к молодой тете Ромы Николайшвили, погостит у нее несколько дней, а затем поедет в Сухуми, к другой тете.

При этом хитро посмотрел на Бегелури. Тот хотел было возмутиться, но Роман Николайшвили смеясь успокоил его:

– Перестань, если не хочешь услышать чего-нибудь еще веселее.

Тот действительно успокоился и уже смеялся громче всех. Взрыв смеха охватил весь зал, не смеялись только те, кто не слышал, о чем шла речь, в том числе Зордан и Алик: каждый из них думал о своем, Алик – о Сирануш и поэтому ничего не слышал, а Зордан – от высокомерия и ненависти к азербайджанцам и к тем, кто общался, смелся и радовался с ними.

Наконец ведущий всем на радость объявил об успешном и плодотворном завершении мероприятия, поздравил всех и пригласил на вечер, начало которого было назначено на семнадцать часов в большом банкетном зале. Все ринулись к выходу, как далекие от воспитанности и более близкие к нахальству старшеклассники на урок физкультуры. У выхода образовалась толкотня. Все работали локтями кто как мог и не понимали, что еще больше задерживают

самих себя, но видно было, что эта потасовка организована искусственно: просто искала себе выход энергия, накопленная за эти дни, никто не обижался, все толкались и смеялись. Старшее поколение сидело на местах, смотрело за молодыми и, улыбаясь друг другу, что-то обсуждало или, скорее, вспоминало себя в их возрасте.

Когда все оказались на улице, Геродот предложил узкому кругу (тем, которые в первый день ходили в ресторан), пойти так же, как и в первый день, в ресторан, а не со всеми в банкетный зал. Вся компания поддержала идею, и к ним присоединились Роман Николайшвили, Валерий Бегелури и еще несколько человек из азербайджанцев, в том числе и две очаровательные дамы – Текмине Ниязбейли и Умай Санылы. То, что не было с ними Сирануш, расстраивало всех, особенно Алика.

Вечером в условленное время все уже собрались у ресторана «Арарат». Геродот держал в руках какую-то небольшую упаковку. Все дружно прошли в малый зал ресторана. Как и в первый день, столы были сдвинуты и богато накрыты. Видно было, что организацией занимался Геродот, потому что первым зашел в зал и сразу же к нему подошел работник ресторана (видимо, старший над официантами) и что-то ему тихо сказал, в ответ Геродот улыбнулся и кивнул головой. Все расселись за столы. Хотя зал и назывался малым, но был довольно просторный, и даже оставались свободные места. Вечер (потому вечер, что все были с ясной головой и незатуманенными мозгами) открыл Геродот. Попросил всех только об одном – не скатываться в яму политики, посидеть, повеселиться, поговорить, рассказать что-то познавательное другим. Он по характеру был немногословным, и вскоре стали слышны позвякивания ножей вилок и бокалов. Не будем во всей красе и подробностях описывать, как протекала эта, как бы мягче выразиться, интеллигентная пьянка. Вечер шел своим ходом, кто-то говорил, кто-то перебивал кого-то – одним словом, все как обычно.

Произносили разные тосты; наконец дали слово неугомонному Бегелури. Он степенно поднялся, говорил медленно, с выделением каждого слова. Произнес тост за матерей и всех женщин и в конце неожиданно для всех попросил Умай рассказать о себе, почему ее так называли, и что означает ее имя. Роман ответил ему, что Умай – главная героиня поэмы Самеда Вургуна. Бегелури строго посмотрел на него и сказал:

– Ты что, думаешь, я не знаю, да? Я спрашиваю, что означает это слово и почему ее так называли.

Тут встал писатель Сабироглу и коротко рассказал следующее (Умай, как только пошел о ней разговор, сидела опустив голову):

– Наша Умай-ханум – дочь известного поэта Гаджибека Санылы, который был репрессирован в 1938 году. Обвинили его в пантюркизме. Умай родилась через три месяца после его ареста. Перед арестом он попросил жену, если родится девочка, называть Умай, а если мальчик – Атилла. Родилась наша принцесса Умай. Древние тюрки исповедовали тенгирианство. «Умай» есть «Божья мать». От этой веры берут начало религии иудаизм, христианство и ислам, и даже учение буддизма.

Геродот внимательно слушал и смотрел на Сабироглу, во взгляде чувствовалось, что тема ему знакома.

– Слушай, а почему ты так разделяешь – вера, религия, учение? – спросил он.

Сабироглу посмотрел на Геродота, улыбнулся и сказал:

– Не думаю, что ты не знаешь или не понимаешь, что я этим хочу сказать. Ну что же, с твоего позволения я пойду в обратном порядке. Учение – это система взглядов одного конкретного человека. Оно формируется в результате переосмысления в собственном сознании событий и явлений, происходивших и происходящих в окружающем мире. Человек, выработав свои взгляды, делает их достоянием общества, но при этом никому их не навязывает. Однако несмотря на то, что

учение никому не навязывается, оно может превратиться в страшное оружие, если завладеет умами фанатичных людей. Завладев умами людей, учение может перерасти в религию. В отличие от учения, религия базируется на вере, но при этом остается земной. Отличительная особенность религии в том, что она насильственным путем навязывается людям и, более того, оправдывает физическое уничтожение своих противников. Что касается веры, то она есть нечто небесное, к нему человек приходит сам. Такой верой была вера в Бога небесного Тенгири. Эта была вера древних алтайских тюрков.

«Да, парня понесло, так можно и до Баку не доехать, снимут по дороге», – подумал Геродот и уже пожалел, что задал этот вопрос, поскольку прекрасно знал об имеющихся контактах Зордана с «конторой глубинного бурения», как тогда в шутку называли самую мощную и беспощадную государственную структуру в кругах интеллигенции. Посмотрел на Карена, и тот сразу понял, что нужно сменить тему, и лучше будет, если удастся как можно быстрее втянуть в разговор всю компанию. Карен налил себе коньяку и произнес тост, все повернулись к нему, в том числе и Сабироглу. Карен предложил упомянуть героев войны, которые не вернулись. Геродот был доволен, тему хорошую подкинул; теперь, чтобы вернуть разговор в нужное русло, добавил:

– Может, справедливо будет, если мы вспомним героев гражданской войны тоже.

Он прекрасно понимал, что Зордан не удержится, начнет нести всякую чепуху, и таким образом забудется Сабироглу.

Зордан действительно был связан с «конторой». После окончания школы не получилось сразу поступить в институт, и его призвали на срочную службу, там-то на него и обратили внимание. Согласился без особого раздумья, интуитивно почувствовал, что из этого можно извлечь выгоду. Впоследствии действительно связь с конторой

использовал в своих целях. Везде, где это можно было, затевал провокационные разговоры и выбирал людей в зависимости от того, как они реагировали. Тех, которые не разделяли его взгляды, сдавал «конторе», а тех, которые были с ним одного взгляда, оберегал и со временем завязывал с ними дружбу. Ему даже предлагали переходить на работу туда, однако не согласился, потому как его устраивало существующее положение.

После окончания службы поступил в медицинский институт и успешно закончил его, и не порывал связи с «друзьями» ни в студенческие годы, ни после. Со временем ему даже удалось найти единомышленников и среди «конторщиков», и в дальнейшем они ему очень помогли как советом, так и практическими делами в организации провокаций.

Когда разговор пошел о гражданской войне, Зордан словно ожил. До этого будто все разговоры проходили вне области его мысленного пребывания, никого не слушал и ничего не слышал. Он тоже, как и Алик, думал о Сирануш.

Дело в том, что сам испытывал к ней очень нежные чувства, и были у них очень близкие отношения, но, чтобы склонить Алика в свой лагерь, устроил ему вечер, точнее, незабываемую ночь с ней. Справедливости ради отметим, что в этом плане (впрочем, и в других тоже) Сирануш не отличалась высокими моральными принципами, сама была не против встреч с Аликом, обладающим прекрасными внешними данными.

Зордан, услышав о гражданской войне, поднялся, хотел произнести тост, но Геродот перебил его, в довольно грубой форме сказав:

– Слушай, только не нужно рассказывать снова про своего одноухого генерала! Мы сыты байками о его героизме.

Геродот это делал умышленно, зная, что тот все равно будет говорить о нем, и возникнет спор между всеми, таким образом забудут о Сабироглу. К тому же, пока официально

можно об одноухом говорить более-менее правдиво. Зордан не стал говорить тост, а сразу перешел в атаку:

– Такие, как ты, всегда предавали свой народ, я не удивляюсь твоим словам.

– А такие, как ты, были подстрекателями и свой народ всегда обрекали на нищету, обреченность и презрение соседей. Какая к черту гражданская война была у нас? Все свелось к войне между армянами и азербайджанцами, а на первых порах вообще к истреблению безоружных мирных азербайджанцев. Ты знаешь, какие злодеяния творили героические (в кавычках) бойцы твоего генерала? А по большому счету он был предателем и к тому же трусом. Знаешь хоть, за что отрезали ему ухо? За предательство своей страны и измену присяге. Он дослужился до генерала в Турецкой армии, а потом продался – сначала англичанам, а потом русским. Весь его героизм заключается в истреблении мирных людей. Он есть самый настоящий трус!

Тут засмеялся Карен и сказал:

– Нет, Геродот, он ухо отрезал сам себе, чтобы удобно было пролезть между ногами Султан-бека в Зангезуре в 1918 году. Когда Султан-бек взял его в плен вместе с бойцами, которых было человек примерно тридцать, то поставил перед ним условие: или Андроник сам застрелится, тогда тот отпускает всех его бойцов, или же проползает между его ногами, и тогда отпускает его одного, а остальных расстреливают. Тогда этот доблестный (в кавычках) генерал выбрал второе и спас свою драгоценную шкуру, участь пленных была решена. Понимаешь, предательство было его сутью, неважно, кого предавать. Сначала предал страну, в которой жил, делал карьеру. Не секрет, что он звание паши, то есть генерала, получил во всеми нами ненавидимой, презренной Турции. Надо хотя бы немного быть объективным перед самим собой. Если бы не такие, как Андроник, то, в пятнадцатом году ничего такого не произошло бы, поверь

мне. Трагедия нашего народа прежде всего в нас самих. Что должно было делать турецкое правительство в той ситуации, когда собственные граждане стреляли в спину своих солдат? Наверно, то же самое, что делал наш отец всех народов, – переселял в глубинные районы страны.

– Отец народов мстил, он выселял народы после освобождения этих мест от немцев, надо оговорить этот момент. Нельзя забывать о справедливости или несправедливости данного мероприятия. Он делал это выборочно, против конкретных народов; почему-то из Пскова, Смоленщины или Брянска никого не выселяли, хотя они составляли основную силу местных полицаев. Ладно, говори, что еще хотел сказать?

– Уже почти все сказал, я просто не хотел вдаваться в подробности, привел пример для сравнения. Из-за таких, как Андроник и ему подобные, наш народ и пострадал в пятнадцатом, потом же они оттуда бежали в Россию и устроили здесь резню, как ты говорил, азербайджанцам.

Все чувствовали накаленность обстановки, в любую минуту могла возникнуть потасовка, о чем говорил вид Зордана. Он готов был броситься на Карена или Геродота, однако сдерживал себя – видимо, опасался высокого роста и спортивного телосложения Геродота.

Геродот слушал Карена и не обращал никакого внимания на Зордана. Когда тот закончил, спросил:

– Это правда, что он пролез между ногами? Я не слышал этого, – и не дожидаясь ответа, продолжил: – И этого подонка выдают чуть ли не за национального героя? Господи, куда мы идем, что за нравы такие?

Все чувствовали себя неловко. Зордан встал и вышел из-за стола, но путь ему преградил Алик и попросил остаться. Видимо, Зордан что-то понял и сказал ему, что идет заказывать музыку: хватит спорить и ругаться, пора танцевать. Действительно, он подошел к музыкантам и заказал азербайджанскую танцевальную мелодию «Эйвагылю». Почти все пошли танцевать, в том числе и дамы.

Далее вечер продолжался в нормальном общепринятом порядке, хотя некоторое напряжение висело в воздухе.

*СУЛТАН БЕЙ. Он пленил Андроника с тридцатью его бойцами.
Пролезая между его сапогами, Андроник спас свою жизнь,
но головорезы были расстреляны*

Вечер подходил к концу. Геродот встал, вышел из-за стола и подошел к Алику, протянул ему небольшую упаковку и сказал:

– Орхан, это мой тебе дружеский подарок, и вот это письмо к нему. Подарок можешь развернуть прямо сейчас,

а вот письмо прошу не вскрывать. Сделаешь это тогда, если когда-нибудь почувствуешь, что ошибся, в чем – не важно. Дай Бог, чтобы тебе не приходилось распечатать это письмо.

Алик поблагодарил его, письмо положил в нагрудный карман пиджака и принялся раскрывать упаковку. Когда упаковка наконец была развернута, все увидели футляр, но не все поняли, что же это такое. Только Роман и Валерий почти одновременно со вздохом произнесли: «Морской бинокль!» Действительно, это был морской бинокль, и то, что они сразу поняли это, было связано с тем, что в свое время отслужили на флоте четыре года. Геродот рассказал, что этот бинокль подарил ему родственник, который послужил в свое время на флоте, и тому этот бинокль вручили как ценный подарок от командования за хорошую службу.

Роман и Валерий не выдержали, смеясь и перебивая друг друга сказали:

– Лучше бы твой родственник рассказал, сколько бутылок коньяка он дал вахтенному офицеру за него или просто спер.

Тут засмеялись все, но тем не менее смотрели с завистью на Алика. Из-за стола встал Зордан и сказал, что покидает компанию. Он подходил к каждому, за исключением Геродота, и пожимал руку. Последним подошел к Карену, крепко пожал ему руку и наклонившись тихо шепнул:

– Давай, Карен-джан, вдруг не увидимся.

Карен без обиды ответил:

– Брось, Зорик, все в порядке, не говори ерунду.

Карен ответил так благодушно потому, что не уловил подвоха в его словах.

Вскоре разошлась вся компания, тепло попрощались друг с другом, и многие поехали на вокзал к ночному поезду. Месяца не прошло, как стало известно о трагической гибели в автокатастрофе их любимого друга Карена Меликсетяна, то есть их Саят-Новы. После трагической

гибели Карена в писательских кругах Закавказья пошло брожение в умах. В узких кругах часто стали об этом говорить, но всегда почти шепотом, и отмечали, что это была не случайная автокатастрофа. Некоторые (главным образом, Геродот) утверждали, что за этим стоят Зордан и его друзья из «конторы», и, возможно, были правы, не зря же говорят, что не бывает дыма без огня.

Глава седьмая

ГОСТИ ДОРОГИЕ, ПРОХОДИТЕ

Понятно: у матери не получилось припрятать не-много мяса, поэтому она решила насолить отцу. Позвала к себе детей, якобы помочь, но вскоре отпустила их пойти погулять куда-нибудь в сад, только не в огород. Старший тут же рванул на улицу, и за ним Малой. Они так быстро прошмыгнули мимо отца, что тот даже не успел сообразить, что происходит. Дело в том, что у отца была странная черта характера. Если, не дай Бог, он что-то делал, то все должны были находиться рядом, по принципу: «Никуда не уходи, вдруг понадобишься». А ты, может, и не понадобишься вовсе, но будь любезен, соблюдай правило.

Братья прибежали в сад просто погулять, так как фрукты были еще не спелые. Старший о чем-то рассказывал, но Малой слушал его вполуха, думал о своем. Тут прибежал к нему Мастан и начал ходить вместе с ним, петляя между ногами. Прошло не так много времени, как с шоссе свернула в их сторону машина шофера Али. В кузове стояли несколько человек, в том числе и узун Хабиб, и в кабине сидел еще один. Малой удивился, насколько важный человек сидит в кабине, если даже сам узун Хабиб уступил ему там место.

Между сидением в кабине и важностью человека существует прямая связь. Это Малой понял еще в Казахе. А дело было вот как. В совхозе, где работали отец и мать, был грузовик, водителя звали Мамед. Однажды Мамед

по каким-то делам собрался в город и предложил братьям прокатиться с ним. Старший тут же сел в кабину рядом с Мамедом – о таком счастье Малой всегда мечтал, но ему это почти никогда не удавалось. Мамед только хотел тронуться с места, как откуда-то прибежал тракторист Эбиш и сказал, что ему тоже надо в город. Старший тут же вышел из кабины и залез в кузов. Эбиш сел в кабину, и Мамед снова хотел трогаться, как выбежал из конторы бухгалтер Кямал. Тут Эбиш вылез из кабины и забрался тоже в кузов. Наконец машина начала движение, но... Не тут-то было! Вышел директор Айуб, он даже не успел крикнуть, как Мамед сам остановился, и Кямал прошмыгнул из кабины тоже в кузов, а на его место погрузился Айуб. Малой этим был сильно озадачен, но очень доволен и сделал для себя вывод: чем важнее человек, тем больше у него шансов сидеть рядом с шофером Мамедом. Наконец они поехали, и Малой все мечтал, чтобы встретили они по дороге Мехралы, который был важнее Айуба, чтобы и Айуб тоже взобрался к ним, но, к сожалению, тот не встретился.

Малой, конечно же, не разбирался в этих ступенях должностей, но знал точно, что из всех Мехралы был самый важный, потому что, когда он появлялся, даже Айуб вставал и шел встречать его. Мехралы был интересным человеком, отец его приглашал в дом пить чай, когда тот приходил в контору. Он не отказывался, но всегда ходил со своим сахаром, который носил в кармане, завернув в чистый белый платочек. Малой спросил у матери, почему Мехралы носит с собой сахар, на что мать сказала примерно следующее: «Не хочет никого обижать и не хочет ни от кого зависеть». Малой, конечно, ничего не понял тогда, но и не стал дальше разбираться в этом.

Пока Малой плывал в быстротечной реке воспоминаний, машина пролетела мимо них к дому, и братья тоже рванули за ней. Медленно из кабины выгружался (именно выгружался, а не выходил) тот, который сидел рядом

с Али (мысленно с Мамедом). Все успели сойти из кузова, даже у Али не хватило терпения, и он вышел из кабины. Наконец-то ему удалось выгрузить себя, и тогда Малой понял, почему важный человек узун Хабиб уступил ему место в кабине: потому что тот никогда не смог бы взобраться в кузов. Из кабины вышел огромный мужчина с большим животом, был он немаленького роста, однако из-за большого живота и широких плеч казался невысоким. Малой сразу про себя подумал, что это и есть тот самый толстый Мелкон. Вышел навстречу к ним отец, пожал руку каждому и пригласил пройти к дому. Один из гостей позвал к себе братьев, обнял их и поцеловал в лоб. Малой сначала не понял, за что же им оказывается такая высокая честь, но потом сообразил, что этот человек и есть дядя Муслим – старший брат отца, о котором раньше много слышал.

Расположились во дворе дома, в тени огромного дерева. Стол и скамейки под деревом были сооружены из досок и были застелены: стол – покрывалом, а скамейки – килимами. Килим – это самотканый палас, как раз предназначенный для таких целей. Никто за стол не стал садиться, разговаривали стоя. Узун Хабиб подвел к отцу одного из гостей, можно сказать, самого молодого, и спросил, узнает ли его, на что отец покачал головой отрицательно. «Это Сирадж – сын твоего лучшего друга, турген Касыма». Отец протянул ему руку и обнял, Малому показалось, что у отца прослезились глаза. Далее отец вздохнув сказал:

– С твоим отцом мы пребывали во многих переделках. Эх, Турген, Турген. Его так прозвали за ловкость и смелость.

Действительно, слово «турген» со старотюркского языка так и переводится. Кто его знает, может быть, в роду знаменитого писателя кто-то носил такое имя или прозвище, и отсюда пошла фамилия всего рода Тургеневых.

Прихрамывая на правую ногу, Мелкон прошел с узун Хабибом к столу. Все расселись, и мать поставила самовар

на край стола, а рядом – большой чайник с заваркой. Братья остались в стороне: им, как всегда, с гостями за столом места не нашлось.

Не будем в подробностях описывать, как происходил процесс поглощения пищи, чтобы не отнимать времени, однако с гостями познакомиться надо. Взрослые разговаривали достаточно громко, и братья находились не так далеко, поэтому они слышали весь разговор.

Малой быстро выяснил имена незнакомых гостей. Помимо тех, кто был в первый день, добавились новые. Звали их Ходаноглу, Мехдиоглу, Микаил и Хан (дядя Муслим и Сирадж не в счет, их уже знаем). Шел добродушный разговор за столом. Гости кушали с аппетитом и запивали атламой. Атлама – это разбавленная холодной родниковой водой простокваша, в которую иногда добавляют еще покрошенную зелень, хорошо способствует утолению жажды и повышению аппетита. Никто не думал начать разговор о главном. На Кавказе принято так: за столом о просьбе не говорят, если, конечно, сам виновник торжества (тот, от кого зависит решение вопроса) не начнет разговор. К чести Мелкона, он недолго тянул с этим, сам спросил у Хана, не знает ли тот, на каком участке леса можно вырубить строительный лесоматериал, и затем, глядя на отца, продолжил:

– Ведь нужно же брату Исламу помочь обустроиться.

Отец посмотрел на Мелкона, и на его лице промелькнула улыбка благодарности, но почему-то эта улыбка Малому не понравилась. Даже не мог объяснить причину, может, детской непосредственностью уловил вынужденную необходимость, вымученность этой улыбки. Порешили на том, что Хан (стало ясно, что он тоже имеет отношение к управлению лесничества, но занимает подчиненное положение по отношению к Мелкону) покажет отцу место рубки и сам же приведет рубщиков.

В этих местах Мелкона все знали и уважали, начиная от самого маленького ребенка, способного произносить

пару связных слов, до убеленных сединой стариков; был вхож в каждый дом. Послевоенные трудности постепенно отступали, и люди начинали обустроиваться. Тогда, естественно, приобретение лесоматериалов для строительства дома зависело только от Мелкона. Кроме того, чтобы пережить зимние холода, требовалась заготовка дров, и опять же вопрос к нему. Он был почетным гостем на всех увеселительных мероприятиях, а на траурных стоял рядом с аксакалами. Никому не отказывал в помощи. Бывало такое, что кого-нибудь лесничие поймут на незаконной вырубке и приведут к нему, а тот, вместо того чтобы составить акт, оштрафовать, отчитывал и отпускал со словами:

– Зачем ты лезешь в лес? Как говорится, наломаешь дров в прямом смысле слова, потом греха не оберешься. Приходи, подумаем и решим все.

Никто при нем не остерегался удариться в воспоминания об Армяно-азербайджанской войне 1905–1906 годов и 1918–1920 годов. Дело в том, что он сам поощрял такие беседы, даже, можно сказать, первым начинал. Всегда выражал сожаление, что два народа-соседа воевали между собой. Особо подчеркивал свою принадлежность к партии коммунистов и всегда говорил, что, если бы не пришли тогда большевики, неизвестно, до какой трагедии дошли бы наши народы. Во время таких бесед всегда ругал дашнаков, мусаватистов и их лидеров. Честно говоря, многие особо и не разбирались, кто такие дашнаки или мусаватисты, а знали только одного врага – одноухого Андроника, командующего армией, уничтожавшей людей, против которого они и сражались. Мелкон, так же как и все, ругал и материл одноухого.

Однако никто не знал, что ругать, материть Андроника для Мелкона было то же самое, что святохульство, но у него была своя цель. Все годы пребывания в этих местах жил с одной мыслью – выяснить, кто тогда ранил его. Это было как наваждение, от которого не избавиться,

потому вместе с местными и пускался в воспоминания о тех годах. Никто не знал о двойном дне его мыслей, почему тот помогал им обустроиваться.

Поскольку наступила развязка, то есть в принципе был решен вопрос с лесоматериалами, все чувствовали какое-то облегчение. Уже в ход пошли разговоры на свободные темы и попутные шутки. Конечно, при всем этом узун Хабиб был на высоте, пускал шутки в адрес каждого сидящего за столом, вызывая при этом смех у присутствующих. Постепенно темы беседы менялись, и собеседники смеялись все реже и реже, и, когда беседа перетекла в тему войны, смех прекратился вовсе.

Малой заметил в ходе беседы у взрослых одну особенность. Узун Хабиб, конечно, был как бы главный в компании, поскольку один поддерживал разговор и направлял его, однако к некоторым обращался со словом «леле», в том числе к отцу. Это было ему и интересно, и в то же время непонятно, ведь они с братом общались с отцом так же, но позже выяснил, что взрослые так обращаются друг с другом в знак уважения, то есть младший по возрасту (пусть даже всего на три-четыре года) так обращается к старшему.

Малой, показывая на Микаила, шепотом спросил брата:

– Смотри, какой у него большой и кривой нос. Интересно, какое у него прозвище?

Брат, вопреки своим правилам, тихо посмеялся и сказал:

– Не знаю, наверно, какой-нибудь «горбонос».

Позже выяснилось, что весь род Микаила в селе называли Калтенбуруннар, что означает в прямом смысле «нос из комка высушенной глины». Кто его знает, может, известная немецкая фамилия Кальтенбруннер имеет что-то общее с этим словом – конечно же, не в смысле родственных связей Микаила с какими-нибудь немцами.

Узун Хабиб, обращаясь к отцу, сказал:

– О тебе все время, как приезжает сюда, спрашивает огру Ильяс, сын Арменака из Мартуни. Помнишь, его

семью уничтожили еще в восемнадцатом году андрониковцы? Говорит, что сидел с тобой в тюрьме. Дело в том, что из семьи Арменака в то время он остался один, был маленьким, всего-то пять лет было ему тогда. Когда пришли андрониковцы, он находился у соседей, и они пожалели ребенка – не выдали. Сейчас живет в Тутуджуре, семья большая, дом построил хороший.

Когда Узун Хабиб говорил об огру Ильясе, лицо отца стало серьезным, смотрел на Хабиба очень внимательно, и, когда тот закончил говорить, отец покивал головой несколько раз, видимо, хотел что-то сказать, однако его перебил Мехдиоглу.

– Как не помнить Арменака из Мартуни! Если не он, тогда все наши села были бы истреблены андрониковцами. Вовремя тогда предупредил нас о том, что Андроник направил большие силы на наши села. Мы тогда успели собрать отряд и занять оборону в районе Дарлыга, а люди из наших сел успели отойти к Мургузу, смогли задержать движение Андроникских дашнаков на целых три дня, даже тогда отбили у них пушку. Вот незадача – не знали, как обращаться с ней и ничего не могли придумать лучше, чем набить ствол камнями. Сломали в ней все, что можно было сломать. Хотя тогда их мы хорошо потрепали, однако они нас перехитрили, прозевали группу примерно из двадцати пяти – тридцати человек, которая обошла нас и направилась на преследование отходящих к горам людей, там-то были в основном женщины да дети со стариками. А все способные держать ружье были на Дарлыгском ущелье. Эта группа-то как раз и уничтожила семью Арменака из Мартуни. По сей день не могу понять, откуда же они узнали, что нас предупредил Арменак, и так жестоко отомстили ему. Другая сторона этого дела в том, что они, уничтожая сами армянские семьи, виноватыми выдавали нас. В Мартуни они отправили небольшую группу из пяти-шести человек, а основная группа преследовала наших людей, отходящих к горам. По плану

наши должны были уходить в Тоуз и Гедабекский район Азербайджана. Это нам удалось совсем без потерь. Хорошо, мы тогда оставили троих человек на прикрытие: Турген Касыма, Ходаноглу и Ислама. Пусть они рассказывают, как им удалось тогда вывести людей и тем самым спасти их.

Ходаноглу провел несколько раз рукой по голове с глубокой залысиной и продолжил разговор:

– Эх, чего рассказывать, были славные времена. Тогда были понятия чести, а сейчас что... Измельчал народ. Тогда Касымхан оставил нас троих на прикрытие. Мы решили осуществить это в три этапа: первым должен был стоять Ислам, вторым я, а третьим Турген Касым. Ислам остался, мы же поднялись на гору. Под вечер, как было нам слышно, началась перестрелка. Я занял удобное место и стал ждать.

– Чего ты ждал-то? – спросил шофер Али.

– Как чего, ждал, когда они убьют Ислама и поднимутся ко мне, там бы задержал их я, насколько это возможно, а потом бы – Турген Касым. Таким образом мы планировали затянуть сопротивление. Однако Ислам долго продержался, до самого глубокого вечера. Когда прекратилась стрельба, я так и не понял, из-за чего: то ли они уже убили его, то ли из-за темноты, но все равно было все хорошо. Они бы начали двигаться на нас только на рассвете, а до этого люди уже успели бы перевал пройти. Ночью вернулся ко мне Турген Касым, решил, что вдвоем нам лучше будет, потому как люди уже были в безопасности. Я с его мнением согласился. Стали ждать рассвета и с ним – продвижения армянского отряда. Однако с рассветом возобновилась перестрелка, Турген радостно крикнул: «Он еще жив, идем к нему на помощь!» Мы сломя голову пустились вниз по склону. Я никогда в жизни так не радовался перестрелке, как тогда: ведь каждый выстрел говорил о том, что он еще держится. Прошло не знаю сколько времени; наконец

мы добрались до него. Место он выбрал, конечно, удачное: стоял на высоте, и вся окрестность была видна как на ладони. Мы с Тургенем тоже расположились как можно удобнее и стали ждать очередную вылазку армян. Пусть теперь сам рассказывает, как у него прошла перестрелка вечером и утром, а мы слушаем. Ведь даже тогда нам ничего не рассказал, а положил там немало, стрелял ведь очень метко.

То, что отец хорошо стрелял, Малой знал и видел это собственными глазами. Однажды уже известные нам три закадычных друга – Кямал, Эбиш и Мамед – упражнялись в стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Они поставили какую-то банку на не очень высокий столб и стреляли по ней с расстояния примерно пятнадцати-двадцати метров. Стреляли по очереди, и никто не попадал в банку. Шел отец к дому; когда приблизился к ним, обращаясь к Мамеду, сказал, что слишком высоко берут, нужно взять пониже. Эбиш ответил отцу почти по-хамски и советовал ему уйти и попить свой чай. Мамед, в свою очередь, сказал, что будет лучше, если замолчит сам Эбиш, и передал винтовку отцу. Отец взял винтовку и выстрелил, банка разлетелась вдребезги. У стрелков глаза расширились, как ночью у кошки. Далее Мамед продолжил: «Не знаешь ничего, лучше заткнись». Видимо, Мамеду было известно что-то из жизни отца, ведь его родители тоже были из тех мест, откуда и отец.

– Да что там рассказывать? – продолжил отец. – Меня спасло то, что были у меня две пистолеты. Занял место у трех скал и мог спокойно передвигаться за ними незамеченным, что я и делал. Стрелял из двух винтовок – это создавало видимость, что я не один, да и винтовки не перегревались. Когда увидел отряд всадников примерно из двадцати пяти-тридцати человек, понял, что это все, но надо держаться подольше. Они остановились на равнине и отправили вперед троих, видимо, для осмотра и проверки местности. Основной

отряд стоял далеко, попасть невозможно было. Поэтому обрадовался, когда эти трое поскакали в мою сторону. Подпустил их как можно ближе и выстрелил, двое сразу свалились, а третьему выстрелил вдогонку, как минимум поранил, потому что тот сразу поник в седле. Потом они пошли так, пешими. Отстреливался как мог, не хвастаясь, но за вечер, наверное, десяток положил. Когда стемнело, обрадовался, потому что они остановились. А под утро, когда снова разгорелась перестрелка, уже подошли вы. Вот и все, что рассказывать-то.

– Да, хорошо ты их потрепал тогда, – продолжил Ходаноглу, – но и утром еще перестрелка была долгой, закончилась только к полудню и то благодаря тому, что мы ранили у них, кажется, самого главного. Неизвестно еще, как закончилось бы все это. Значит, пошли они в очередную атаку, на конях, думали: «Все! Достигнут нас, если даже перестреляем некоторых». Я выстрелил, но заела винтовка, чего тут говорить, все прицеливались к тому, кто шел впереди отряда, то есть к ведущему. Тут выстрелили Турген и Ислам почти одновременно, и тот сник в седле и потом упал с лошади. Что тут началось! Все сошли с коней, быстро отнесли его назад и в своем окружении, видимо, чтобы уберечь. Конечно, мы еще сделали несколько выстрелов в их сторону, но это уже значения не имело, ушли за перевал. Только вот не знаю, кто из вас попал тогда в того гада, но это спасло нас. Наверное, ты, – продолжил Ходаноглу, не давая ответить отцу, – потому что Турген стрелял не так метко, как ты. Он хорошо орудовал кинжалом, как и ханджар Сулейман. Тот, конечно, был мастер, никто бы не мог справиться с ним в драках с кинжалом.

Тут узун Хабиб перебил Ходаноглу и добавил:

– Конечно, никто не мог бы сравниться в мастерстве владения кинжалом с ханджар Сулеманом. Не было таких и не будет, наверное. Помните, как он обработал пастуха из соседнего села, укравшего у него барана? Поймал его и давай кромсать его, отрезал ему нос, уши и при этом

еще шутил, говорит этому бедняге: «У тебя уши оттопыренные и нос длинный, надо бы поработать!» – и работал как дохтор-косметолог.

– Ай Хабиб, что за косматолог или как ты его там называешь, откуда это слово-то знаешь? – спросил его Ходаноглу.

– Не косматолог, а косметолог, есть такие дохтора в Германии. Когда я жил там, слышал о них: они могут изменить лицо человека так, что никто не узнает, вот так вот.

– Ага, жил он Германии! Три года был в плену и говорит, что жил!

– Нет, Ходаноглу, нет. Это я и вы тоже здесь почти пятьдесят лет в плену, а там я жил. Вообще, мы все здесь в плену с восемнадцатого года.

Когда узун Хабиб рассказывал это, все смеялись, но Малому не было смешно.

В разговор вступил Мехдиогу:

– Вот вы шутите о Ханджар Сулеймане, а я расскажу вот что: когда мы стояли в ущелье Дарлыг, он оказался в окружении трех армянских солдат, патроны кончились у него. Армяне решили взять его живым в плен. Пошли на него с кинжалами. С двоих из них голова слетела в одно мгновение, а третий с перепугу сам сдался ему в плен. Привел, значит, его к нам и спрашивает: «Он вам нужен? Если нет, то отправлю и его за теми двумя». Пленник нам, конечно, нужен был, хотели кое-что спросить у него.

– Хотели, чтобы показал вам, как из пушки стрелять? – спросил узун Хабиб.

– Да, но не получилось, только успел сказать, что сам не знает, что к чему, как Сулейман и ему отрубил голову, так и не удалось выяснить ничего.

– Ну вы даете. Разве можно пленного убивать? Если бы немцы убивали бы всех пленных, то возвратившихся с войны в три раза было бы меньше.

– Это твои немцы, а это Сулейман. Для него законы твоих немцев не работали, у него были свои законы – как

для пленных, так и для тех, кто воровал у него барана, как тот пастух из соседнего села.

Мелкон все время сидел молча и внимательно слушал. Он тоже погрузился в воспоминания. Ему так-то не было необходимости слушать весь этот пересказ тех далеких событий, потому как сам был в центре их, все прекрасно помнил по сегодняшней день; не знал только одного – кто его тогда поранил, теперь знал и это. Как говорят, один из них уже давно сгинул в лагерях, а второй – вот он, вернулся и живой, сидит перед ним. «Они оба тогда попали, только один в меня, а второй в моего коня, – говорил про себя Мелкон. – Тот выстрел сделал меня инвалидом на всю оставшуюся жизнь, самое главное, я потом не мог продолжить свою войну, пришлось уйти от командарма и не быть рядом с ним в Зангезуре. Теперь же я должен помогать этому ничтожеству обустроиваться на моей армянской земле. Может встать, плюнуть на стол и уйти? Почему я согласился помочь ему, не выяснив сначала, кто он есть и откуда взялся здесь? И говорит чистую правду, ведь тогда и третий, помню, был, это Вазген – самый смелый из моих бойцов, вскоре тоже умер от раны. Да, правда и то, что он за вечер уничтожил не десять, а двенадцать человек из моих людей».

Мысли у него в голове крутились как пчелиный рой – отчетливо, упорядоченно, каждая доходила до логического конца, при этом негодные, неподходящие тут же отбрасывал. «А собственно говоря, почему бы не помочь ему обустроиваться здесь, пусть: все равно мы их отсюда выселим. Все, что они создадут здесь, останется потомкам армян. Меньше чем за сто пятьдесят лет мы многое сумели благодаря уму и способностям наших предков. Иреванское ханство теперь называется Армянской республикой, пусть пока Советской, но это тоже недолго, пока так нужно. Каких-то сорок лет назад произошла советизация Армении, их тогда было гораздо больше, чем нас, армян. Даже в первой Конституции Советской

Армении одним из трех государственных языков наряду с армянским и русским был азербайджанский, что же теперь? Сейчас нас в два раза больше, чем их, мы так и будем продолжать. Поменяли названия всех населенных пунктов: Иреван стал Ереваном, и там почти не осталось ничего, что бы напоминало о них. Мы и дальше будем продолжать начатое дело. Эти недоумки нас, армян, считают пришлыми на этих землях; пусть так, мы пришлые, но они сами даже не догадываются, что скоро станут беженцами из этих земель. Будут подыхать от тоски по этим землям. Вот эти, которые за этим столом в большинстве своем подохнут до тех времен, их дети – от тоски, а внуки их ничего не будут знать и помнить. Турки не умеют передавать последующим поколениям любовь к родине и, самое главное, они не умеют ненавидеть врагов своих. Эти недочеловеки незлопамятные, обиды забывают быстро и прощают искренне. Но мы не такие, всегда их ненавидели и можем до определенного времени играть роль близкого друга, можем улыбаться в лицо и в нужный момент нанести решающий удар. Для нас большая роскошь быть гордыми или честными, как они, потому что нас мало, а их много. Как нам сохранить род свой по-другому? И потом, победителя не судят, победителями будем мы, потому что от мала до велика все армяне ненавидят турков. На этой ненависти растут наши дети, и она же поможет будущим поколениям армян выстоять в этой решительной судьбоносной схватке».

Мелкон оторвался от своих мыслей из-за оклика Мехдиоглу:

– Что, Мелкон, так задумался? Или жалеешь, что не воевал? Ничего хорошего нет в войне, так что хорошо даже, что ты не воевал.

Мелкон и Мехдиоглу находились в дружеских отношениях, знали друг о друге, можно сказать, все – конечно, в объеме того, что рассказывали друг другу. У них даже шутки были, как считали многие, запредельные.

– Да, воевал бы я, что не воевать-то против тебя, и убил бы тебя с удовольствием, только вот еще пацаном, в пятнадцатилетнем возрасте мне твои турки в Карсе ногу подстрелили, вот с тех пор и хожу почти на одной ноге. Я – ладно, одной ногой отделался, а вот за что они погубили сто тридцать тысяч армян?

– Ай, толстый Мелкон, брось ты это! Большинство из этих ста тридцати тысяч погубили люди одноухого Андроника. Ты что, не знаешь разве, как семью Арменака из Мартуни они уничтожили? Они уничтожали таких, как Арменак, а потом все валили на турков, попутно оплакивая уничтоженных ими же людей. Спасибо советской власти, остановила эту бойню между нашими народами.

На последние слова Мехдиоглу отреагировал Ходаноглу:

– Ай, Мехдиоглу, не надо хвалить свою советскую власть. Я от нее ничего хорошего лично не увидел, а про Ислама и Турген Касыма говорить нечего. Турген сгинул в лагерях, а Ислам десять лет отсидел – за что? Я хорошо, как-то не попался на крючок тройки НКВД, а сколько людей погубила твоя советская власть, и каких людей? Я уже ничего не боюсь, могу говорить все, что думаю: меня уже не посадят, Сталина нет, слава Единому Аллаху, да я и старый. Сколько раз обращался к властям оказать мне помощь денежную, писал даже о том, что воевал против дашнаков, и что? Даже на заявление не ответили. Оставь, пожалуйста, свои восхваления советской власти. Ты со своим Маузером, конечно, был грозой Андрониковских головорезов, но то, что ты был и ярым сторонником советской власти, мне никогда не нравилось.

До этого вся беседа была понятна Малому, но с этого момента она стала сложнее и малопонятнее, и оттого еще интереснее.

Тем временем Ходаноглу продолжал свой разговор:

– Вот скажи, за что же все-таки выселяли, сажали в тюрьмы и расстреливали людей? Ты посчитай, сколько из нашего не очень большого села людей погубили.

А ты подумай, что творилось в больших городах. Сажали-то они в основном умных людей. Взять нашего Шамдан муаллима – до сих пор сидит и неизвестно где. Говорят, что где-то в России, что ли. А был самым грамотным человеком из нашего села, учился в России еще до Советов.

Почему-то Малому имя Шамдан муаллима запомнилось сразу. Своим детским умом решил узнать о нем больше, когда вырастет. Подумал, что нужно будет у кого-нибудь спросить – у отца или еще лучше у узун Хабиба, тот-то наверняка знает все об этом.

Глава восьмая

ДОБРОЕ УТРО, РОДНОЙ ГОРОД

Поезд из Еревана прибыл в Баку вовремя, ровно в восемь утра по местному времени. Пассажиры высыпали на перрон, и каждый, выбрав свою незримую тропинку, шел по ней к своей цели. Алик пошел на стоянку такси, сел в первую попавшуюся машину и поехал в университет. Работал там старшим преподавателем кафедры азербайджанского языка и литературы, был на хорошем счету, недавно защитил кандидатскую диссертацию на ученую степень на тему: «Взаимовлияние русской и азербайджанской литературы девятнадцатого века и отражение его в творчестве М. Ф. Ахундова, М. Ю. Лермонтова, А. Бестужева (Марлинского) и Касумбека Закира». Защита прошла на ура, особенно были довольны московские специалисты; теперь же работал над докторской. В творческом плане тоже все складывалось хорошо: к этому времени у него уже вышли два сборника рассказов, повесть и роман. Его творчество вызывало интерес как у читающей публики, так и у критики, и немаловажно – у собратьев по перу. Все отмечали оригинальность характеров его героев, их самостоятельность и независимость мышления. У него были грандиозные творческие планы, всегда твердил себе: «Нужно найти свою тропинку и идти по ней, не поддаваясь влиянию авторитетов прошлого, а среди современных – я сам авторитет».

Пока ехал в такси, думал о поездке в Ереван и, самое главное, о встрече с дядей. Его напутственные слова тогда не смог осмыслить из-за переполнивших его чувств, а теперь вот, наконец-то оставшись наедине с собой, вспоминал каждое его слово и пытался дойти до глубины их смысла. О каких изменениях в верхах говорил дядя? И вообще, во всем этом и особенно в его отношениях с Зорданом скрывалась непостижимая таинственность. «Почему дядя так плохо отзывался об азербайджанцах, не то что плохо, даже оскорбительно? Почему в каждом его слове сквозила ненависть к азербайджанцам? В конце концов, его сестра, то есть моя мама, в свое время вышла замуж за азербайджанца. И почему же азербайджанцы плохие? Я сам наполовину азербайджанец!!!» – при этой мысли поймал себя на том, что впервые подумал о половинчатости своей национальности, до этого такие мысли его не посещали никогда. Всегда в различных анкетах (ох уж этот богатый на анкетирование советский режим) в графе «Национальность» каллиграфическим почерком не задумываясь выводил: «Азербайджанец». Мама тоже никогда не говорила ничего о его национальности, прекрасно знал, что она армянка, но об этом в их маленькой дружной семье не принято было говорить, а на улице – тем более. Да, она очень хотела, чтобы тот нашел дядю, это одно, но никогда не оскорбляла память об отце, более того, всегда говорила, чтобы он вырос достойным сыном своего народа.

Когда учился в седьмом или в восьмом классе, мама устроилась уборщицей в какую-то контору, так и работала там почти до конца своей жизни. Вставала рано утром, уходила на работу, чтобы успеть вернуться ко времени, пока тот проснется. Готовила завтрак, подавала ему на стол и отправляла в школу. Затем начинались у нее домашние дела; ждала, пока сын вернется из школы, накормив его обедом, снова уходила на работу и возвращалась уже поздно вечером. Это продолжалось изо дня в день,

долгие годы. Она продолжала работать даже тогда, когда уже сам начал работать, и это делала не оттого, что все еще не хватало денег на жизнь, нет, просто не могла сидеть сложа руки и все твердила: «Человек живет, пока работает, в остальное время он существует». Он тоже не оставался в стороне, старался помочь ей во всем, при возможности находил даже временные работы, как говорили тогда – «шабашки».

Он извлекал из глубины памяти слова дяди и пытался осмыслить их и понять. Чем больше думал над ними, тем больше терялся и не находил ответа. Но в данной ситуации не находить ответа на вопрос было не так страшно, потому что когда-нибудь этот ответ, может, и найдется, а вот неумение или нежелание возразить дяде было гораздо страшнее.

Ему трудно было понять, почему армяне должны воспитывать своих детей на чувстве ненависти к туркам или азербайджанцам. «Ведь вся мировая литература, все философии мира призывают к гуманизму, разве что исключением был (чего таить – и есть) фашизм. И что же получается, армянские писатели должны отказываться от идеи гуманизма и примкнуть к фашизму? Какие идеалы мы вообще должны исповедовать? Ладно, я себя тоже на время причислю к армянам». От этого неожиданного «мы» встрепенулся. «Что это, почему такое лезет в голову? Я не армянин – азербайджанец я, азербайджанец, точнее, турок, – думал про себя. – Мы все турки, азербайджанцами стали по воле Мир Джафара Багирова; впрочем, и тот не виноват: не записал бы нас тогда азербайджанцами, выселили бы из этих мест, как месхетских турков из Грузии». Так сильно задумался, что даже не заметил, как таксист остановился. Оторвался от мыслей только тогда, когда услышал: «С вас два рубля», молча протянул «трешку» шоферу, вышел из машины, захлопнул за собой дверку и пошел ко входу. Даже не заметил, как вошел в здание и поднялся на третий этаж, на кафедру.

Когда вошел в приемную, приветствовала его еще от порога, не отрываясь от пишущей машинки, секретарша Гюльшен по прозвищу «длинный язык».

– Доброе утро, Орхан муаллим, с приездом вас! – Не успел опомниться, чтобы ответить, та продолжила: – Вам нужно связаться с издательством по поводу выхода нового вашего романа.

Ну, это его уже сразило наповал. «Ведь об этом мало кто знает, и она тем более не должна была знать, – подумал и продолжил свою мысль: – Не зря тебя прозвали «длинный язык», оправдываешь полностью». Чтобы как-то по-доброму ее зацепить, спросил:

– Гюльшен, а ты не знаешь, когда председатель ООН собирается приехать в Москву с визитом?

Продолжая непринужденно отстукивать на машинке, та ответила:

– В этом году точно не приедет. Собирался, но потом почему-то передумал. Говорят, в Москве что-то не то делается.

– А что в Москве не то делается? – с волнением и даже некоторым испугом в голосе спросил ее. Испуг его был вызван тем, что не скажет ли она то же самое, что дядя Мелкон про «ожидаемые изменения в верхах!»

– Ой, Орхан муаллим, откуда мне знать, у них там семь пятниц на неделе, а у меня не семь пядей во лбу.

Отстукивала она на машинке сказать, что по-мастерски, значит ничего не сказать. Можно было сравнить с виртуозом-пианистом, даже студенты (в большей части первокурсники) часто приходили, чтобы посмотреть, как она печатает: невозможно было видеть пальцы рук. Она могла, держа плечом трубку телефонного аппарата на ухе, разговаривать на русском языке и печатать при этом текст на азербайджанском и наоборот, и не было случая, чтобы кто-нибудь находил у нее ошибки. Ее, наверное, прозвали бы Цезарем, если бы не родилась девушкой.

– Да, ты права, у тебя не семь пядей во лбу, а гораздо больше, – сказал он и улыбнулся.

Она, немного опустив голову, тоже улыбнулась, и на ее щечках образовались ямочки. «Вот где одно, и самое главное то ли из семи, то ли из восьми чудес света. А вообще-то несправедливо, – продолжал размышлять, – назвать чудом не то, что создано самой природой, а то, что какой-то архитектор, наверное, с бодуна построил кривую башню». От этой мысли ему стало еще смешнее, еще раз улыбнулся Гюльшен и прошел в кабинет к заведующему.

Решив все вопросы, вышел из университета. Хотел поехать домой, немного отдохнуть с дороги, но потом решил сходить на кладбище, посетить могилу матери.

Когда умерла мама, у него возникла проблема с похоронами – где хоронить? На каком кладбище? Во избежание кривотолков сразу решил: только не на армянском, а на азербайджанском тоже не хотелось. Поехал специально на одно из элитных кладбищ, заранее зная, что откажут. Это ему и было нужно, потому как поехал с одним из близких друзей. Специально не представился, кто он есть, и, естественно, получил отказ. Оттуда поехали на другое, можно сказать, смешанное кладбище: здесь, недалеко от Ясамал, были похоронены и мусульмане, и христиане, и даже евреи, и разделение границ между участками было чисто символическое.

Так получилось, или, видимо, желая что-то получить, кладбищенский смотритель указал место на условной границе между мусульманским и армянским участками, можно сказать, на тропинке между ними. Друг хотел было «договориться» со смотрителем, но тот придержал его руку со словами: «Очень хорошо, мы жили как раз в селе, где армяне и азербайджанцы жили вместе, пусть и здесь будет так же, как при ее жизни».

Похоронили ее, конечно, по мусульманским правилам, и в этом была некая своя справедливость. Конечно, она была армянкой, но жизнь прожила как азербайджанка, и после ухода в мир иной, найдя покой на стыке двух кладбищ, как бы пыталась соединить их или хотя бы

примирить. Ее могила как бы напоминала всем об одинаковости будущего каждого человека, а также о бренности этого мира. В ее хрупком женском, а точнее, материнском теле вместились два мира, два духа – армянский и азербайджанский. Первый – по рождению, а второй – по материнскому долгу.

Перед глазами представилась картина, как мама, раскинув руки, звала его в свои объятия, когда он был еще очень маленьким, но сегодня видел ее распятую на кресте, будто она пыталась соединить, стянуть воедино расколотое надвое человечество хотя бы в потустороннем мире.

Отчетливо помнил последние минуты ее жизни. Мама позвала его к себе, еле слышно прошептала: «Возьми у меня под подушкой листок». Он взял листок: это был пожелтевший, вчетверо сложенный тетрадный листок в линейку. Развернул его и увидел написанное. Там было стихотворение в два куплета, разделенные тремя значками «+», видимо, из-за того, что являлись отрывками из разных стихов, возможно, даже были написаны просто как куплеты, рубаи.

Говорим часто двусмысленно,
Лжем, обманываем осмысленно;
Наступает час, становится ясно –
Как все это было бессмысленно.

+ + +

Путь праведный камнями нагроможден.
Идущий по нему – Им самим награжден.
Не ищи путей обходных, живи правдой,
Следующий правде – от правды рожден.

+ + +

Она продолжила: «Пусть эти строки высекут на моем могильном камне. Я не знаю, кто написал, но, когда в первый раз прочитала, очень понравились. Значки между куплетами тоже оставь как есть, они есть сути моей жизни.

Как я жалею о многом, но уже ничего не изменить». С этими словами она закрыла глаза на этот мир и встретила вечность.

Конечно же, он исполнил ее просьбу: и строки, и разделительные значки между куплетами были высечены на могильном камне из черного мрамора, и многие азербайджанцы и армяне, которые приходили сюда навещать могилы своих близких, обязательно останавливались ненадолго и читали эти строки, и что характерно – делали то же самое на обратном пути. Неизвестно только одно: эти строки заставили кого-нибудь задуматься или нет? Хорошо бы, если да!

Сегодня почему-то стоял гораздо дольше, чем обычно, ведь часто навещал могилу матери. Ему вспомнилось, как они жили на Советской, общим двором. Мама была помощницей всех соседок. Двери, конечно, закрывали чисто символически, все знали, где лежат соседские ключи, а мама знала место нахождения ключей всех соседей и имела свободный доступ ко всем. Если кто куда уходил, обязательно просили маму о чем-нибудь, например, встретить со школы ребенка, накормить его, проследить, чтобы несильно увлекался гулянием; кто-то поставил белье кипятиться – выключить газ, когда нужно будет. Она же, когда позволяло время, не только снимала белье, но и полоскала, и вывешивала, потому и была для всех любимой тетей Наргиз.

Однажды ночью проснулся и услышал, как тихо всхлипывая плачет мама, постучался и зашел к ней. Она действительно плакала и на его вопрос: «Почему плачешь, не из-за папы?» – быстро ответила утвердительно. У него тогда, конечно, возникли сомнения, но быстро отогнал их и принял на веру слова мамы.

Снова направил свой взгляд на могильный камень, и его осенило: словно в первый раз увидел высеченные значки между куплетами. «Ах вот оно что, – подумал он. – До сих пор эти значки служили как бы для разделения

куплетов, как говорится, из разных опер. Сейчас же они приобрели иной смысл, вырастая до размеров креста над куполом армянской церкви, находящейся в центре города, недалеко от ГУМ!» Теперь ему все стало понятно. Ее угнетало то, что приходилось скрывать свою национальность безо всякой на то причины. Зачем она сделала это в свое время, чего было бояться? Все армяне жили и живут в Баку, и не только в Баку, а по всему Азербайджану припеваючи. Для чего нужна была эта ложь?

Ему вдруг показалось, что стоит возле могилы чужого, а не самого родного человека. Ведь в самом деле, кто есть Ибрагимов Наргиз? Может, где-нибудь и жил такой человек, но для него этот человек был и будет чужим. Конечно, его маму звали Наирик, и он это знал очень давно, однако по непонятным, выдуманым причинам был вынужден молчать. Почувствовал непонятную тяжелую боль в голове, словно некая сила разделяла полушария мозга под черепом. «Вот что такое раздвоение личности – это когда видишь одно, а знаешь, что увиденное вовсе не то, и вынужден смириться с положением, в котором находишься». Ведь точно знал, что в этой могиле лежит его любимая мама, единственный родной ему человек, но, судя по надгробию, – совершенно чужой. От тяжести этих мыслей у него закружилась голова, и чуть было не упал, но в последний момент каким-то чудом ему удалось удержаться за гранитный памятник. Видимо, к нему протянулись руки мамы, как не раз бывало в детстве. Молча стоял и смотрел, выросшие до огромных размеров маленькие крестики пришли в движение вокруг него, но, придерживаясь за памятник, продолжал стоять. Сколько длилось такое состояние, невозможно было определить; ему этот промежуток времени казался вечностью. Наконец, все встало на свое место, пришел в себя, и все вокруг стало отчетливо видно. «Надо поставить точку в этом вопросе, – подумал про себя, но тут же задал себе вопрос: – Как и с чем ты собираешься покончить, когда видимое

и невидимое есть объективная реальность, которая держит тебя мертвой хваткой, когда она имеет не одно лицо, а два? Когда ты сам состоишь из двух половинок, которые имеют линию шва, склейки. Тебе эту линию никогда не убрать, она всегда будет проявляться, и с течением времени все сильнее».

Наконец собрался с силами и ушел из кладбища, однако мысли все еще находились там, возле одинокой, чужой для обеих сторон могилы, расположенной посреди условной границы двух участков городского кладбища. «Я напишу о тебе, мама, – говорил про себя, – напишу произведение, достойное твоей памяти. Там ты будешь армянкой, под своим именем, и будешь делать такие же добрые дела, какие при жизни, только под чужим именем. А дела твои придумывать не нужно будет: опишу то, что видел в течение всей своей жизни. Мама, пойми меня правильно, я хочу навещать твою могилу, а не какой-то чужой женщины по имени Наргиз. С этим невозможно мириться, в этой могиле я похоронил тебя, мама, но прихожу к другому человеку. Прошу тебя, не суди строго. Да, был у меня отец, ты о нем много рассказывала, но я его не помню, меня растила ты, ближе и роднее тебя у меня никого не было».

Глава девятая

НОВЫЙ ЭТАП. ЗДРАВСТВУЙ, ШКОЛА

Наверное, пришло время нам познакомиться с братьями. Старшего звали Невраз, а младшего – Реван. В год приезда из Казаха старший был уже школьником, учился или в третьем, или в четвертом классе, не так важно, потому как учился и учился очень хорошо, а Малому как раз нужно было по осени идти в первый класс. Однако, когда его спросили, хочет ли в школу, спокойно сказал: «Нет», и, как ни странно, его оставили в покое. Но к тому времени благодаря старшему Малой уже очень хорошо читал и даже писал, только буквами как в книге, а не как старший в тетради, но поскольку наш герой пропустил год школы, для безделья времени было еще больше.

Однажды старший принес ему небольшую книжку для чтения. Отметим, что у Малого интерес к чтению был огромный: таскал книги старшего всюду с собой, несмотря на регулярно получаемые от него тумачи. Книга называлась «Кот в сапогах», и когда старший улыбаясь протянул книгу Малому со словами: «На, читай, тут про твоего Мастана написано», не было предела радости у него. Сколько раз перечитал эту книжку, невозможно сказать, но каждый раз гордо смотрел на Мастана и был уверен, что тот поступит так же, как и Кот в сапогах из сказки. А думать так у него было основание: Мастан уже успел проявить свои способности и верность дружбе.

На окраине села, где жила семья Малого, постоянно паслись стада овец. Пастухов сопровождали, а точнее, помогали им собаки, которые были натренированы на защиту стада. Однажды Малой случайно оказался недалеко от стада, и собаки погнались за ним. Естественно, он изо всех сил начал бежать в сторону дома. Когда ему оставалось не так много до дома, а своре собак (там было их шесть или семь) еще меньше до него, произошло невероятное. Откуда-то взявшийся Мастан оказался между Малым и этой сворой и, привлекая внимание собак на себя, побежал в сторону. Вся эта свора погналась за ним. Конечно, смельчаку Мастану ничего не стоило добежать до ближайшего дерева и взобраться на него. Собаки окружили дерево, начали ходить вокруг него и гавкать на Мастана, а тот, в свою очередь, переходя с ветки на ветку, фыркал на них. Малой отошел на безопасное расстояние и начал наблюдать за происходящим. Немного походив по веткам, Мастан сел и смотрел на собак сверху вниз и, видимо, «философствовал».

«Эх, до чего же глупые вы, собаки, еще вам доверяют сохранность стада! Вы называетесь по-разному: гончие, алабаи, овчарки, волкодавы, просто псы и не знаю еще как, но все вы одинаково глупы. Было бы нас двое котов, мы бы украли все ваше стадо. Что вы сидите тут, прекрасно зная, что ничего не сможете со мной сделать? Хотите понравиться своему пастуху, наверное. Чего побежали-то за безобидным ребенком, затем за мной? А в это время стадо без охраны! А эти овцы и бараны тоже мало что соображают. Действительно, безмозглые бараны и овцы, что доверили свои жизни вам и не менее глупому пастуху. Вам не дано понять, что такое самостоятельность. Умение думать, быть независимым, свободным – это привилегия котов. Вот я живу в доме, но позволяю любить себя только одному из этой семьи. Вы же, в отличие от нас, виляете хвостом перед всеми. Мне вас искренне жаль: будучи гораздо умнее пастуха, позволяете ему помыкать вами».

Был уже подготовлен план действий для проявления Мастаном своего таланта и умения в очередной раз: возвращаются в ближайшее время в Казах с Мастаном, все проблемы на дороге решает Мастан, а ему останется только заступаться за него перед нехорошими мальчишками. Однако этому плану не суждено было сбыться: Мастан исчез. Малой искал его всюду, но не мог найти.

Недалеко от дома находилась птицеферма, там было много цыплят, и все одинаково белые, противные. Каждый раз, проходя мимо нее, Малой думал, как было бы здорово, если бы все эти цыплята подошли, и вместо них Мастан бы жил долго-долго. Там все время ходил какой-то мужик с ружьем и, как говорили родители, его звали краснощекий Исмаил.

В поисках Мастана Малой оказался возле птицефермы, и, когда увидел мужика с ружьем, его словно осенило. «Этот убил Мастана», – безошибочно определил он. Все именно так и оказалось: краснощекий Исмаил признался, что убил Мастана из-за того, что тот якобы убивал цыплят. Это было неправдой, Мастан никого не обижал, ведь дома у матери были всегда куры и цыплята, их же не трогал, разве что игрался с ними – это всегда. Исмаил указал место, где закопал Мастана. Малой сдержал себя, не плакал и краснощекому ничего не сказал, боясь, что тот может и его убить. Только в мыслях просил Аллаха, чтобы наказал того, и, когда вспомнил слова бабушки Ибода о том, что кошек нельзя обижать, потому что Аллах наказывает тех, кто обижает их, немного успокоился, будучи уверенным в скорой смерти этого противного человека. Малой молча ушел домой и все время ждал, когда же умрет краснощекий Исмаил, и сильно просил об этом Аллаха.

Однако он не забывал слова бабушки Ибода и о том, что Аллах не убивает одних людей по просьбам других. Если бы он слушал людей, то никого бы не осталось в живых, потому что всегда одни просят Аллаха убить других,

и при этих словах дедушка Ибод засмеялся и сказал, что такие вопросы Аллах решает сам, никого не спрашивает. Поверить в это трудно, точнее, невозможно, но не прошло и месяца, как умер краснощекий Исмаил. Конечно, радости Малого не было предела. Однако радость его по случаю смерти самого противного человека была омрачена одним обстоятельством. Когда услышал о его смерти, начал плясать в прямом смысле слова, наигрывая при этом какую-то простую мелодию. Мать, узнав причину его радости, дала ему пощечину и к тому же крепкую. Это был первый случай в жизни Малого – получить пощечину от матери, конечно же, легкое постукивание тапкой или еще чем-нибудь по сидячей точке при молитвах не в счет. Он заплакал и сказал матери, что она тоже радуется смерти Мастана. Далее продолжил, что радуется вовсе не смерти этого поганого человека, ему наплевать на него, а радуется тому, что Аллах услышал его и отомстил за Мастана красномордому (именно так сказал специально), потому что тот убил Мастана ни за что. Кажется, мать начала что-то понимать, ведь до этого почти и не интересовалась, где же Мастан, и наверняка пожалела, что ударила Малого. Он же, в свою очередь, смотрел на нее со злобой, пытаясь походить своим взглядом на Мастана, когда тот злился. Мать наконец собралась с мыслями, подошла и обняла его, он заплакал еще сильнее, навзрыд, и долго не мог успокоиться.

Вскоре мать принесла откуда-то маленького котенка, отдала его Малому и сказала:

– Пусть у тебя будет теперь маленький Мастан.

Все пошло своим чередом: кусочек масла на лапку Мастанчику, игры с Малым и, конечно же, священные молитвы Малого в случаях обиды и так, без обиды, за долгую жизнь Мастанчика за счет кур и гусей матери.

В сентябре того года Малой наконец-то пошел в школу. Двоюродный брат Наиб, его ровесник, уже учился во втором классе. Он и в этот год не пошел бы, наверное,

но старший Невраз, взяв его за руку, повел в школу. Конечно же, по этому торжественному случаю надел свою почти новую (очень мало ее носил) черную с красным крестом на макушке папаху. Все школьники построились перед школой. Поднялся на крыльцо красивый дяденька и начал говорить о всяком разном, малопонятном для Малого, потому и спросил у Наиба:

– Кто этот человек?

На что услышал:

– Директор школы, Гудрат муаллим, фамилия его Сулейманов, он здесь самый главный.

Малой продолжал свои вопросы:

– А зачем он здесь нужен, что, без него нельзя учиться, что ли?

На этот вопрос Наиб не ответил, но сказал, что нельзя разговаривать. Своим разговором и, видимо, еще папашой Малой привлек внимание Гудрат муаллима. Он спустился с крыльца, продолжая говорить, и пошел в сторону Малого.

– А это кто такой у нас, прямо Гачаг Наби, в такой красивой папаше?

Малой не растерялся и спросил его:

– Откуда ты знаешь Гачаг Наби, ты что, знаешь дедушку Ибода? Он тебе тоже рассказал о нем?

Гудрат муаллим засмеялся и сказал:

– Конечно, знаю дедушку Ибода, он и мне рассказал о нем. А ты думаешь, что только тебе рассказал? Ничего подобного.

Потом подошел близко, взял папаху у Малого, внимательно разглядел и сказал тихо, еле слышно и ни к кому не обращаясь: «Надо же, и крест равный на месте». Что означали эти слова, Малой не понял, хотя очень старался. Вернул папаху Малому и добавил:

– Послушай: главное, чтобы у каждого человека в жизни был свой дедушка Ибод, который рассказал бы ему о твоём Гачаг Наби.

Малой, когда вспомнил о дедушке Ибоде, вспомнил и о краснощеком Исмаиле: «Наверное, у него в жизни не было его дедушки Ибода, а так, может быть, был бы добрее, не убил бы Мастана!»

ГАЧАГ НАБИ, о котором так много рассказывал дедушка Ибод. Видимо, был ему родственником. Точно в такой же папахе, как у него, Малой пошел в первый класс

Глава десятая

ПЕРЕМЕНА В ЖИЗНИ

После этого мероприятия все разошлись по классам. Первым в класс зашел учитель, который стоял с ними на улице, пожилой, вся голова седая. Все расселись за парты. Малой, расталкивая всех, прошел к самой последней парте. Учитель представился как Ислам муаллим. Малому понравилось, что у учителя имя такое же, как у отца. Затем тот зачитал имена всех учеников. Естественно, Малой не числился и не был назван. Ислам муаллим попросил Малого назвать полное имя, фамилию и отчество, он представился: «Усубов Реван Ислам-оглы», и только учитель хотел записать его в журнал, как зашел в класс Гудрат муаллим. Все встали с места, в том числе Ислам муаллим, нехотя поднялся и Малой. Гудрат муаллим, наклонившись к учителю, что-то тихо, почти шепотом, говорил ему, и Малой случайно поймал его взгляд на себе. Понял, что разговор о нем. Учитель кивнул головой и положил на стол ручку. Малой услышал последнюю фразу: «Я уже чуть было не записал как есть».

Гудрат муаллим что-то сказал ему и пошел к выходу, а когда потянулся к дверной ручке, Малой очень громко спросил его:

– Что, я учиться не буду? Надо уходить из твоей школы?

Гудрат муаллим остановился, повернулся в сторону Малого, молча посмотрел на него, постоял несколько

секунд и подошел к нему. Взял его за плечо, усадил за парту и сказал:

– Как же не будешь учиться, будешь, еще и отличником станешь! – Малой не понял, что это такое «отличник», но и не стал спрашивать. Далее Гудрат муаллим продолжил: – Нам надо кое-что уточнить, ты же приехал из Казахстана. Все у тебя будет хорошо, Гачаг Наби.

При этих словах Малой доверился ему полностью.

Прошло несколько дней, может, неделя, и однажды, вернувшись из школы, Малой увидел дома отца. Это было непонятно, потому как отец уходил очень рано, когда они все еще спали, и возвращался очень поздно. Разговор шел о нем. Отец говорил, что с ним разговаривал председатель сельсовета Мустагим Гезалханоглу, брат директора школы Гудрата, и советовал младшего тоже записать в школе не Усубов, а Реванов. Так старшего в Казахе записали.

– Говорят, так будет лучше, потому как я тоже Усубов, а в каких-то кабинетах это помнят.

Мать в свойственной ей резкой манере ответила:

– Пусть запишут как надо, ты-то чего вмешиваешься? Чтобы тебе на голову упал черный камень с неба и ты вместе с ним провалился под седьмой слой земли, вечно мешаешь людям!

Выпалила, взяла сенек и пошла по воду на родник (ни много ни мало, именно черный камень с неба – по заказу, что ли, и не куда-нибудь, а именно под седьмой слой земли провалиться). Сенек – это большой медный сосуд для воды, формой немного напоминающий кувшин, объемом примерно в двадцать литров. Отец тоже что-то сказал ей вслед и пошел по своим делам.

На следующее утро в школе в первый раз в классе во время переключки Ислам муаллим назвал полное его имя, отчество и фамилию. Другие дети мало что поняли, почему до сих пор его не называли, сам понимал, и то не до конца.

Поскольку он стал полноправным учеником в школе, теперь одноклассникам было позволено, как они думали, подшучивать над ним относительно его папахи – на первой же перемене. Сначала пытался, как и в Казахе, когда посмеивались над его феской, успокоить их, и просил оставить его в покое. Увы, просьбы не возымели действия, и ребята даже сходу сочинили дразнилку:

*Ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха-ха,
Гачаг Наби, где твоя папаха?!*

Это уже чересчур. При чем тут дядя Гачаг Наби, родственник дедушки Ибода? Тут уже пошло в ход самое верное и эффективное средство – его кулаки. Несколько выверенных действий, и трое из ребяташек-шутников (самые злые) были выведены из строя. Один с разбитым носом (потекла кровь), второй – с окровавленными губами, а третий – с «фонарем» под глазом – покинули «поле боя». Конечно, и он получил свою изрядную долю от ребят: хорошие, ощутимые тумачи куда придется и, самое главное, удар ногой в колено, да так сильно, что «поле боя» покинул, прихрамывая. Прозвенел звонок, все сели по местам. К чести «раненых» нужно отметить, что они все быстро поменялись местами с ребятами из задних рядов, наспех вытерлись, насколько это возможно было сделать чисто, рукавом того, во что были одеты, и грозно смотрели на новоиспеченного школьника, давая понять, что разговор еще только начинается. А тот же с ухмылкой глядел на них и кивал головой, отвечая, что разумеется, знает свою силу и способности в этом благородном деле – драке. Драки он не боялся никогда: к этому времени единственное, чему он хорошо научился, так это драться. Он усвоил для себя главное правило: «Не давай бить себя первым, нужно начинать самому и бить всех подряд, без разбору, виноват или не виноват – это неважно; еще лучше, если перепадет и тем, кто не желает

вообще участвовать в драке, потому как те будут пытаться все-таки уходить от прямого контакта и тем самым создадут панику». В соблюдении этого правила кроется большая половина успеха.

Зашел в класс Ислам муаллим и, естественно, сразу же заметил перемещения в классе, всех заставил сесть по местам и тут же спросил у «пострадавших», в чем дело. Из их ответа следовало, что двое упали, когда бежали, а третий стукнулся о дверь. Учитель был готов принять их версию, потому как начал призывать к осторожности в играх, видимо, не испытывая особого желания к разборкам. Школьник наш подумал о них очень высоко: «Ребята хоть и противные, отвратительные, но надежные», но увы, девочка с первой парты тут же выдала всех с потрохами, рассказав до мельчайших подробностей все то, что произошло, и, конечно же, тогда учителю пришлось заниматься выяснением всего происходившего. Разборка шла трудно, потому как учитель требовал признаться всем, ребята все отрицали, а девочка все твердила свое (есть же такие неугомонные, из них впоследствии получаются передовые активистки профсоюза). Спасение пришло оттуда, откуда его не ждали: в класс зашел Гудрат муаллим, и учитель рассказал ему все. Тот внимательно выслушал, сказал, что разберется сам, и затем вышел из класса и велел всем следовать за ним. Привел их в кабинет, сел за стол и попросил (именно попросил) рассказать все как было. Все смотрели друг на друга, и никто не решался начинать, тогда начал сам. Обращаясь к тем троим, сказал: «Ребята, вы были неправы, когда дразнили его, он подрался с вами из-за вашей дразнилки». Потом сам рассказал про Гачаг Наби. Все четверо слушали его внимательно, опустив головы, то ли было стыдно, то ли отчего, не совсем было понятно.

Дни, сменяя друг друга, стекались в годы, и наши герои, переходя из класса в класс, становились старше. Все шло своим чередом: постоянные драки, разборки, потом

обещания, что это в последний раз, и на следующий день еще одно обещание; таким образом дошли они до пятого класса. Реван уже не носил папаху, и о ней все забыли, однако обувь его вызывала некоторую тайную насмешку сверстников еще с первого класса, но никто в открытую не решался выразить ее, поскольку он уже во всем селе был известный мастер «кулачных боев», в любое время мог пустить в ход кулаки.

С весны и до осени он ходил в чарыках – это самодельная обувь из сыромятной кожи, желательна, вола, быка или, наконец, коровы. Свиная кожа тоже подходит, но там она была редкостью. Родители говорили ему, что это полезно, однако все было связано с бедностью семьи, но справедливости ради нужно отметить, что чарыки действительно полезны: если в них ходить с раннего детства и примерно до тринадцати-четырнадцати лет, то никогда не узнаешь о такой болезни, как плоскостопие, кроме того, по периметру плетутся петельки, и в них вдевается шнурок, тоже самодельный и достаточно длинный. Так вот, пока вдеваешь этот шнурок в эти петельки и делаешь это несколько раз на день, развиваются кончики пальцев. Сейчас это называется как-то по-умному – то ли развитие моторики, то ли еще как-то. Видимо, предки наши все-таки что-то понимали в этих вопросах.

Отец шил чарыки мастерски, любо-дорого было смотреть. Жаль, что наш герой не усвоил это дело как нужно, и отец тоже виноват, между прочим: мог бы позвать, показать; теперь поздно, что не сделано, то не сделано. Увы, жалеть о чем-то прошлом – то же самое, что бросить камень вдогонку за улетевшей птицей: не вернешь прошлое, не достанешь птицу. Все делается в конкретное время, в конкретном месте.

Глава одиннадцатая

ДУМЫ ТЯЖЕЛЫЕ, ДУМЫ ГРУСТНЫЕ

После посещения могилы матери Орхану стало грустно от нахлынувших воспоминаний. Домой идти не хотелось, но надо было, потому как сильно устал с дороги. Добрался до дома быстро: на троллейбусе номер восемь доехал до Баксовета, а там пять минут ходьбы. Зашел в квартиру, разделся, принял душ и лег отдохнуть, даже ничего не поев от усталости. Сам понимал, что его кажущаяся усталость связана с его одиночеством. Такое состояние у него часто возникало после смерти мамы. В своих раздумьях вспомнил о Гюльшен, сам себе улыбнулся и быстро переключился на другое, на конференцию в Ереване, на новых друзей и, конечно же, вспомнил о Сирануш. Очень хорошо представлял ее состояние из-за смерти отца, потому как не понаслышке знал об этом после смерти мамы. Отца не помнил, разве что оживлял его силой своего воображения, создавая образ по рассказам мамы. Пока он был маленький, мама практически ничего не рассказывала ему об отце, начала рассказывать отдельные истории с того времени, когда уже учился в восьмом классе, точнее, после окончания семи классов.

Учебный год подходил к концу, оставались считанные дни до окончания десятилетки. Мама, как всегда, накрыла ему на стол, сама села напротив и, подперев руками подбородок, смотрела на него. Он улыбаясь спросил ее, почему она так смотрит на него, на что та ответила:

– Как же ты вырос, стал совсем взрослым и так похож на отца!

– Вот и я о том же, пойду работать после окончания школы.

Эти слова вывели ее из себя, она очень много говорила о важности получения им высшего образования и в конце строго сказала:

– Чтобы я больше не слышала таких разговоров. Ты закончишь университет. Можешь бросить учебу и пойти работать, если только я умру.

Он действительно к этому разговору больше не возвращался и всегда думал о маме только с чувством благодарности. Мама тогда впервые рассказала ему об отце подробно, о том, как они сильно любили друг друга. Ему тогда стало многое известно. Узнал о том, как родственники отца и мамы противились их женитьбе по той причине, что она была армянкой. Но были и по-настоящему доброжелатели, и называли они их не иначе как Асли и Керем современности, только со счастливым концом.

«Асли и Керем» – это азербайджанский народный эпос о любви. Рассказывается там о любви сына Гянджинского хана Керема к дочери армянского священника – Асли. Отец не хочет выдавать свою дочь за него и перевозит ее с места на место, а Керем всюду следует за ней. Черный поп (так зовут отца девушки), чтобы избавить свою дочь от любви к Керему, обращается к темным силам, и когда, казалось бы, все невзгоды позади и молодые должны вот-вот соединить свои судьбы, происходит невероятное: Керем вспыхивает огнем и сгорает. Асли со слезами сметает его прах своими роскошными косами. Волосы ее вспыхивают от искры, попавшей на них, и она тоже сгорает. Соединяются влюбленные не при жизни, а после трагической гибели, смешавшись прахами.

Тогда же мама рассказала ему о своем происхождении. Он не поверил своим ушам и удивленно переспросил ее:

– Ты что, армянка? То есть я тоже армянин?

Она улыбнулась ему и сказала:

– Ой, какая же я армянка? Уже давно привыкла, что Наргиз, а ты тем более, у тебя папа – азербайджанец. Живи и радуйся, сынок.

Далее она рассказала о том, почему так поступила в свое время, и сказала, что ни о чем не жалеет.

Вспоминая обо всем этом, задавался вопросом, почему же тогда она просила высечь на могильном камне те строки, разделенные крестиками, если не жалела ни о чем? Что двигало ею в последние минуты жизни? Неужели есть поступки, о которых не думаешь, пока живешь и радуешься жизни, но обязательно вспоминаешь, пусть даже в последние мгновения жизни? И тем хуже, потому как становится невозможным что-либо изменить... Наверное, в жизни каждого человека есть поступки решающие, неважно, какие они, хорошие или плохие. А в чем, собственно, заключается хороший или плохой поступок? Эти оценки относительны и сугубо субъективны, и отсюда вывод: «Поступай по своему разумению, без оглядки на кого-либо, ибо всем не угодишь». А как быть в таком случае с общепринятыми нормами поведения? Как привести в согласие свое «я» и «остальные вокруг»? А почему, собственно говоря, человек должен согласовывать свои действия с остальными? «Не должен», – отвечал сам себе. Свои поступки можно соизмерять с общепринятыми нормами, чтобы они не противоречили им, а в личном человек должен быть абсолютно свободным.

Под тяжестью груза мыслей не заметил как уснул, и проснулся только вечером, в половине шестого. Быстро поднявшись, прошел в ванную, чтобы взбодриться, ополоснул лицо холодной водой. «Чтобы окончательно прийти в себя, надо бросить чего-нибудь в топку», – подумал он и пошел в кухню. Немного подкрепившись, прошел в кабинет и сел за рабочий стол. Хотел печатать немного, даже заправил бумагу в пишущую машинку, но почему-то передумал, отодвинул машинку, достал из ящика стола папки с бумагами и начал их перебирать.

Глава двенадцатая

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Время знало свое дело, шло безостановочно, уводя за собой наших героев. Вчерашние малолетки-первоклассники уже стали юношами, а неказистые девочки превратились в кокетливых красоток. Реван уже пошел в девятый класс. Отсюда и началась новая страница в его жизни.

В их школу пришли учиться, точнее, продолжать учебу, парни и девчонки из четырех окрестных сел, потому как у тех были школы-восьмилетки. Одна из девчонок по имени Рудаба из села Амирджан с первого взгляда свела с ума нашего героя. Реван влюбился в нее, как говорят, по уши, но все бы ничего, если бы не одно важное препятствие. Дело в том, что с ней в одном классе учились ее брат-близнец Джаван и двоюродный брат Роман; чтобы как-то подступиться к ней, наш герой решил подружиться с ее братьями, и ему это легко удалось. Справедливости ради нужно отметить, что ребята и без сестры были достойны искренней, честной дружбы, но из-за сестры ценность дружбы с ними возрастала в разы. Пока наш герой был только влюбленным, довольным собой юношей и не знал, какую жизненную дорогу откроет, при этом закрывая другие, перед ним его первая любовь. Он радовался своей способности влюбиться и уметь любить. Любим ли он при этом? Кажется, этот вопрос его не волновал, или положительный ответ подразумевался

сам собой. Как же иначе? Ведь он любил своего Мастана, и тот отвечал ему тем же. Так же он любил свою собаку, Бойнака, огромного среднеазиатского волкодава, подаренного огру Ильясом еще как только они приехали сюда. И пес отвечал ему тем же, даже терпел все выходки Мастана по отношению к себе, лишь бы маленький хозяин не обижался. Наш герой в своем развитии в вопросах любви и взаимоотношений с женщиной, видимо, оставался на уровне Малого, Мастана и Бойнака, не знал или не понимал, что в вопросах любви к женщине такая мерка вовсе не подходит, потому как она – существо, думающее другими категориями, нежели пес Бойнак или кот Мастан, и что тропинка, ведущая к сердцу женщины, терниста и покрыта зарослями, и не так легко добраться до него. Конечно, испив полную горечи чашу любви, поймет все это и откроет путь к сердцу женщин, но все это будет потом, когда в этом вопросе на первое место выйдет не любовь, а нечто другое, может, даже что-то поддельное. Пока же ходил в полной уверенности, что Рудаба тоже любит его и никак не может быть по-другому. В своих мечтаниях заканчивал школу и вместе с Рудабой уезжал в Баку для поступления в институт, хорошо если она тоже выберет один и тот же институт вместе с ним, и тогда у него будет возможность помогать ей в сдаче экзаменов; если же нет, тогда подаст документы вместе с ней, потом уже через год пойдет в свое учебное заведение. Его только немного пугало другое, что якобы в Баку за поступление в институт берут большие взятки. Денег у него не было точно, зато были знания, на которые не без основания возлагал свои надежды.

Во всей Армении среди азербайджанцев не было ни одного человека, который бы не интересовался жизнью Азербайджана. Дело в том, что люди связывали свое будущее с ним. Молодежь, закончив школу, уезжала учиться в Баку, а те, которые не поступали в учебные заведения, всеми правдами и неправдами старались

получить паспорт, тоже уехать работать в Баку, Сумгаит, Кировабад и другие города и пополнять ряды жильцов «нахалстроя». Что такое «нахалстрой», знают только азербайджанцы – выходцы из Армении. Автором этого слова, несомненно, являются они. Означает это слово одно – «строить нахально», то есть не спрашивая разрешения у властей. Сами бакинцы, сумгаитцы или кировабадцы называли эти, с позволения сказать, построения, а в самом деле трущобы, «Шанхаем», только не из-за их архитектурной оригинальности, а из-за густонаселенности.

Дело в том, что нужно было договориться с местным исполкомом, милицией, прокуратурой и самое важное – участковым и, представьте себе, за одну ночь (!) возвести стены, перекрыть крышу и заселиться. Часто не успевали ставить окна и двери, их просто завешивали чем-нибудь, и тогда нельзя было сносить строение, его регистрировали как уже существующее. Надо отметить, что подобных строений под Ереваном или недалеко от какого-нибудь армянского города не то что не существовало, этого представить было нельзя. В Баку и вообще по всему Азербайджану армяне жили – словно сыр в масле катались, жильем обеспечивались в первую очередь, трудились на самых престижных местах; это, как говорится, чисто официально, но существовала еще подводная часть айсберга – другими словами, все подпольные цеховики, парикмахеры, торговцы водой в киосках, почти все закусовые и подобные «жирные» места были в руках армян. В обязательном порядке традиционно секретарем одного из крупнейших районов Баку назначали армянина. Забегая вперед, хотелось бы отметить один момент: живя в таких шикарных условиях, они тем не менее высказывали недовольство условиями жизни, говорили о притеснениях.

Трудности в получении паспорта возникали главным образом у молодых людей призывного и допризывного возраста, потому как военкоматам нужно было кровя

из носа выполнить мобилизационный план; что касается желающих уехать отслуживших в армии молодых людей, то у них особой проблемы не было, более того, армянское руководство вело политику оттока молодых азербайджанцев из Армении. Препятствия чинило руководство в селах. Кого-то может удивить фраза о трудностях получения паспорта – ничего удивительного: дело в том, что вплоть до середины семидесятых годов выдавать паспорта жителям села запрещалось; по всему Союзу действовал закон, принятый еще в тридцатые годы. «Отец народов» заботился о том, чтобы ни один человек не мог ступить шага без присмотра. Основной заботой молодежи, желающей учиться в Баку, и их родителей была проблема поступления в учебные заведения, точнее, не само поступление, а одна из важнейших составляющих этого процесса, и дело было не в подготовленности, а в размере взятки. Конечно, некоторое преувеличение в этом вопросе было, но, как говорят, дым тоже не появляется без огня.

Вот и в самый разгар обсуждения этого вопроса, то есть в начале лета, пресса сообщила о смене в руководстве Азербайджана. Вместо тогдашнего первого секретаря ЦК КП Азербайджана Вели Ахмедова назначили Гасана Алиева. Как только тот приступил к осуществлению власти, начался очередной этап жестокой борьбы с коррупцией. Начались аресты начальников разного калибра по всем отраслям, в том числе и в сфере высших учебных заведений. Этот момент был наиболее радостным событием того времени. А если подходить серьезно, то народы в Российской империи, независимо от внешней аббревиатуры, всегда поддерживали власть и радовались искренно только войне и репрессиям, особенно в двадцатом веке. То же самое происходило и в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году, когда к власти в Азербайджане пришел Гасан Алиев, так что ничего удивительного в радостных возгласах по поводу ареста того или иного чиновника не было.

Можно сказать, по всему Закавказью стали распространяться слухи о невиданных доселе методах его борьбы против коррупции. Честно, не можем утверждать, может, и правду говорили, что он ходит как обычный проситель к разным чиновникам высокого ранга и, когда те начинают вымогать взятку, тут же задерживает их на месте. Но один факт остается бесспорным: его фотографию долгое время не печатала ни центральная, ни местная пресса.

С приходом к власти Гасана Алиева в Баку начали издавать произведения писателей и поэтов из Южного Азербайджана. Как говорили в то время – «Иранский Азербайджан».

Широкой массе стало известно имя поэта Шахрияра из Тавриза. Его знаменитая поэма «Приветствие Гейдар-бабе» стала главным произведением внеклассного чтения.

Глава тринадцатая

ВАЖНАЯ НОВОСТЬ ДЛЯ ВСЕГО СЕЛА

Весть эта мгновенно облетела все село. Шамдан вернулся из тюрьмы! Никто не верил этому, и все переспрашивали друг у друга. Говоря откровенно, многие даже успели забыть о нем, а некоторые, особенно молодежь, не знали вовсе ничего.

Арестован был Шамдан в 1937 году осенью, и прошло с того времени ни много ни мало – тридцать два года. Работал перед арестом в селе директором школы; как говорили знающие люди, был одним из образованных людей в тех краях. Образование получил до революции, в 1916 году закончил Московский университет, факультет востоковедения, вернулся на родину сразу же. Был из знатного рода, и его отец Гаджи Магомед, не стесненный в средствах, сумел дать сыну хорошее, говоря современным языком, среднее образование и затем отправил учиться в Москву. Начальное образование он получил в русско-татарской школе в Елсебетболе, как говорили в народе, по-настоящему же – в Елизаветполе, а другими словами – в Гяндже.

Долгое время его в селе мало кто видел, разве что очень близкие родственники. Говорили, что никуда не выходит, целыми днями сидит во дворе дома сестры и ни с кем не разговаривает, даже с теми, кто приходил его навещать; вместо приветствия – легкий кивок головы

и ни слова. Конечно, так не могло продолжаться вечно, и начал выходить к людям, но в общении ничего не изменилось. Стал он появляться в центре села, возле магазина, где всегда собирались люди разной масти: от сельской элиты – то есть трактористов и шоферов – до учителей и пастухов. Собравшиеся садились рядом друг с другом на выступе фундамента и начинали оживленную беседу; конечно же, у каждой категории была своя тема. Шамдан муаллим садился всегда с краю, поодаль от других, в разговорах участия не принимал, только молча смотрел в одну точку. Всегда приходил и уходил в одно и то же время, можно было, как говорят, сверять по нему часы.

Долгие тридцать два года тюрем и лагерей не прошли бесследно. Одна нога, кажется, правая, практически не действовала, и он передвигался с трудом, но никто так и не видел его ни с тростью, ни с костылями. Возможно, таким образом показывал силу духа, и не только своего, а вообще человека перед превратностями судьбы. В скором времени, несмотря на причудливые черты характера, стал для односельчан символом неслгибаемости перед своим временем. Они выказывали ему свое уважение, свое восхищение чем могли.

Каждый был бы рад исполнить его любую просьбу, но тот никого ни о чем не просил. Реван, иногда проходя мимо, вежливо здоровался с ним, и Шамдан муаллим, не поднимая взгляда, кивал головой. Это в глубине души обижало его, иногда доходило до того, что ему хотелось кричать во всеуслышание: «Шамдан муаллим, это я, Реван, сын кара Ислама. Я прочитал все ваши сохранившиеся записи, я знаю о вас гораздо больше, чем вы думаете. Только скажите мне, что делать с тем, что почерпнул из ваших обжигающих душу записей?» Но каждый раз он сдерживал себя. Воистину, правду говорят, что не нужно торопить события, всемо своей черед.

Однажды он шел с отцом, и получилось так, что их путь проходил мимо магазина. Еще издали увидел,

что Шамдан муаллим сидит на своем месте и смотрит в свою любимую точку. Отец шел впереди, и когда поравнялся с Шамданом, произошло чудо прямо у него на глазах: Шамдан муаллим поднялся и окликнул отца.

– Здравствуй, Ислам, почему мимо проходишь?

Отец повернулся к нему, и они обняли друг друга за плечи. Отец сказал:

– Шамдан, прости, плохо вижу, к тому же не смотрю по сторонам. Как ты?

Этот поступок ошарашил всех присутствующих. Все, кто был там, замолчали, смотрели на этих двух пожилых людей, и, видимо, каждый задавался вопросом: «Что это значит?» Они постояли так, наверное, минут пять и разговаривали. Чувство трепетного волнения охватило Ревана, когда Шамдан муаллим показал на него и спросил отца:

– Твой сын? Да сохранит его Аллах!

Юноша вырос в собственных глазах от осознания гордости за отца. Еще бы, такой человек как Шамдан муаллим был другом его отца. Как же не испытывать гордость? Это просто невозможно. Ему показалось, что стал ростом выше, прямо как узун Хабиб.

Теперь-то он точно пообщается с Шамдан муаллимом. Как же! После такого случая тот обязательно с ним поговорит, и можно будет спросить его обо всем, что было непонятно из записей, которые читал. Если бы тогда знал, что ожидает эти записи, как ими распорядится старый учитель!

Глава четырнадцатая

ПТИЦЫ, ПОДСТРЕЛЕННЫЕ В ПОЛЕТЕ

Реван услышал об учителе Шамдане еще до школы и тогда почему-то запомнил его имя. Близкое, но заочное знакомство состоялось в восьмом классе на уроке литературы, когда изучали биографию одного из репрессированных азербайджанских поэтов, Гусейна Джавида. Учитель Расим рассказал мимолетно и о нем. Многие ребята в классе тогда заинтересовались и просили учителя рассказать подробнее о своем земляке. Расим муаллим тогда рассказал немного, только то, что у Шамдана были некоторые записи по истории и литературе, которые не соответствовали требованиям времени, потому его и арестовали. Ребята задавали разные вопросы, на некоторые учитель отвечал уклончиво, а на отдельные вопросы вообще не реагировал. В этой дискуссии не принимали участие только двое: отъявленный двоечник Шиллан и самый что ни на есть отличник с никудышным поведением – Реван. Первому не было интересно, а второму было недостаточно того, что рассказывал Расим муаллим, потому что чутко ловил те моменты, когда учитель уходил от прямого ответа.

Когда прозвенел звонок, и Расим муаллим, почувствовав некоторое облегчение от навязчивых вопросов своих учеников, поспешно вышел из класса, Реван догнал его в коридоре. Поравнявшись с ним, с оттенком прямолинейности сказал:

– Муаллим, может, все-таки расскажете поподробнее об учителе Шамдане? Интересно ведь знать о своем

земляке, приложившем, как вы сказали, немало сил для создания нашей школы.

Отметим, что Расим муаллим, как и директор Гудрат, относился к нему очень хорошо: во-первых, из-за хорошей учебы, и во-вторых, по-родственному. Тогда Расим муаллим повел его к директору Гудрату, рассказал ему все. Тот внимательно выслушал и сказал:

– Ну что же я могу сказать, поговори со своим двоюродным братом, узун Хабибом, может, тот согласится и ознакомит интересующихся ребят с его записями.

Расим муаллим сказал, что попробует убедить его, но, возможно это будет проблематично, поскольку сам Хабиб не понаслышке знает о возможных последствиях. В этих разговорах Реван не все понимал, но любопытство одолевало его все больше и больше. После окончания беседы молча пошел в класс, ничего не сказал одноклассникам и стал ждать развязки.

Прошло несколько дней, и однажды Расим муаллим попросил его остаться после уроков и зайти к нему в учительскую, что он и сделал. Они вместе пошли в кабинет к директору Гудрату, тот предложил им присесть за стол, достал с нижней полки книжного шкафа несколько старых, потрепанных папок для бумаг, положил на стол и сам сел напротив них. Начал свой разговор, как обычно, о поведении, читал несколько минут свои привычные нудные нотации о важности образцового поведения для всех и в особенности для отличника учебы. Реван сидел и изо всех сил старался показать, что здесь и сейчас, только что все осознал и отныне только так и будет вести себя, как велит директор, однако чем больше он усердствовал, тем явственнее проявлялась его неискренность, да и сам Гудрат муаллим с Расимом понимали, что он неисправим. Один делал вид, что искренно будет стараться, а те, что верят ему. Глядя на папки, Расим муаллим спросил:

– Хабиб их передал вам, что ли? Я его спрашивал тогда, ответил, что подумает.

– Расим, эти папки многие годы уже хранятся у меня, просто твой двоюродной брат отвечает за них перед Шамданом. Перед арестом Шамдан их передал ему, а тот, в свою очередь, когда тучи начали сгущаться над ним, передал их мне. Без его разрешения я не имел права их не то что показывать, даже говорить о них. Я сортировал все записи Шамдана по темам. Интересный и очень глубокий был человек. Не знаю даже, как подать это твоим ученикам, может, твой любимый ученик нам поможет.

– Может, это сделаем на занятиях кружка литературы? – несмело сказал Реван. – Как бы изучение истории родного края. А все эти записи озвучить как воспоминания и рассказы стариков.

Дело в том, что директор сам вел этот кружок, им был собран огромный материал по истории села, были стенды, посвященные истории гражданской и отечественной войны. С предложением директор Гудрат согласился, на том и порешили. Каждый день теперь ему надо было оставаться после уроков и в кабинете директора изучать материал.

Занимался изучением записей с большим интересом. Заметил сразу одну особенность: ни одна из них не была доведена до конца, это были как бы обрывки мыслей по различным направлениям. Видно было, что Гудрат муаллим изучил все записи, потому что они были сгруппированы, если так можно выразиться, по темам, разделены листом бумаги и подписаны им. В своих записях Шамдан муаллим пользовался всеми тремя известными алфавитами – русским, латинским и арабским. Реван не знал только арабского письма и очень сильно жалел об этом, потому как думал, что самое интересное Шамдан муаллим, видимо, писал арабским алфавитом, но Гудрат муаллим переубедил его, сказав, что все записи одинаково сильны, и почему Шамдан муаллим использовал разный алфавит – известно только ему самому. Также рассказал, почему Шамдан муаллим, и не один он,

были арестованы в тридцатые годы. Когда арестовали его, нашли только одну полностью завершённую работу и части тех записей, которые у нас имеются. Этого оказалось достаточно, чтобы обвинить его в пантюркизме и искажении истории. Работа называлась «Гачаг Наби и национально-освободительное движение на территории Азербайджана в девятнадцатом веке». Для написания этой работы приложил огромный труд, исследовал много исторических материалов ещё со времен студенческих лет, был организатором, первым учителем и директором нашей школы.

– Я же у него учился, – говорил Гудрат муаллим. – Историю гачагского движения в Азербайджане он толковал по-своему, не как написано в современных учебниках, будто эти гачаги боролись только против злых ханов и беков. Гачагское движение в Азербайджане в большей части носило национально-освободительный характер и было направлено против оккупации и разделения Азербайджана между Ираном и Россией. Нередко это движение возглавляли сами ханы и беки. Особое место занимает, конечно, движение Гачаг Наби. Против него свои силы объединили Россия и Иран. Он около тридцати лет боролся против двух империй. Конечно, очень жаль, что не сохранилась эта работа, – с сожалением говорил Гудрат муаллим.

Чем больше вникал в записи учителя Шамдана, тем становилось интереснее в мозгах и тревожнее в душе. Интерес вызывали сами записи, а тревогу – опасение не справиться. Однако Гудрат муаллим всячески поддерживал его и ободрял, но почему-то запретил ему делать какие-либо выписки из работ. Тогда, конечно, Реван не понимал причины этого, но в последствии понял: в воздухе висел дух и тревога конца тридцатых и послевоенных лет. Понял ещё, что о прочитанном здесь нельзя будет говорить в открытую на уроках, а можно будет только вне школы, то есть когда сельские ребята вечерами

собираются где-нибудь и коротают время за разговорами о разном, в том числе и об уроках, о школе и об учителях. Как же без этого, перемывать кости всем учителям – дело святое. Также понимал, почему учителя литературы, они же директор и завуч, избрали на эту роль его. Хотя тот и не отличался примерным поведением (как отрицательный пример, конечно, подходил идеально), но в учебе ему равных не было. Кроме того, при всем разгильдяйстве характера живо интересовался подобными вопросами.

Он читал и по несколько раз перечитывал записи, не делая никаких пометок; сначала его так и влекло к запретному плоду, и хотелось делать тайком записи из прочитанного, однако, памятуя о своем обещании директору Гудрату, сдерживал себя. Ему хотелось оправдывать себя тем, что почти все в твоём поведении запрещено в школе, а что мешает сейчас делать выписки? «Нет, – говорил себе, – это будет не то: одно дело в открытую действовать, бросая вызов всем, тому же директору или завучу, и совсем другое – перешагнуть через данное слово». У человека должно быть нечто такое, вроде некой святости, для него на то время этим «нечто» стало данное слово или обещание. Уже давно и Гудрат муаллим понял, что он закончил чтение материалов. Конечно, и Ревану было понятно, что директор обо всем догадывается, но делает вид, что ничего ему не известно. Между ними было молчаливое соглашение не тревожить друг друга. Все материалы были перечитаны несколько раз, и так продолжалось всю последнюю четверть. Наступили летние каникулы, и он весь материал в целости и сохранности «сдал» директору Гудрату.

Летние каникулы пролетели быстро, потому как в течение лета все школьники наравне с родителями трудились на колхозных полях. В тот год погода благоприятствовала, и уборочные работы закончились вовремя, и первого сентября все школьники вернулись за парты.

Незаметно первая четверть перешагнула за половину. В тот год осень выдалась холодной, и все ребята в одно прекрасное октябрьское утро с огромным энтузиазмом встретили слабое тепло, исходящее из чугунных батарей, которые острословы называли гармошкой Шурика под влиянием известного фильма. Большинство ребят хвалили котельщика Шахвели киши за заботу и говорили, что тот делится с ними своим душевным теплом, на это Эльдар, сын узун Хабиба, язвительно заметил, что душевное тепло Шахвели не очень-то высоко, судя по гармошкам Шурика. При этих словах Реван посмотрел на Эльдара, и тот в ответ еле заметно улыбнулся. Они поняли друг друга сразу, поскольку дружили с первого класса. «Значит, тоже знает кое-что о Шахвели, – подумал Реван. – Но почему же тогда молчал столько времени?» На перемене Реван подошел к нему, отвел в сторону и без предисловия сказал:

– Давай выкладывай, что тебе известно, откуда и почему до сих пор молчал?

– Что, я должен был говорить или должен был кричать на каждом углу об этом? – спокойно ответил Эльдар. – Отец рассказывал кое-что, – продолжил он.

На этом их разговор завершился.

Шел первый урок, и прошло, может, минут двадцать от начала, как неожиданно в класс вошел Гудрат муаллим, подошел к доске, к учителю. Они тихо о чем-то поговорили, учитель кивнул головой, и директор, повернувшись к Ревану, велел взять свои учебники и следовать за ним. Наш герой взял одну единственную общую тетрадь, с которой ходил в школу, и последовал за ним. В своем кабинете Гудрат муаллим объяснил ему задачу, которая заключалась в том, чтобы отнести записи Шамдана муаллима узун Хабибу, и добавил, что тот ждет его у себя дома. Гудрат маллим все упаковал в один небольшой чемоданчик и передал, как говорится, из рук в руки. Реван, взяв чемодан, вышел из школы и направился в сторону дома

узун Хабиба, до которого можно было дойти за двадцать пять – тридцать минут.

Когда он подошел к дому узун Хабиба, тот уже был на улице и, увидев его, сказал:

– Принес? Хорошо, сейчас с тобой пойдем.

Узун Хабиб выглядел очень серьезным, на лице не было привычной доброй улыбки, и это вселяло тревогу в сознание юноши, чувствовал приближение чего-то недоброго. Такое чувство он испытал впервые в классе шестом, перед очередным арестом отца, когда было подожжено здание правления колхоза.

В то время отец работал ночным сторожем в хозяйстве. Посреди ночи все село всполошилось от криков и шума: горело здание правления колхоза и в придачу сельская библиотека. Это событие не огорчило бы нашего героя нисколько, если бы не косвенная причастность отца к пожару. Вскоре арестовали отца и еще двоих человек, один был реально подозреваемый, а второй – сторож магазина. Через несколько дней сторожа магазина выпустили, поскольку у него было, как говорят милиционеры, алиби. Из оставшихся двоих один был реальный подозреваемый и отец как соучастник, поскольку не показывал на того. Подозреваемого звали Мишкар, который и в самом деле был реальным автором подстроеного поджога. Как судачили в селе после этого события, просто колхозная верхушка проворовалась и решила замести следы, а Мишкар как нельзя лучше подходил для этой роли, поскольку был непосредственным участником расхищения социалистической собственности. И вот, посреди ночи, когда Мишкар, выполнив возложенную на него миссию, драпал с места «подвига», недалеко от места события его встретил отец. Позже информация как-то просочилась, и милиция загребла их. Находились они под арестом около полгода, в суде ничего не могли доказать и, как ни странно, их выпустили под подписку о невыезде. В ту же ночь Мишкар след простыл, вернулся лет через

пятнадцать. Где был эти долгие годы, никто не знал; говорили, что обитал в России. А потом забыли и про отца, закрыли дело. Видимо, заинтересованных было больше. От отца тоже отстали, однако по возвращении из тюрьмы у отца все пальцы на руках были синие и вздутые. На его вопросы: «Откуда эти синяки на пальцах, и почему они вздутые?» – отец ничего не отвечал, но мать по большому секрету сказала, что милиционеры засовывали ему под ногти иголки, чтобы добиться признания, но они ничего не добились. Отец выдержал все пытки.

Узун Хабиб шел впереди, и немного позади него шел Реван с чемоданчиком в руке. Всю дорогу молчали, шли по заречной дороге и подошли к дому сестры Шамдан муаллима. Реван сразу понял, что идут к учителю Шамдану, но к чему такая пугающая торжественность, скорее даже строгость, не мог понять. Когда подошли к дому, Шамдан муаллим стоял на улице и будто ждал их.

– Ты не знаешь, он на месте? – спросил Шамдан муаллим.

– Да, конечно, котельная дымила, – ответил узун Хабиб. Реван понял, что речь идет о Шахвели.

– Если так, то пошли, – сказал Шамдан муаллим.

Шли они очень медленно, потому как учитель Шамдан передвигался с трудом.

Наконец дошли до котельной, и все трое без приглашения вошли во внутрь. Шахвели был занят своим делом, кидал в топку котла уголь. Когда те вошли, повернулся к ним и непринужденно сказал:

– А-а-а, пришел! А что же так долго? Я давно тебя ждал!

Сразу было понятно, что он разговаривает с Шамданом, демонстративно игнорирует Узун Хабиба и вовсе не замечает нашего юного героя.

– Так и ждал? – с некоторой иронией в голосе спросил учитель Шамдан и продолжил: – Врешь, Шахвели, врешь, ты надеялся, что я сгину где-нибудь там. Знаешь, зачем я пришел? Нет, не знаешь и не удивляйся, когда

услышишь. Все эти годы я думал о многом, в том числе о тебе. Очень хотел видеть тебя, посмотреть в глаза тебе и сказать все, что о тебе думаю.

– Можешь ничего не говорить. Знаю, что хочешь мне сказать и что думаешь обо мне, – ответил Шахвели.

– Шахвели, я понимаю, на меня ты писал донос по заданию, а на других-то зачем нужно было? Или тоже по велению хозяев? Или ты действительно был таким ярым сторонником большевиков? Знаешь, в чем твоя беда? В том, что ты невежественный человек, не помнящий рода своего. Скольких людей ты погубил из наших сел, скольким сломал жизнь? Тебе ночами не снятся кошмары? Ведь те, на кого ты писал доносы, относились к тебе хорошо. Осиротил ты шестерых детей Бакара, за что? Даутхан отсидел двадцать пять лет по твоей милости. Ислам отсидел десять лет. Продолжим дальше? Мало того, что ты писал на наших, нет же, ты пошел дальше, писал даже на хороших людей из соседних сел. Всех не буду перечислять, сам лучше меня знаешь, кого ты погубил. Только вот спрошу об одном человеке. Ты писал на Шарафа из села Амирджан. Его вместе с братом Ашрафом и старших их сыновей взяли в одну ночь – на глазах младшего сына, и ребенок тронулся умом. Теперь уже взрослый бегает по окрестным селам. Да, правильно думаешь, дели Джошгун. В чем провинился перед тобой и перед твоими хозяевами несчастный ребенок? Какая такая у вас идея, обещающая счастье всему миру и по пути к этому счастью делающая несчастными миллионы людей? Слушай, как получилось, что ты упустил Усталы, двоюродного брата Ислама? Странно как-то, все образованные люди были вашими врагами, ведь сажали всех. А тот был учителем, учился в Гяндже, где и я в свое время.

– Он у нас не жил практически, как вернулся из Гянджи, уехал работать в Гейчу. Кроме того, я его плохо знал, он гораздо моложе нас, ты же прекрасно знаешь, – невозмутимо ответил Шахвели.

Реван молча стоял за спиной узун Хабиба, весь съежился, боясь, что его заметят, точнее, вспомнят о нем и непременно выгонят на улицу, как обычно на Кавказе делают взрослые мужчины при своих разборках. Однако, к его счастью, никто и не думал о нем вспоминать.

– Что, ненавидишь меня, да? – продолжил Шахвели. – Что ты знаешь о нашей идее? Вы – гнилые учителя, доктора и прочие враги великого государства и великого Сталина; нынче вас всех, которые должны были сдохнуть в лагерях, выпустили, а зря. Вы не успокойтесь, снова будете баламутить народ своими пустыми бессмысленными писанинами. Сколько вас, врагов советской власти, вернулось оттуда?

Образовалась пауза в разговоре, Шахвели резко прервал свою триаду, а Шамдан молча смотрел на него. Тишина возникла гнетущая, только слышен был гул работающего на всю мощь котла. Огонь в топке все сильнее поглощал куски угля, которые подбрасывал туда безостановочно Шахвели. Наконец заговорил Шамдан:

– Знаешь, Шахвели, ненависть – очень благородное чувство, чтобы ее потратить на тебя. Она обратная сторона любви, как ни крути. Любовь и ненависть – это две стороны одной медали. А ты говоришь... Презираю тебя и тебе подобных. Вот чего вы достойны. Презираю не только вас, но и государство, которое существует только благодаря силе и опирается на таких, как ты. Спрашиваешь, сколько нас вернулось оттуда? Совсем мало, единицы, можно сказать. Почему же не спрашиваешь, сколько не вернулось? Скажу тебе: приблизительно миллионов двадцать, не меньше, и это без учета загубленных в войне из-за твоего великого Сталина и бездарных его маршалов – начальников воинских. Но ты запомни одно: государство должно опираться на свой народ, а не на карательные органы. Во всем мире их называют по-разному: органами правопорядка, правоохранительными, не знаю еще как, но только в этой стране – карательными. Это говорит

само по себе о многом. Слушай, а почему вы уничтожили и своих? Они в чем провинились? Знаешь, когда арестовали Балаева Эфенди, я думал, случайность какая-то, ошибка. Ан нет. Сколько со мной их сидело в разных лагерях – не счесть. Все бывшие революционеры. Помню, как наш Балаев распространял идеи о светлом будущем. Как он верил в байки, которыми испортили ему мозги. Ну это ладно, тем не менее он был преданным партийцем, чем же не угодил вам? Его взяли тоже в тридцать седьмом, чуть раньше меня. Говорят, не выдержал пыток, умер еще во время следствия. Нахватался своих глупых идей, когда работал на буровых в Баку. Взахлеб рассказывал, что был знаком с Микояном, со Сталиным и другими знаменитостями. Видишь, даже его не пожалели. На него-то за что ты донес, что сделал он?

– Однажды в разговоре со мной выразил сомнение в политике партии по делу коллективизации, и вообще много чего он наговорил тогда мне на свою беду. Я не донес на него так же, как и на других, я просто информировал соответствующие структуры.

Ревану показалось, что Шамдан уже перестал слушать его, повернулся к нему и спокойно сказал:

– Отдай свой чемодан ему! – Далее, не глядя на Шахвели, сказал: – Ты когда-то донес на меня именно из-за этих записей. Теперь возьми их, они в твоей власти, ты должен их уничтожить.

Шахвели молча принял чемодан, поставил на стол у стены, открыл его и принялся за дело, стопками брал в руки ученические тетради и отдельные листы с записями и бросал их в топку. Это заняло немного времени, затем разломал чемодан и тоже бросил в топку. Он вел себя как актер, исполняющий предписанную ему роль в спектакле. Вообще, все происходящее с утра больше было похоже на спектакль, нежели на реальность.

Пламя жадно охватило своим языком пожелтевшие от времени тетрадные листы, а они, словно корчась

от боли, скручивались и превращались в непонятную бесформенность. Котел на короткое время стал гудеть еще сильнее. Ревану показалось, что слышит крик души Шамдана, накопившуюся за долгие годы от боли за несправедливость, точнее, неправедность.

Когда Шахвели закончил «дело», повернулся к Шамдану и посмотрел на него, и так продолжалось, наверное, с минуту, может, даже больше. Они видели только друг друга, не замечая узун Хабиба, не говоря уже о юноше, случайно оказавшемся свидетелем очень важного и трагического события.

Наш герой, наверное, был на тот момент объективным судьей в оценке происходящего, поскольку не был обременен чьим-либо вниманием к своей персоне.

Шамдан повернулся и направился к выходу, за ним последовал узун Хабиб, только наш герой стоял и молча смотрел на Шахвели, желая понять суть происходящего, однако, несмотря на все усилия над собой, так и не смог осмыслить отношения этих двух уже немолодых людей. Что их разъединило, было уже понятно, а вот что же было между ними общее? Но оно было обязательно, составляло суть их взаимоотношений в прошлом. И Шахвели тоже смотрел на него, их взгляды пересеклись. Реван, отвернувшись от него, последовал за Шамданом и узун Хабибом. Когда перешагивал за порог, услышал: «Все не так просто, как кажется», понял, что эти слова тот произнес для себя и о себе. Ясно было, что Шахвели, уже достаточно пожилой мужчина, не будет оправдываться перед юнцом за свою прошлую, наверняка полную горечи и разочарований жизнь.

Ему стало жаль Шахвели, и он подумал, почему же его беспрекословный авторитет, Шамдан муаллим, так сурово вел себя с ним, будучи благородным человеком?

Конечно, юноше не стоило особого труда догнать своих взрослых попутчиков, так как те шли очень медленно. Идя за ними, начал прислушиваться к разговору. Шамдан муаллим, обращаясь к нему, сказал:

– Иди с нами рядом, не нужно волочиться позади, и так делай всегда, не отставай от своих попутчиков никогда.

– Я не отстаю, просто сопровождаю вас и слушаю, – ответил Реван.

– Я тогда и без того знал, что меня арестуют, а то, что он написал, уже не имело никакого значения, просто, может, на несколько дней ускорило дело. Конечно, может, тогда я успел бы спрятать все записи. Ты меня извини, Хабиб, подверг тебя риску тогда, прося спрятать эти записи.

– Да пожалуйста. Конечно, я тогда рисковал для того, чтобы ты сегодня так легко спалил все. Ничего обидного, что ты, – с горечью в голосе ответил узун Хабиб.

– Знаешь, ведь он написал тогда на меня из-за девушки. Он сделал это, чтобы устранить меня, как говорят, для достижения любви пошел на подлость. Хотя и женился на ней, но счастливым не стал, она потом все равно ушла от него, забрав ребенка. Сейчас даже не знает, где они. Во имя любви на подлость не идут; можно совершать достойные поступки, но не подлость. Что касается сожженных записей, ты меня извини. Что там было и что осталось. Все равно мне уже их не дописать, а так – птицы, подстреленные в полете. Надеюсь, обрывки мыслей останутся в памяти тех, кто читал их. Почему говорят, что рукописи не горят? Не оттого, что бумага действительно не горит, а оттого, что мысли не горят. Мысли, высказанные одним человеком, выют себе гнездо в мозгах других, развиваются там, наполняются новым содержанием и распространяются, тем самым получая новую жизнь. Я знаю, что эти записи читал не он один, – при этом показал на нашего героя, – и твой сын читал, они уже рассказали другим ребятам. Пусть дальше они сами думают, даже домысливают то, что я хотел говорить, но не успел. Может быть, они даже будут что-то додумывать, чего я не имел в виду вообще, это очень важно, на этом держится суть развития человеческой мысли: отталкиваясь от одного, прийти к чему-то новому. Так что, Хабиб, ты не обижайся.

Узун Хабиб молча посмотрел на Шамдана, кивнул головой. Обернувшись к Ревану, учитель попросил его помочь дойти до магазина. Юноша словно ждал этой просьбы, тут же подошел и взял его под руку. Узун Хабиб хотел было сам помочь, однако Шамдан сказал:

– Нет, Хабиб, пусть он. Ты уже помог, сколько смог.

Таким образом они втроем дошли до магазина. Шамдан присел на свое место на крылечке и, когда юноша спросил разрешения уйти, велел подождать секунду. Полез в нагрудный карман пиджака, достал оттуда потрепанную тонкую записную книжку. В ней был листок – сложенный, но тем не менее выступающий из нее. Взял листок и протянул Ревану:

– Возьми, прочтешь потом.

По его лицу пробежало некое подобие улыбки, похожей на рассвет, пробивающийся сквозь крошечную темноту ночи в первую секунду, – еще не рассвет, но уже и не темнота.

Реван взял листок, немного посмотрел на старого учителя, попрощался с ними и пошел в сторону школы, оставив их на привычном месте. Отойдя немного, развернул листок: там было стихотворение в два куплета. Скорее всего, это был отрывок, потому как не было ни названия стиха, ни даты написания. Наверное, написал сам учитель, потому как в записях, которые ему были знакомы, попадались и стихи, но этих куплетов там не было точно. Видимо, они были написаны уже в лагере и каким-то чудом уцелели.

*Не унять боль души, не превозмочь.
Уходят годы наши от жизни прочь.
Мы в вечной мерзлоте и в темноте,
Тянется на годы неполярная ночь.*

*Чем больше совершаем коленопреклонений,
Тем больше от пути праведного отклонений.
Крошечная темнота ночей нашего «сегодня»
Отразится на жизни завтрашних поколений.*

Почерк был хорошо знаком нашему юноше, хотя был несколько изменен. Перечитал стих несколько раз и задумался: «Да, эти два куплета и есть суть его жизни. А почему только его, а не целого поколения? Конечно, да – целого поколения», – уточнил для себя. Со временем, конечно, поймет, что темнота этой неполярной, но нескончаемой ночи будет поглощать луч света жизни не одного поколения, а пока шел, мысли были только о старом учителе, начал только-только осмысливать и осознавать произошедшее.

«Оборвалась сегодня на моих глазах вся жизнь одного человека. Ведь эти записи были итогом всей его жизни, изложением его понимания сути своего времени. Вместо того, чтобы развить это, дописать, взял одним махом – отдал на уничтожение. Пусть эти записи были сделаны в начале жизненного пути, когда был еще молод, но они были программой на будущее, маяком. Почему так легко расстался с ними? Это что, протест? Против кого? Почему его надо было выразить таким жестоким по отношению к себе образом? Может, таким образом решил почтить память тех миллионов, не вернувшихся оттуда, о которых говорил, оказавшихся там по вине таких, как Шахвели? Почему тогда сделал это руками Шахвели? Конечно, он зажег вечный огонь в память о тех миллионах, и сделал это руками Шахвели, чтобы подчеркнуть, Шахвели – сам жертва своего времени, отличающегося своей жестокостью и беспредельной безнравственностью.

Это время уничтожило его молодость, погубило его здоровье, сделало больным и немощным. Но оно поступило гораздо подлее с такими, как Шахвели: убило в них душу, вселило страх в сердце. Такие, как Шахвели, жили с оглядкой по сторонам и постоянно прятали глаза при встрече с кем бы то ни было. Это время разделило людей на две противоборствующие, ненавидящие друг друга половины. А причем тут время? Оно течет без начала и без конца, и люди сами вносят коррективы в его ход.

События и явления, происходящие в ходе исторического процесса, осуществляемые людьми, есть украшение вечного времени. Эти украшения могут быть красивыми или уродливыми, с божественным ликом или с оскалом дикого зверя. Вот и двадцатый век оказался со звериным оскалом. Кто знает, может, эти события уже есть некая неизбежная данность, предопределенная Великой Вселенской силой, через которую должны пройти страны и народы, сообразно вращению земли. Чем же отличается мракобесие коммунизма, фашизма от средневековой инквизиции? Ничем в смысле нравственном, точнее, безнравственном. Можно вспомнить и Америку, ведь и она занималась самоистреблением во время войны между севером и югом».

Эти мысли вращались в его голове, он шел и не задумывался, чьи же эти мысли он произносил, размышляя про себя, – свои или вычитанные из записей Шамдана. Действительно, слова учителя Шамдана, сказанные несколько минут назад, находили себе подтверждение. Приводили в действие мысли тех, кто уже успел ознакомиться с его записями.

Размышляя о том, о сем, о разном, даже не заметил, как дошел до школы. Пришел в себя, когда окликнул его Расим муаллим:

– Что с тобой? На тебе лица нет!

Он поднял голову, посмотрел на Расим муаллима и ответил:

– Ты что, не знаешь? Я сегодня уничтожил записи Шамдан муаллима вместе с чемоданом, сжег в котельной.

В школах Кавказа, особенно сельских, ученики обращаются к учителям чаще на «ты».

– Пойдем со мной, – в недоумении сказал Расим муаллим.

Когда зашли в кабинет, директор Гудрат сидел за своим столом и был занят проверкой тетрадей. Увидев их, предложил присесть, отложил тетради и как ни в чем не бывало спросил:

– Все сделали?

Кажется, Расим муаллим понял, в чем дело, и, уже обращаясь к Гудрату, спросил, почему они так поступили с записями, сохраняемыми с риском для жизни в течение стольких лет, на что тот ответил:

– Шамдан муаллим сам так захотел, и был очень доволен тем, что мы хоть как-то ознакомили ребят с их содержанием. Так что все в порядке, не расстраивайтесь.

Затем, обращаясь к нашему герою, добавил:

– Что будет теперь с этими записями, в меньшей степени зависит от тебя. Так что учись и думай. А теперь иди на урок.

Вышел из кабинета директора со сложным чувством в душе, но уже с пониманием своей ответственности за нечто такое важное. Что это было, он еще не мог понять до конца.

Дошел до класса. Шел урок математики. Не дожидаясь перерыва и не спрашивая разрешения учителя, зашел, прошел к своему месту за последней партой и плюхнулся на него. Учитель на несколько секунд прервал объяснение, посмотрел на него с укором во взгляде и продолжил урок. Вскоре прозвенел звонок, и все ученики гурьбой повалили на улицу.

Дни чередовались друг за другом, жизнь шла своим ходом. Наш герой каждый день после уроков шел домой мимо магазина, чтобы увидеть Шамдан муаллима и поздороваться с ним. Ему было приятно, что Шамдан муаллим отвечал на его приветствия. После всех этих событий чувствовал в себе большие внутренние изменения. Прошла, может, неделя или дней десять, и в один из дней не увидел учителя на привычном месте. Как стало известно, Шамдан муаллим заболел, и на третий день болезни его не стало.

В школе был организован митинг в память о нем, на котором директор Гудрат рассказал, как впервые в нашем округе он открывал школу и был первым

ее директором. Однако, ни слова не сказал о его несправедливом аресте и навсегда поломанной жизни. Не упоминал также о его записях, очень жаль, но все-таки понять можно: в подсознании каждого взрослого человека тех лет и их воспитанников гудел тридцать седьмой год. Видимо, способность услышать отзвуки тридцать седьмого относится к числу нетеряемых, точнее, незабываемых. Мелодия страха – особый вид музыки. Она рождает духовный страх у людей, является чувством приобретенным, но неистребимым.

Глава пятнадцатая

КАК ХОРОШО, ЧТО ДРУЗЬЯ ПОМНЯТ

Орхан Вересли утром, как обычно, прибыл в университет раньше времени. Почти вся кафедра была в сборе, и все бурно обсуждали внеочередной пленум ЦК партии. Обсуждение было бурное, однако разговаривали все с оглядкой. Очень удивился, когда узнал о смене в руководстве партии и, соответственно, во всех органах государственной власти. Вчера лег спать рано и новости не слушал, все действительно было для него новостью номер один. Сразу же вспомнил слова дяди Мелкона о предстоящих важных событиях в Москве. «Вот это дядя Мелкон!» – со скрытой гордостью подумал он. Как говорят, шила в мешке не утаишь, вскоре стали говорить об этом уже в шутовском тоне. Особенно иронизировали студенты-старшекурсники. Первую студенческую шутку донесла до него секретарша Гюльшан. Когда тот выходил из кабинета, чтобы пойти на лекцию, она остановила его и, глядя прямо в глаза, с явной иронией в голосе спросила:

– Что, Орхан муаллим, коммунизма нам уже не видать? Ай-яй, какая досада, оставалось каких-то шестнадцать лет до счастливого будущего, взяли и все испортили. Как же теперь быть-то со светлым будущим всего человечества?!

Он с едва заметной укоризной посмотрел на нее, подумав про себя: «Глупая девчонка, придержи язык свой длинный!», и сказал:

– Гюльшан, строительством коммунизма руководит партия, а не отдельные личности. Мы под руководством партии все равно пойдем по пути к светлому будущему. Я понимаю твои опасения, но товарищ Николай Сергеевич ушел на пенсию по состоянию здоровья. Дело нашей партии непобедимо, потому как за ней идут такие комсомолки, как ты.

Она осеклась, он это почувствовал и остался доволен собой. «Мелет что ни попадя, оглянись вокруг себя-то», – продолжил он свой внутренний монолог.

Вечером того дня ему позвонил Зордан. После пары-другой дежурных приветственных фраз перешел к основной теме – к смене власти в Москве. Говорил, что теперь в жизни армянского народа произойдут грандиозные изменения, наконец они поставят памятник геноциду армян в Османской Турции. Рассказал о дяде Мелконе и добавил, что в последнее время со здоровьем у него проблемы, но держится молодцом. Разговаривали долго, и в конце разговора Зордан сказал, что в скором времени приедет в Степанакерт и обязательно заедет к нему в Баку.

Звонок друга обрадовал его, однако известие о болезни дяди Мелкона сильно огорчило. Думал долго и наконец решил дожидаться Зордана в Баку и вместе с ним поехать навещать дядю. Правда, и Зордан не заставил себя долго ждать: прошла неделя, и явился собственной персоной прямо в университет. Он познакомил друга с коллегами, все приняли его добродушно, просили рассказать что-то новое о братской Армении. Наконец у него закончились лекции, и они вдвоем отправились на ревизию достопримечательностей Баку. Проехали на троллейбусе до парка Кирова, погуляли там некоторое время и по ступенькам спустились к площади Азнефть. Прогулка завершилась посещением ресторана на набережной. Находились там долго; изрядно приняв на грудь и добротнo закусив, пошли домой.

Все это время о чем только не говорили, наверное, не осталось ни одного вопроса, который бы не обсудили. Конечно, главным вопросом было здоровье дяди Мелкона. Зордан спросил его о последних произведениях, поинтересовался также, не собирается ли издаваться в Москве. Этот вопрос он оставил без ответа, как-то неуверенно пожал плечами и добавил, что вел переговоры с журналом «Новое слово», но потом почему-то те отказались, и, чтобы сменить тему, показывая взглядом на кожаный дорогой портфель Зордана, спросил: «Что у тебя там»? Зордан ответил, что ничего особенного, бумаги разные, наброски и успокоил его, добавив:

– Не стоит расстраиваться, все образуется, и талант твой не останется незамеченным, будешь издаваться не только в Москве, но и за рубежом.

Пришли домой далеко за полночь, правда, Зордан хотел идти в гостиницу, так как по прибытию уже снял помер, однако Алик не позволил ему и добавил, что раз уже заплатил деньги, значит, их у него много и они ему не нужны.

Дома Зордан достал из портфеля папки с бумагами и положил их на стол. Папки были пронумерованы, и было их всего три. Как рассказал Зордан, в первой папке была рукопись его нового романа, во второй – выписки из разных исторических документов, а в третьей – отрывки, точнее, отдельные абзацы из произведений армянских писателей, начиная от Хачатура Абовяна и до современных молодых. Далее Зордан продолжил:

– Алик, я хотел бы попросить тебя прочесть мой роман и высказать свои соображения. Конечно, если бы ты написал предисловие, я считал бы себя самым счастливым человеком. Что касается второй и третьей папки, то они для тебя. Мы так думаем, что если бы ты написал художественное произведение о геноциде армян в Османской Турции, это было бы очень кстати. Тут ты сам должен выбирать жанр. Конечно, художественный роман подошел бы лучше всего. Документальный жанр здесь не очень

подойдет, потому как историки-злопыхатели не дадут спокойно дышать, будут цепляться к каждому слову. А вот форма художественного изложения – совсем другое; потом, молодежь ведь не любит документальные произведения. Скоро в Ереване установим памятник геноциду, и эта тема больше не будет под запретом. Помнишь, что говорил дядя Мелкон? Вся надежда на молодую интеллигенцию. Работы очень много, Алик. Еще надо думать, как издавать твои произведения в Москве в разных журналах.

Он успевал обдумывать и осмысливать все, о чем говорил Зордан, и последнее предложение заставило его задуматься: «Откуда у Зордана столько возможностей, чтобы решать такие вопросы?»

Однако Зордан сам быстро рассеял его сомнения, продолжая разговор.

– Алик, всей нашей деятельностью руководит организация, здесь она пока в запрете, но даст Бог, придет время, и эта организация встанет в полный рост и поведет нас к нашей мечте.

Когда спросил его о Геродоте, тот раздраженно сказал:

– Я понимаю тебя, может, вы и друзья, но я ему руки не подам больше. Позор нации, не более того. В одном из своих недавних опусов договорился до того, что мы, армяне, живем на землях азербайджанцев. Представляешь, до чего опустился человек? А ведь подавал неплохие надежды, когда начинал писать. В общем, не знаю, смотри сам, продолжать тебе с ним отношения или нет.

Далее говорил о дяде Мелконе и заверил друга, что может не беспокоиться: о нем заботятся как надо, ни в чем не нуждается, есть даже медсестра-сиделка. Когда Алик спросил его, может, стоит навестить дядю, сказал, что этого делать не стоит, и дядя сам так считает, зачем лишние разговоры.

Погостив у него два дня, Зордан отправился в Ереван. На вокзале перед отправкой поезда крепко пожал ему руку и сказал:

– Не беспокойся о переводе и издании своих произведений в Москве. Все будет в порядке, и о расходах финансовых не думай, все возьмем на себя.

Он поблагодарил друга. Поезд тронулся и постепенно начал набирать скорость, увозя все дальше и дальше единственного человека, связывающего его с прошлым и дающего свет надежды на будущее.

Прошло чуть больше недели, как проводил друга в Ереван. Жизнь шла своим чередом. В тот день лекции у него начинались со второй пары, потому и поехал в университет позже обычного, но намного раньше начала второй пары. Когда зашел в приемную, его встретила Гюльшан и, улыбаясь по-доброму, сказала:

– Орхан муаллим, звонили из Москвы, аж из двух редакций: из журнала «Новое слово» и «Заря». Сказали, что вы им очень нужны и сегодня еще позвонят. Орхан муаллим, что, будем ждать издания ваших произведений в Москве? Я очень рада за вас, поздравляю!

От этих слов несколько растерялся. После слов друга, конечно, теплилась надежда, но чтобы так скоро и от таких журналов получить предложение – это было за гранью возможного. Тоже по-доброму улыбнулся Гюльшан и сказал:

– Хорошо, Гюльшан, с меня коробка «Чинар», нормально?

– Нет, вовсе не нормально. Этих коробок «Чинар» у меня на каждый день не менее трех штук. А вот книга с автографом, с записью: «Любимой ученице от любящего преподавателя» – будет самое то.

От этих слов сама запнулась, покраснела и опустила голову. Может, она, сама того не ожидая, высказала ему все, что накопилось в ее мечтающем девичьем сердце с того дня, когда в первый раз увидела его. Этой короткой фразой выразила то огромное чувство, которое испытывала к нему и которое выражалось еще более емким словом – любовь. Он, конечно, понял все и, желая разрядить обстановку, сказал:

– Конечно, Гюльшан, я так и сделаю, напишу так, как ты сказала. Я тоже люблю всех своих читателей и поклонников, особенно поклонниц.

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза. Этот взгляд говорил ему: «Мне не нужна ваша любовь ко всем, я не поклонница. Я люблю тебя».

Этот взгляд он запомнил на всю жизнь, но ничего не мог сказать.

В тот же день ему позвонили из обеих редакций и предварительно согласовали условия издания его произведений. Ему необходимо было представить имеющиеся переводы своих произведений редакции. Конечно, был безмерно рад такому течению событий и в душе благодарил друга за заботу. Вскоре закончились занятия, пешком направился домой. Так делал часто, когда возникала необходимость обдумывать план дальнейших действий или сюжет нового произведения. Вспомнил о папках, которые ему передал Зордан, и укорил себя за то, что до сих пор не удосужился посмотреть, что в них, более того, даже не до конца прочитал его роман, на который ждали от него предисловия. «Да, за эти два дня надо закончить с этим и приступить к изучению папок, посмотреть, что за материалы там», – сказал про себя.

Вернулся домой рано. «Слава Богу, за три дня все успею», – подумал он. Дело в том, что по пятницам у него был неофициальный выходной, именуемый в своей среде «творческий», а день был четверг. Приняв душ и немного подкрепившись, сел за рабочий стол, достал папки Зордана и стал их читать, делая пометки как на полях записей, так и отдельно. Работал увлеченно, все внимательно читал, понимая, что ему нужно создавать такое произведение, чтобы отличалось от всего того, написанного им до сих пор. Это произведение будет, как считал, самым важным в его творческой жизни. Оно принесет ему славу, почет, известность и, самое главное, деньги. А то дают какие-то гроши, гонорары... Получать – так надо получать миллион и сразу.

Когда закрывал глаза, ему виделся королевский дворец и церемония вручения Нобелевской премии в области литературы. В таких случаях сам себе мечтательно улыбался. Сегодняшний день не был исключением. Время от времени делал небольшие перерывы и предавался мечтаниям, чувствовал себя покорителем литературных высот и представлял отчетливо, как коллеги с чувством нескрываемой зависти будут вынуждены его поздравлять, даже те, которые не особо благосклонны к нему. Они будут рады прикоснуться к его руке.

Глава шестнадцатая

ЗДРАВСТВУЙ, БАКУ! ТЫ НЕ ЖДАЛ МЕНЯ

Для всей азербайджанской молодежи шестидесятых и семидесятых годов, живущей в Армении, слово «Баку» имело волшебное значение. Поехать в Баку было заветной мечтой каждого юноши, а также девушки с самых детских лет, служившей главным мотивом хорошей учебы в школе. Реван не был исключением. Шел 1970 год, последняя четверть учебы в школе. К этому времени успел похоронить отца и дядю. Старший брат уже третий год как жил и учился в Баку, туда же были устремлены и его взоры. Как мечтал он, его ждал физико-математический факультет университета.

Успешно сдав все выпускные экзамены, Реван получил аттестат о среднем образовании и начал готовиться к вступительным экзаменам. Приехал брат, забрал его в Баку для поступления в университет. Сам он учился в политехническом. Утром шли они в университет, их путь проходил мимо политеха. Брат рассказывал о своем институте, Реван шел рядом и думал о своей любви – о Рудабе. «Где она, куда поступает? Вот бы найти ее и поступить вместе с ней». Куда бы она ни поступала, был готов последовать за ней, лишь бы иметь возможность видеть ее и помочь в сдаче вступительных экзаменов. В это время его окликнул знакомый голос. Обернулся и увидел ее братьев – Джавана и Рому. Радости всех

троих не было предела, поговорили немного о том о сем, и неожиданно, то ли шутя, то ли всерьез, Джаван предложил ему поступать вместе с ними в политех, чтобы тот помог им на вступительных экзаменах. Просьба друга и вероятного родственника (или предложение, в тот момент это не имело значения) не застала его врасплох, морально уже был готов к этому. Конечно, он мечтал найти Рудабу и помочь ей, но что поделаешь, видимо, братьям повезло больше. Потому не задумываясь согласился, чем ввел брата в недоумение, и на его вопрос о причинах такого неожиданного решения поступать не в университет, а в политех, спокойно ответил:

– Здание очень красивое, университет смотрится, как высокий ящик, а здесь сам знаешь какая архитектура. Если учиться, так учиться в красивом здании.

Его умение еще с детства серьезные вопросы «замотать» глупыми ответами сработало в полную силу, брат ничего не понял в происходящем. Подал документы в политех.

В скором времени начались вступительные экзамены, и наш герой со своими друзьями, успешно сдав экзамены, стал первокурсником. Справедливости ради, отметим, что один устный экзамен ребята сдали сами, а вот оставшиеся три письменных экзамена – только благодаря усилиям нашего героя.

Не обошлось без приключения. Последний экзамен, письменный, по азербайджанскому языку и литературе мог бы закончиться совсем не так благополучно. К этому времени они уже сдали три экзамена, и у нашего героя было двенадцать баллов (все экзамены были сданы на четыре).

Накануне прошел слух, что письменный по литературе будут принимать университетские преподаватели, среди которых есть даже известные писатели, на что наш юноша среагировал по-своему: «Что они к нам-то идут, к кирпичникам, занимались бы своими литераторами или журналистами!», чем вызвал смех у друзей.

Начался экзамен. Преподаватель представился, раздал контрольные листы, вскрыл конверт, объявил темы сочинений и написал их на доске. Как было договорено между друзьями, наш герой написал сочинение и отдал друзьям, сидящим позади, а затем приступил к своей работе. Даже не задумывался над тем, что для друзей сочинение написал на своем листке. Шел, наверно третий или даже четвертый час экзамена, и неожиданно преподаватель подошел к нему и спросил:

– Что вы так долго пишете и никак не можете дописать?

Почему-то спросил о черновике. Наш герой не сразу нашелся что ответить и сказал, что у него был только один лист, другого не было. Конечно же, преподаватель ему не поверил, забрал у него работу и заполненный титульный лист и сказал:

– Вы или сейчас должны представить второй листок, или же будете отстранены от экзамена.

Они смотрели друг на друга. О чем думал преподаватель в то мгновение – неизвестно, но наш герой думал о том, что, может, так будет лучше: уйти с почетом. Все равно не собираешься учиться, время-то зачем терять. В этот момент заметил, что преподаватель краем глаза читает титульный лист. От него не ускользнуло, что тот даже изменился в лице, по нему пробежала или легкая улыбка, или же ухмылка – было трудно определить.

«Вот это встреча! Ну что же, Орхан Вересли, решайся: перед тобой, возможно, потомок заклятого врага твоего любимого дяди. Можешь отомстить: он родственник тому, кто стрелял в твоего дядю, они там все родственники друг другу. Как все интересно, судьбы людей переплетены в одно целое. Это как маленькие отдельные ручейки: казалось бы, каждый течет сам по себе, а нет, все равно где-то сливаются в одну большую реку и находят сток в объятиях огромного океана. Применительно к людям – судьбы людей сливаются в одну общую историю, или, другими словами, общая история человечества – это

строчки жизни каждого человека, не всегда прочитанные и не всегда замеченные. Почему историки делают все новые и новые открытия, даже в тех направлениях, где, казалось бы, все изучено? Потому что появляется какой-нибудь до сего времени неизвестный человек, нет, не выдающаяся личность своего времени, а самый что ни на есть рядовой, и открывает новую главу в истории развития, возможно, даже всего человечества... Хватит бессмысленной философии, отстрани его от экзамена, и ты немного успокоишь боль дяди от раны, полученной от пули, выпущенной вероятным родственником юноши, стоящего перед тобой. Решайся немедленно, тем более все законно. Вот именно, что все законно, и в этом бессмысленность твоего действия, заслуги твоей в этом не будет. Какая же это месть?! Ты же видишь, где листок, вон у тех, сидящих позади него, все наверняка оттуда. Есть возможность прогнать всех, но признайся, никакой мести в этом не будет. Ладно, не опускайся, лучше помоги парню».

После этих мыслей сказал вслух:

– Не знаю, возможно, что я не дал второго листка, сейчас проверю; они даются под строгую отчетность, если так, то там должен быть лишний. Проверю, если вашего листка там не окажется, будете отстранены.

Пошел к своему столу и начал демонстративно считать, и после подсчета оказалось, что «не выдал» второго листка, и тут же исправил это недоразумение. Однако четыре человека, в том числе и сам преподаватель, точно знали, что все не так, и в тот момент мотивы его поступка никто из друзей не мог объяснить. Наверно, у именитого, к тому времени известного писателя Орхана Вересли были свои мотивы к такому поступку.

Не обошлось, конечно, без горечи. Нашему Меджунуну не удалось за время экзаменов встретить свою любовь – Рудабу. Как выяснилось позже, она не прошла по конкурсу и вернулась домой. Их встреча, первая после школы

и последняя на оставшуюся жизнь, произошла только через пять лет, но об этом позже, если будет нужно.

Начался учебный год, и наш герой еще сильнее ощутил себя не в своей тарелке и начал подумывать, как уйти из института и хорошо бы более-менее без позора. Протянув два года, мучая себя и преподавателей, по весне юноша решил окончательно для себя этот вопрос. Призвался на срочную службу и попал на флот.

Глава семнадцатая

РАЗ-ДВА, РАЗ-ДВА. ЛЕВОЙ, ЛЕВОЙ, ЛЕВОЙ. СТОЙ. РАЗ-ДВА

О службе воинской известно немало анекдотов, но суть всех их разновидностей выражена всего лишь в паре-тройке, остальные уже, как говорят, прилагаемые. Предлагаем вниманию самые основополагающие.

Вернулся матрос со службы. Его спрашивают, как прошла служба, чего было больше всего? Отвечает: «Много воды».

Возвращается моряк со службы, спрашивают: «Расскажи, что видел? Чем занимался?» Отвечает: «Видел грудь четвертого, занимался устранением недостатков».

Если отбросить шуточную составляющую этих анекдотов с бородой, то по сути они верные. Реван вынес для себя еще со службы и запомнил на всю жизнь фразу: «Раз-два, раз-два...» – и далее по тексту, как указано выше.

В начале мая команда, к которой он был приписан, прибыла в островной город Кронштадт, который находится в Финском заливе недалеко от Ленинграда (в настоящее время переименован в Санкт-Петербург). В учебном отряде предложили учебу в школе старшин-техников, на что согласился почти не колеблясь. Дело в том, что к тому времени единственное, что умел делать хорошо

и с удовольствием, так это учиться (еще было умение подражаться, но пока это не в счет). Единственной проблемой для него на то время стало знание языка межнационального общения не на должном уровне. Трудность была не столько, скажем, в словарном запасе или тонкостях грамматики великого и могучего русского языка, столько в том, как с ним обращались, скажем, Витя из Вологды или Коля из Пензы, не говоря о Толике из Львова. Когда сослуживцы разговаривали между собой, переводил их разговор точь в точь на свой язык, как говорят, в буквальном смысле, и при этом получалась полная ерунда. Ну скажите, милые люди, как понять нерусскому человеку такую фразу, как например: «Где находится какой-нибудь предмет, знает только конкретный мужской орган». Или например: «Все, что было, накрылось каким-то женским органом». Это еще не все. Сколько раз дело доходило до драки, когда указывали ему пойти куда-нибудь недалеко, или, не дай Бог, кто-то пошлет к матери в то время, когда она занята или только освободилась от занятия любовью, или если кто-то что-то плохое скажет о матери. Все эти недоразумения возникали сплошь и рядом, пока однажды Кузя не внес в это дело ясность.

Учился с ним в группе Кузьмин из Пскова, которого все называли Кузей. Парень был очень хороший, к тому же грамотный и вежливый. Однажды, когда он в очередной раз чуть было не пустил в ход кулаки, Кузя удержал его, отвел в сторону и провел с ним краткий курс русского языка на его вологодско-пензенско-костромском или псковском диалекте. Когда все поняли, в чем причина трудностей освоения им русского языка, смеялись долго. После этого старались говорить так, чтобы ему тоже было понятно, то есть меньше потребляли (конечно, по возможности) народный диалект. Он сам тоже старался, как говорят, шел навстречу, то есть по возможности осваивал глубинный русский язык в его величии и могуществе.

К началу учебного года, то есть к сентябрю, он уже практически не имел языковой проблемы как таковой.

Очень хорошо, без проблем говорил на учебном языке и мог сносно объясняться на народном языке и, самое главное, по мелким вопросам не лез драться на кулаках. Отметим, что учился очень хорошо, на что были объективные причины: почти все изучаемые предметы уже были пройдены еще в Бакинском институте. Было интересно ему другое: здесь особое внимание уделялось политической подготовке. Помимо предметов с политическим содержанием, проводились еще дополнительные политзанятия, и, кроме того, каждый учебный день перед первым уроком – десятиминутная политинформация, которую проводили сами курсанты. Такое усиленное внимание к политической подготовке заставило его задуматься еще сильнее о государственном строе в стране. Заметим, что на флот он попал более зрелым, чем сокурсники: ему уже шел двадцать первый год, а тем только стукнуло восемнадцать. Кроме того, в институте уже прошел полный курс истории КПСС и половину курса философии и политэкономии, так что задавать себе такого рода вопросы было вполне закономерным. В памяти оживали мысли Шамдан муаллима: «Не уверенные в себе и в своих деяниях всячески пытаются убедить всех в своей правоте». Конечно, это было бесспорно, но ведь учитель развивал свои мысли далее: «Если им не удастся навязать свое мнение другим, хуже того, встречая сопротивление, переходят на насилие». Еще в его записях была такая мысль: «В идеологизированной системе управления обществом возникает государственный террор против общества, который, как ни странно, находит себе опору и поддержку в этом же обществе». Он начал всерьез задумываться над этими мыслями Шамдан муаллима. Ладно, с первой частью понятно более или менее, но как быть со второй частью – насчет того, что «насилие одиночки» еще опаснее «государственного террора»? Он вовсе не хотел всего этого.

С этими неправильными мыслями в голове он ходил на все политические занятия, активно проводил политические

информации. Начал для себя постепенно осваивать такую никем официально не признанную, но широко применяемую в то время науку, как «чтение между строками». Это когда читаешь текст, мозгом воспринимаются недосказанные автором мысли, а словесная шелуха прикрытия остается только в механической памяти и в нужное время воспроизводится. Дело, конечно, сложное в моральном плане, но очень интересное. Вскоре моральная составляющая отходит на второй план, когда видишь абсолютную безнравственность правящего слоя. По мере проникновения в новое общество или, другими словами, общения с людьми другой национальности невольно сравнивал свой новый круг общения со старым, институтским.

Новый круг общения почти на девяносто девять процентов состоял из чисто русскоговорящих, нерусских практически не было, за исключением одного лезгина в его группе и двух казахов в параллельной. Постепенно начал замечать отличительные черты характера сокурсников нынешних и прошлых. Что ни говори, нынешние отличались раскованностью в своих суждениях, могли себе позволить даже обсуждение руководителей страны, их деятельность. Были даже смельчаки, которые говорили о ненужности не только ВЛКСМ, даже подумать страшно – КПСС.

В этих обсуждениях резко выделялся Витя Мельников из Ленинграда. Он до того договорился, что его вызвали к замполиту и даже был поставлен вопрос об его отчислении из школы. Это было более чем серьезно, и здесь дело не в том, что отчислять, это-то черт с ним, а вот запомнят на всю оставшуюся жизнь – вот что самое важное было. Вынесли вопрос на комсомольское собрание, где должна была решаться курсантская судьба Вити Мельникова. Улучив момент, наш герой отозвал в сторону Мельникова, и они поговорили по душам.

Реван в двух словах объяснил ему, что такой прямолинейностью ничего не добьется, а только навредит себе. Мельников ответил:

– Я ненавижу этот режим и буду делать все против него, чтобы как можно больше навредить ему. Ты не знаешь, сколько крови выпило это так называемое народное государство, сколько жизней они погубили!

Он внимательно выслушал его и сказал:

– Знаешь, Витя, так ты ничего не добьешься. Дело в том, что фундаментом этого режима служат человеческие кости, он стоит на костях и крови. Зря ты так говоришь, я тоже кое-что знаю. У нас один учитель отсидел больше тридцати лет, говорил, что в лагерях и тюрьмах загубили около двадцати миллионов человек. Вот так-то, друг мой, и что ты хочешь изменить, ругая комсомол или партию?! Я считаю, что эта шумиха абсолютно ни к чему, нужно как-то замять это дело, а потом как Бог положит, но отчисление с подобной формулировкой ни к чему хорошему в дальнейшем не приведет. Если ты согласен, я выступлю в твою защиту, и ты после добавишь от себя что-то и подтвердишь мои слова.

Мельников удивленными глазами посмотрел на него и спросил:

– Ты что? Про эти двадцать миллионов сам сочинил или действительно было то, что ты сказал?

– Было, к сожалению, даже больше. Был бы рад, если бы это было неправдой.

Сказав это, он повернулся, чтобы уйти, но Мельников остановил его:

– А что ты будешь говорить?

– Не знаю, посмотрим на месте. Как пойдет, так и будем ориентироваться.

– Как ты сам-то собираешься себя вести в дальнейшем с этим режимом?

– Тоже не знаю. Наверное, вступлю в партию. – Они оба от души посмеялись над этим. – Я не шучу, – заключил он, и на тот день они расстались.

Комсомольское собрание с повесткой «Разбор персонального дела и оценка поведения комсомольца

Мельникова Виктора» началось через пятнадцать минут после прибытия в расположение из учебного корпуса. Открыл собрание замполит роты, старший лейтенант Тараскин Анатолий. Процедуру начала и ведения собрания опускаем, потому как жившие в те годы знают эту унылость, а если кто не знает – и слава Богу. Говорил Тараскин много о разном, но потом начали выступать заблаговременно подготовленные бойцы идейного отделения, которые везли Виктора лицом по всем столам. Когда они закончили свое выступление, слово попросил Реван. Председательствующий посмотрел на замполита, как бы спрашивая, давать ему слово или нет, поскольку в списке выступающих не значился, и тот, в свою очередь, взглядом дал добро.

Он поднялся с места, огляделся по сторонам, вышел к трибуне и начал свое первое серьезное выступление в обществе.

– Товарищи, мы сегодня, разбирая поведение нашего товарища, себя ведем таким образом, будто хотим только одного – как можно строже наказать, хотя, уверен, что это вовсе не так, все как один хотят помочь Виктору разобраться в его ошибочных высказываниях, если таковые имеются. Может, стоит самим внимательно прислушаться к высказываниям Мельникова и понять суть сказанного им, и донести до товарищей точную картину, а не додумывать самим, и еще хуже – не договаривать его слова? Вокруг чего же все-таки сыр-бор? Я понимаю, в его недавнем высказывании о ненужности комсомола. Почему же не приводите его слова полностью? У нас в институте был свой студенческий профсоюз, и мы такие вопросы решали через него. Здесь нет профсоюза, и кто же должен заниматься подобными вопросами быта и отдыха наших курсантов? Конечно, комсомольская организация. Мельников говорил о наших бытовых недостатках. Так, например, в бытовой комнате всего один уют на всю роту, в спортивном уголке нет вообще никаких снарядов. Элементарно эспандера нет, о чем

мы говорим? В Ленинской комнате один комплект шахмат – и то из разных наборов, шашек или домино вообще нет и в помине. На спортгородке снаряды сломаны, беговые дорожки не размечены. Почему нас не учат плавать? Потому что в бассейне ремонт. Так вот, говоря эту фразу, он имел в виду, что наша комсомольская организация ничем не занимается. Нужна ли она вообще в таком виде? Мы же все тогда согласились с ним и сейчас согласны, более того, кто-то из ребят предложил поставить этот вопрос на повестку одного из ближайших собраний. Скажите, пожалуйста, что неправильно в его словах? Почему наша организация так болезненно реагирует на критику, тем самым нарушая устав ВЛКСМ?

Закончив свое выступление, посмотрел на замполита, и получилось так, что взгляды их пересеклись. Тараскин поднялся с места и тоже выступил, отметив правильность взглядов всех выступавших, говорил, что всех объединяет забота о высокой воинской дисциплине и укреплении боевой и политической подготовки. Далее понес в таком же духе какое-то словоблудие, но его уже практически никто не слушал. Повернул дело так, что даже не стали оформлять протокол собрания, потому как замполит сказал, что все собрались, чтобы поговорить об общих наболевших проблемах.

Таким исходом все были довольны, даже Тараскин, потому как мотивировка отчисления Мельникова из школы выглядела бы для него не очень-то приятно: могли и спросить, куда смотрел, и почему не заметил таких безыдейных.

Собрание объявили закрытым, все начали расходиться; Витя Мельников подошел к нему, пожал руку и поблагодарил, на что наш герой сказал:

– Ты не благодари, лучше поздравь со сдачей первого экзамена на двуличие, – и они оба от души посмеялись.

Потом шел и думал: «Ведь и вправду я поступил двулично: говорил одно, а думал совершенно другое, и, видимо, когда-то придется делать третье. Сумеешь ли ты сохранить

себя, Реван? Не сломает ли тебя объективная реальность твоего времени? Ведь тебя учили говорить только правду и твердили, что в ней сила. А ты как повел себя? Врал как по маслу, зачем? – Потом сам же ответил себе: – Я врал, чтобы спасти Мельникова, потому что разделяю его взгляды во многом. И в партию вступлю, чтобы в таких случаях выглядеть убедительным во лжи». Последнее словосочетание «убедительный во лжи» ему очень понравилось, эту фразу для себя придумал в сию минуту и не предполагал, что попал в точку, потому как это словосочетание было формулой формирования личности в современном обществе, в котором ему предстояло жить и развиваться.

К слову отметим, что его выступление не осталось незамеченным. Буквально с того месяца старшина роты начал удерживать ежемесячно по одному рублю с жалования всех курсантов на бытовые нужды, другими словами – на покупку утюгов, марли и предметов культурного досуга для красного уголка, а также различных спортивных снарядов. Правда, никто не знал и не спрашивал, на что и сколько уходило денег.

Формированию его взгляда на мир способствовало, конечно же, и окружение. Через своих сокурсников познакомился с жизнью других народов. Он услышал от своих сослуживцев то, о чем нигде не писали и тем более не говорили вслух.

Еще летом, сразу же после присяги, то есть до начала учебного года, вместе с пятью курсантами по рабочей разрядке попал на неделю в наряд на подсобное хозяйство гарнизона. Каждое утро приезжала машина и забирала их на работу, притом работали везде, начиная от свинофермы и кончая картофельным полем. Были ребята из разных областей, из Белоруссии, и один – Толя Рещенко – из Львовской области, Украина. В один из этих дней доблестного созидательного труда Толя назвал его «абреком», на что он, нисколько не обижаясь, шутливо ответил фразой героя из известного фильма:

– Товарищ бандеровец, прошу в моем колхозе не выржаться, – чем вызвал смех у всех ребят и далее уже с серьезным лицом продолжил: – У нас не абреки были, а гачаги, но они, между прочим, в отличие от ваших и власовцев, на стороне немцев не воевали. Мои земляки, даже попадая в плен, бежали и примыкали к различным партизанским отрядам в разных странах. Ни один народ Советского Союза не может похвастаться таким количеством своих представителей, являющихся национальными героями разных стран Европы. Мои земляки, даже попадая в штрафбат, становились героями Советского Союза, а потом еще и академиками. Вот так вот.

Его пламенную патриотическую речь прервал Решенко:

– Между прочим, бандеровцы на стороне немцев не воевали, они были против тех и других, просто хотели независимости Украины, и кроме того, все эти карательные операции якобы против мирных граждан – вранье. Проводили эти операции переодетые агенты НКВД.

Здесь его поддержал Василий Короб из Белоруссии:

– Между прочим я тоже слышал об этом. У нас говорили, что Хатынские события – тоже дело рук НКВД. Ты слышал про Хатынь?

– Слышал, но не верю. Чего не знаю, того не знаю. Сомнительно все, – коротко ответил, однако вспомнил, как сельские старики рассказывали о том, как милиция сама в те годы прятала в огородах людей оружие, сама же его находила во время обыска и за это сажала на долгие годы. Хотя и вспомнил об этом, но не стал делиться своими мыслями.

Такими общениями он получал уроки жизни: уроки взаимоотношений между людьми, понимания, терпимости к другому мнению, уважения к чужой истории и понимания чужой беды.

В эти дни трудовых подвигов не обошлось и без инцидента, в котором наш герой тоже оказался задействованным.

В последний день трудовой недели привезли их на свиноферму. Предстоял забой свиней. Зашли внутрь фермы. Командовал ими какой-то дяденька лет, наверно, сорока, достаточно крепкого телосложения. Был ли он военный или нет, трудно было сказать, потому что ходил в матросской тельняшке. Кроме этого бравого дяденьки был там еще один матрос, как выяснилось позже – свинарь. Дяденька подвел курсантов к отдельному загону, где хрюкали и спорили о чем-то около десяти свиней. Показав на них, бравый дяденька сказал:

– Нам предстоит их забивать. Забьем – уедете в часть, то есть свободны.

Откровенно говоря, курсанты особо и не рвались в часть, не все ли равно, где убивать время, находясь на службе? Тут даже веселее. Курсанты и местный матрос встали возле загона и начали разглядывать свиней. Мужик в тельняшке отлучился и вскоре вернулся с морским кортиком в руке. Вручил его нашему герою и добавил:

– Держи, джигит, кинжал, будешь резать.

Слово «резать» он произнес по-особенному, с нотой насмешки, наверно. По крайней мере, так показалось нашему герою. Хотел ещё что-то объяснить, что к чему, но было поздно: наш герой сиганул через ограду в загон и воткнул кортик в область шеи первому попавшемуся хряку. Подняв дикий визг, хряк понесся по загону. Наш герой, увидев шаткость своего положения, перепрыгнул обратно из загона. Там был такой переполох, что словами не описать. Он умудрился всадить кортик кабану в шею, только не прямо, а вскользь, то есть кортик прошел под кожей на прошивку. На шум и крик откуда ни возьмись появился офицер, капитан интендантской службы, с красным лицом, синеватым носом и красной повязкой на левой руке с надписью «Дежурный». В своей красноте лицо его выглядело ярче повязки.

Оценив ситуацию, офицер достал пистолет, всем приказал отойти и начал прицеливаться. Судя по тому,

как долго прицеливался и как трясся пистолет в руке, было ясно, что ночь дежурства была напряженной. Решенко дернул друга за рукав и сказал:

– Давай отойдем. Не видишь, какой он? Ему в слона не попасть, не то что в кабана.

На это наш герой ответил:

– погоди, если ему в слона не попасть, то в нас тоже не попадет. Сейчас должно произойти что-то интересное.

И действительно, произошло чудо. Хряк своим звонким чутьем (словосочетание не наше, заимствовано, только там говорилось применительно к человеку, мы же используем по назначению, то есть применимо к зверю) ситуацию оценил быстро и точно и недолго думая нанес удар корпусом по калитке, тут же оказался на свободе, выронив при этом кортик, который наш герой успел выхватить. Кабан сшиб бедного дежурного. Капитан упал на спину, и пистолет выпал из руки. Кабан перепрыгнул через капитана и, надо же такому случиться, наступил прямо на спусковой курок пистолета. Прозвучал выстрел, и раздался дикий рев, оглушительный визг хорьков. Тут же, с еще большим визгом, чем кабан, рухнул местный матрос-свинарь. Слава Всевышнему, пуля слегка задела ему ногу. Все переполошились, матросу сделали обезболивающий укол и перевязали ногу, мужик в тельняшке бежал из стороны в сторону и бормотал что-то непонятное. Хотел было что-то сказать в адрес нашего героя, однако передумал, видимо, «постеснялся» кортика в его руке.

Описывать подробно, что было дальше, нет надобности. Отметим только, что бедный капитан был разжалован то ли до лейтенанта, то ли даже до младшего лейтенанта, говорили разное. Почему мы так подробно рассказываем эту историю? Дело в том, что, когда все шли на ферму, мужик в тельняшке подробно спрашивал всех обо всем и успел выяснить о нашем герое все. Прекрасно знал, что тот вырос в мусульманской семье и у него к свинье совсем другое отношение. Тем не менее, он дал ему нож

и хотел заставить выполнять не свойственную ему работу. Таким образом ломают характер людей. Кто-то называет это воспитанием силы воли, но черта с два! Путем унижения из человека делают послушное существо.

После окончания первого года обучения их курс направили на стажировку по разным флотам. Ему с другом повезло: попали в город Севастополь. Это было очень интересно, потому как происходило первое соприкосновение с реальной воинской службой. У него появилась возможность сравнения межчеловеческих отношений в различных условиях. Говоря «межчеловеческие отношения», мы имеем в виду отношения между представителями различных национальностей. То, чему учили его в школе (конечно, записи старого учителя не в счет) и потом в институте, здесь проходило настоящую проверку. Известно, что везде и всюду декларировались равноправие народов и равенство всех индивидуумов. Постепенно начал понимать, что между декларацией и реальностью расстояние огромное и оно создано политикой партии, является главным стержнем государственной межнациональной политики.

Об этом думал еще в школе старшин, потому как при перечислении дружной семьи народов, отстаивавших свободу родины в борьбе против фашизма, список возглавлял русский народ, а затем шли армяне. По такому раскладу его народ оказывался где-то шестым по списку, и от этого становилось обидно. Дело не в том, что кого-то называли первыми, а кого-то последними. По его пониманию, нужно было делать это по алфавиту, и не было бы никакой досады. Самое главное было в другом: насколько успел понять, выходцы из его родины служили в основном в стройбате, в то время как армяне – во всех серьезных родах войск.

Почему так происходит? Вспоминал прочитанное из записок Шамдан муаллима, конечно, не точно и не слово в слово, но по смыслу помнил все, что было

написано. Тот писал, что все империи по отношению к покоренным народам ведут грабительскую политику, при том присваивают не только материальные богатства, но и духовные ценности, и Российская империя не является исключением, даже, может быть, она есть самая жестокая и изощренная в своей политике. Империя ограбила Кавказ, Поволжье, Среднюю Азию, Алтай, Дальний Восток. Везде памятники старины уничтожались, книги или вывозились в метрополию, или же сжигались. Известно, что 1836 году указом царя Александра была ликвидирована Албанская апостольская церковь, тем самым была уничтожена сама Кавказская Албания. Имущество Албанской апостольской церкви было поделено между армянской церковью и русской православной (что же, все по-честному, по-братски почти), а это было по сути мародерство в государственном масштабе.

Понятие «мародерство» – это общенациональная армянская черта характера. На мародерство по отношению к азербайджанскому (тюркскому) населению они получили карт-бланш от империи с момента их переселения на Кавказ.

Образованием армянской области в начале девятнадцатого века на исторических азербайджанских землях, уничтожением Албанской церкви и передачей ее имущества Армянской церкви Россия дала армянам право и возможность создавать подобие государственности и истолковать всю кавказскую историю по своему усмотрению. Будет ли знать будущее поколение азербайджанцев, что Ереван (а по-настоящему – Ирэван) – это крепость, построенная в начале шестнадцатого века по приказу Шах Исмаила на реке Занги, и так он назван по имени основателя города – Ревангулу-хана?

Разве только делением земли и уничтожением культуры ограничивалась империя? Нет, конечно. Лучшие сыны азербайджанского народа на протяжении последних двухсот лет верой и правдой служили империи, и,

несмотря на это, все переданы забвению и запрету. Самый яркий пример – сразу же после смерти (?) предали забвению одного из создателей этого государства – доктора Нариманова. Ведь был первым председателем ЦИК, на этом посту и умер (?). Запрещают даже его литературное наследие. Его, до мозга костей интернационалиста, обвиняют в национализме. Почему-то империя не помнит о злодеяниях дашнакских банд Андроника, Дро, Нжде под общим руководством Шаумяна на территории нынешней Армении и Азербайджана. Конечно, легче управлять народом, которого лишили прошлого. Умышленно проводится политика создания истории Армении на обломках истории Азербайджанской (Кавказской) Албании. Помнит ли кто династию генералов Нахчыванских? А знает ли кто о том, что генералов Мехмандарова и Шыхлинского в Первую мировую войну называли богами артиллерии? Они же защищали Порт-Артур в Русско-японскую войну и провели два года в японском плену вместе со своими солдатами. Японцы тогда предложили офицерскому составу выбор: или в плен вместе с солдатами, или же выезд из Порт-Артура. Многие тогда выбрали выезд. Только после выступления Мехмандарова и его резкого замечания в адрес одного из офицеров («Такие, как вы, позорите нашу среду, капитан»), некоторые тоже выбрали разделение участи солдат. Почему метод расчета траектории снаряда, известный ныне под названием «артиллерийский треугольник», введенный Шыхлинским, умалчивается? Ведь поначалу он назывался «треугольник Шыхлинского». Никогда, ни один военный историк не напишет, что организатором и первым начальником Академии артиллерии был именно Шыхлинский. Таких примеров множество. Если выпадет счастье, я напишу книгу под названием «Забывшие сыны Родины».

«Нет, Шамдан, ты не напишешь эту книгу, не дадут тебе делать это. Вскоре тебя арестуют, и проведешь ты почти все оставшиеся годы жизни в тюрьмах и лагерях», – подумал наш герой, вспоминая это.

Народы, нынче подавленные империей, когда-то в недалеком будущем все равно вернуться к своим истокам и предъявят ей счет, и тогда нынче приласканные – в частности, армяне – предадут ее. Ведь предали же они Византию, и в Первую мировую войну – Османскую империю, чем же отличается Советская империя? Предадут так же и ее, как в свое время армянский князь Мушег открыл фронт за гарантию сохранения своей религии перед арабами, и они вошли в Иран и Кавказскую Албанию.

Глава воссминадцатая

НОВАЯ СТРАНИЦА. ВЛАДИВОСТОК

Два с половиной года учебы в школе старшин пролетели в одно мгновение, и Реван, получив диплом техника, в звании мичмана был направлен для дальнейшего прохождения службы во Владивосток. Прибыл на новое место с глубокими знаниями военной науки, которые выразались фразой: «Раз-два, раз-два». Поверьте, на первое время этих знаний, подкрепленных командными словами «мирно», «налево» (или «направо»), «кругом» и «шагом марш», вполне достаточно, чтобы командовать даже батальоном, не то что руководить небольшой ремонтной мастерской и личным составом из шести человек. Дали комнату в офицерском общежитии, которое находилось недалеко от расположения части, в семи-десяти минутах ходьбы.

Наш герой однажды, когда учился в Баку, был цирке. Ему очень понравилось, и с тех пор всегда при первой возможности обязательно посещал его. Возобновил это дело во Владивостоке, но, прослужив примерно полгода, перестал ходить: отпала необходимость, понял, что если служишь на флоте, то цирк всегда рядом. Командиром части, где он служил, был капитан третьего ранга (вскоре уже второго) Левшиц Вадим Георгиевич. Командир был человек по сути добрый, но старался казаться строгим.

В начале службы в части у нашего героя и командира отношения не сложились. Через три месяца службы уже успел накопить капитал в виде пятнадцати суток

ареста с содержанием в гауптвахте, но отметим, что отсидел не все дни из этого набора, потому что, как уже было отмечено, Вадим Георгиевич был человек добрый. Причиной конфликта послужило его желание поступить в институт: то образование, которое получил в среднем военном учебном заведении, ему показалось не то что малым, даже оскорбительным. Об этом заявил всей прямоотой своего характера командиру и, можно сказать, поставил ультиматум: или досрочное увольнение, или разрешение на учебу в институте. Естественно, невозможно было выполнение ни первого, ни второго условия, и он начал добиваться увольнения, как учил «великий вождь», другим путем – начал куролесить как мог. То опоздает на утреннее построение, или еще лучше – не выйдет на службу вообще. Но самым коронным номером была явка на службу в нетрезвом виде, против которой командование боролось всеми силами, руководствуясь линией партии. Дело в том, что наш герой не так и сильно увлекался потреблением «всенародного напитка», или, по выражению рулевого, то есть партии, «зеленого змея»; соблюдал принцип: «Где, когда и с кем», потому нашел свой вариант. Выпьет перед выходом на построение пятьдесят-сто граммов коньяку и гонит дури, как говорили, на все пол-литра. Скажем откровенно, ему этот трюк удавался неплохо, многие сослуживцы пытались его выгораживать, прикрывать, чтобы не видел Вольдемар, то есть командир. Единственный, кто относился ко всему этому цирку местного значения без внимания, так это Вадим Георгиевич. Невозмутимо объявлял ему выговоры разных степеней, аресты по три дня и не более того. Они друг друга понимали без слов: один говорил: «Все равно уволюсь», а другой отвечал: «Нет, будешь служить как миленький».

Конечно, можно упрекнуть нашего героя в недобросовестном отношении к службе или даже самое страшное – в нарушении присяги, но справедливости ради приведем

один эпизод из жизни нашего героя в начале службы, как только определился в этой части. Наверное, было это где-то в середине октября. Вольдемар произвел послеобеденное построение и дал команду старшине выделить в распоряжение Реванова шесть человек, которых последний поведет на работу. То, что последний даже духом не знал, что за работа и где она будет производиться, никого не интересовало. Потом ему объяснили, что предстоит копать траншею под кабель в районе городского отделения связи. Прибыли к месту, нашли ответственного, получили инструменты и приступили к работе. Наш герой не знал куда себя деть, ходил, разговаривал с матросами (а то в части же некогда), глазел на красивых девушек и молодых женщин. Матросы делали то же самое, кроме хождения, но еще копали траншею в перерывах между перекурами. В один момент заметил, что какой-то мужчина очень внимательно разглядывает не только их, но и объект приложения их выдающихся способностей. Опасаясь за сохранность военной и государственной тайны, решил подойти к мужику и выяснить его личность и причину пристального внимания к ним, к их работе и в случае необходимости задержать его и вызвать военную комендатуру.

Шел и в душе потирал руки от радости за выпавшую удачу: представь себе, только человек приступил к службе, и вот тебе на... задержать шпиона. Присматривался к тужурке и мысленно определял место для закрепления ордена.

Между прочим, эти мысли посещали его небезосновательно. Все эти два с лишним года времени им вбивали в головы сказки о шпионах и лазутчиках, засланных врагами славной страны Советов, которые ни о чем не помышляли, только завидовали и думали о том, как навредить первой в мире стране победившего социализма.

Однако все эти радужные мечты рухнули, как только он приблизился к мужику и не успел даже опомниться, как тот его спросил:

– Что тут, траншеею под кабель копаете? Я делал то же самое двадцать восемь лет назад, когда служил. Все еще копают и никак не могут докопать?

Медаль (или орден, теперь не так важно) со звоном упала на землю и куда-то покатила в неизвестном направлении. С грустью в голосе сказал:

– Да, под кабель траншеею, наверное, еще не одно поколение будет копать.

Они стояли и долго разговаривали. Незнакомый мужик рассказывал ему о бестолковости существующего экономического порядка. Он внимательно слушал и поддакивал ему, таким образом поддерживая беседу и сокращая срок службы.

Подобных эпизодов, то есть когда занимаешься не тем, чем надо, за годы службы у нашего героя было множество. Обо всем рассказывать нет смысла, но один характерный момент следует отметить.

В каждом небольшом воинском коллективе, как говорили на службе, есть свои значные места, притом отдельные для рядового и начальствующего состава, но по сути они не отличались друг от друга, там и тут главное занятие – это выпивка. В местном жаргоне эти места называли «достопримечательностью».

Одной из таких «достопримечательностей» на новом месте службы был продовольственный склад, и понял это вскоре по прибытии в часть. В первую неделю ходил и присматривался к новым сослуживцам, изучал обстановку, присматривались также к нему, но только, как говорят, в рамках устава; уже знал всех поименно и по должности.

Особым авторитетом пользовался начальник продовольственного склада – Верховий Николай Антонович. Однажды, когда закончилось утреннее построение и все разошлись по своим местам, Николай Антонович остановил его и сказал:

– Что, молодой, ты долго еще будешь нас стороной обходить? Уже вторая неделя пошла, как ты в коллективе и без прописки. Это безобразие, служба не пойдет.

Реван посмотрел на Николая Антоновича и спросил:

– А что надо делать?

– Зайди сейчас к нам на склад, тебе объяснят.

Он очень обрадовался тому, что его пригласили в святых, как говорят, в «Мекку» этой части.

Продовольственный склад действительно был «Меккой»: все вопросы предварительно решались там, только потом в кабинете командира, и то всегда после совещания у командира собирались снова на складе и в спокойной, располагающей обстановке обсуждали все вопросы.

Склад представлял собой помещение площадью примерно пять на семь метров (здесь показывается только одно помещение, входящее в комплекс продовольственного склада), где стояли аккуратные стеллажи, обставленные коробками с тушенкой, сгущенкой и различными консервами. Один стеллаж был выделен под хлебные лотки. Каждый день с городского хлебозавода привозили свежий хлеб. За стеллажом с хлебными лотками на подоконнике всегда стояла початая бутылка водки, открытая банка деликатесного консервного продукта, порезанная буханка хлеба и не меньше трех граненых стаканов, которые при случае любой мичман или офицер обязан был «стырить» из городских автоматов газированной воды и принести в «Мекку». При входе в помещение, по левую руку стоял огромный письменный стол, за которым по периметру были расставлены четыре стула. За этим столом шли баталии в домино. В этой игре все были мастера высочайшего класса, однако никто из них не мог сравниться с Николаем Антоновичем: с кем бы в паре тот не играл, всегда выходил победителем. Прежде чем сесть за партию, игроки заходили за стеллаж, выпивали уже налитую водку, закусывали, наливали для другой пары и садились за стол. Каждый говорил, сколько ему наливать. Однажды (расскажем, забегаая вперед) наш герой, находясь в качестве болельщика на складе, стал свидетелем такого диалога.

– Коля, – спросили, обращаясь к Николаю Антоновичу, – сколько тебе налить?

Ответ был убийственный:

– Много не наливай, до нижнего края ободка хватит.

Он имел в виду ободок граненого стакана. Такие вот были мастера – не только интеллектуальной игры домино, но и питья водки. К этой игре они действительно относились очень серьезно. Попозже, когда все в части уже знали, что наш герой увлекается шахматами и играет достаточно сильно, произошел такой случай. Как-то он забрел в «Мекку», где по чистой случайности не хватало четвертого игрока. Предложили ему сесть за четвертого, сел на пару с Николаем Антоновичем и, благодаря его абсолютно бездарной игре, они проиграли. К этому времени подошли другие игроки, и каково было их удивление, когда они увидели проигравшего Николая Антоновича. Никто ни о чем не спрашивал, только смотрели на него. Показывая на своего горе-напарника, мастер (то есть Н. А.) с горечью заметил: «Как с ним играть? Не понимает, что здесь не как в шахматах просто фигурки двигать, а думать надо».

На эти слова Реван несколько не обиделся, и не оттого, что был согласен с ним, а потому, что не только Николай Антонович, но и все, которые там находились, искренно считали именно так. После этого случая наш герой ни разу в жизни не садился за домино.

Ноябрь был почти на исходе. В части шли оживленные работы по подготовке к новому, как говорят на флоте, учебному году, который начинается с первого декабря, и, естественно, также к проверкам вышестоящими органами – как по штабной, так и по политической линии. Все везде обновляется. Ближе к этому времени его позвал к себе секретарь парткома и дал, как принято было, партийное поручение, заключающееся в подготовке красного уголка, то есть так называемой «Ленинской комнаты». В число этих работ входило также обновление

стенда с членами политбюро ЦК КПСС. С работой справились к сроку, в последнюю очередь матросы сняли старые портреты членов высшего руководства партии со стенда и прикрепили новые. Отойдя на несколько метров от стенда, посмотрел на «новых» старых членов политбюро. «С каждым годом наши рулевые все молодеют», – подумал про себя и усмехнулся. Не давая себе отчета, зачем-то прихватил с собой несколько портретов, наверное, пять или семь штук, принес их в общежитие и бросил в шкаф с одеждой; при этом, как бы обращаясь к ним в реальности, сказал: «Побудьте тоже немного в шкуре советского мичмана, чтобы жизнь медом не казалась» – и, можно сказать, забыл о них.

Глава девятнадцатая

О ЧЕМ ПИШУТ ДРУЗЬЯ

Первым делом Орхан Вересли решил закончить с новым романом Зордана, то есть прочитать его и написать предисловие. Рукопись была объемиста, и во что бы то ни стало к понедельнику следовало все закончить, а он успел ознакомиться только с первой главой.

Роман назывался «Тропы к хачкарам». По мере ознакомления с романом все сильнее задумывался над тем, как будет реагировать интеллигентское сообщество Азербайджана на его предисловие. Если напишешь положительное, тебя не поймут, если же отрицательное, то не поймет друг. Нет, Зордан – нужный человек, с ним нельзя портить отношения, еще пригодится, вызвал же как-то интерес к нему московских изданий. Тут надо подумать, как быть. Сколько отдыхал, а сколько времени потратил на чтение, уже не мог определить, да и неинтересно было все это, главное, прочитал весь роман.

Отодвинул рукопись, откинулся на спинку кресла, вытянул ноги вперед. Скрестив пальцы рук, напряженно совершил руками полукруг над головой, таким образом вышел из состояния творческой усталости. «Вот это да, волосы дыбом встают от этого вранья друга. Что теперь делать-то? Потом ведь будешь ходить оплеванным. Конечно, понятно: произведение художественное, не претендует на историческую документальность, но это

не освобождает от ответственности за ложь. Как можно большую часть территории называть армянскими землями, претендовать на всю Карабахскую зону и при этом назвать коренных жителей пришлыми? Нет, я не смогу сделать это. Что скажут коллеги-писатели? Энвер первым убьет меня, кивая кучерявой головой, будет спрашивать, слегка заикаясь на отдельных словах, повторяя их по несколько раз. Если я признаю Албанские церкви армянскими, то историк, герой из штрафбата разорвет меня: почти всю жизнь занимается этим. Представь себе на секунду его реакцию, с учетом прямолинейного характера. Не нужно ничего представлять, просто помни: он получил звание героя в штрафбате, есть ли еще такие – не знаю. Нет, не буду я этого делать, к черту переводы и печатания в Москве, не буду и все!»

Почему-то подумал о том, что не хочет писать предисловие не оттого, что там все ложь, а из-за элементарной трусости. «Так-так, ты просто боишься, и это тебе мешает делать то, чего ты очень хочешь. Если человека удерживает от совершения конкретного деяния только трусость, у него два пути: первый – преодолеть собственную трусость, и второй – пойти на хитрость, то есть найти обходной вариант, – вспомнил вычитанную откуда-то фразу. – Хорошая мысль, – подумал, – будем искать вариант».

С этими мыслями вышел из дома, сам не понимая зачем, прихватив с собой папку с рукописью Зордана, и по давно проложенному маршруту последовал на работу. Выйдя из троллейбуса, зашел в магазин, купил коробку шоколадных конфет «Чинар» и направился в университет. Вручил коробку Гюльшен и зашел в преподавательскую. Там, как всегда, шло бурное обсуждение чего-то; все, перебивая друг друга, говорили очень громко, но грубости никто не проявлял. Быстро вник в суть обсуждения.

Говорили о развернувшийся в Армении кампании – о проведении в 1965 году мероприятий по пятидесятилетию

геноцида армян в Османской Турции и установлении памятника в Ереване. Говорил в основном Юсиф Сардароглу, отмечая, что все эти мероприятия не стоят выеденного яйца. Откуда взялось число погибших – более шестисот тысяч человек? Ведь все можно проверить. В то время в Турции проживало немногим больше миллиона армян, и как же так получилось, что сейчас из тех осталось в Турции более шестисот тысяч, и, по некоторым сведениям, их выехало из Турции в то время примерно пятьсот тысяч. Так откуда же взялось шестьсот тысяч погибших? «Даже почти миллион», – уточнил кто-то. Он не стал вмешиваться в спор и, слушая эти разговоры, вспоминал поездку к дяде Мелкону и беседу его с Зорданом. «Браво, друг, число довел аж до миллиона, а тогда говорил о шестистах тысячах», – подумал про себя и, чтобы не быть равнодушным в разговоре и обратить на себя внимание, сказал:

– Нет, я думаю, академическая наука Советского Союза и западная историография не признает это, и мероприятие заглохнет.

– Какая академическая наука Советского Союза, о чем ты говоришь? Не предки ли нынешних правителей и академиков их переселили сюда? Что касается западных историков, так эту кость им как раз те и бросили. Турция готовится к празднованию победы под Чанаккалой, чтобы отвлечь от этого внимание мирового сообщества, затеяли эту авантюру. Ведь тогда Турция одна выступала против Антанты. Выбрасывая эту фальшивку, хотят прикрыть свой позор и очернить Турцию, это нужно в первую очередь им, – выпалил на одном дыхании поэт Шекинский.

Его настоящая фамилия была Вахабов, а псевдоним Шекинский взял в знак протеста, когда Шеки не единожды переименовывали в Нуху и обратно. Вообще, был человек крутого нрава, и мало кто с ним вступал в спор. Написал поэму «Туркменчай», где за каждую строку можно было по десятке получить. Номер газеты арестовали,

тогда ему просто повезло: в Москве начались передряги со сменой власти и его как-то не зацепили. Поддержал его молодой писатель Энвер. Впрочем, равнодушных не было, говорили много, и все сходились на одном: нужно пойти «на поклон» к историкам, пусть напишут достойный ответ, подтвержденный конкретными фактами, цифрами, а то на эмоциях можно наломать дров. Конечно, идти с поклоном к историкам было бы большим праздником для последних. Дело в том, что те не очень одобряли, когда писатели или поэты брались за историю. В их среде даже ходило выражение: «Чего лезут-то они в историю, написали бы о своих поющих птичках, журчащих родниках и красотках в келагаях». (Келагай – головной убор у азербайджанских женщин, другими словами – платок из особого вида шелка. Имеет давние традиции ношения. Каждый цвет келагая имеет свой смысл: белый носят юные леди; красный – девушки на выданье; черный цвет носят вдовы и женщины, находящиеся в трауре; желтый носит вдова, желающая найти счастье во второй раз. Отсюда и берет свой традиционный исток известная азербайджанская народная песня «Сары гелин», то есть «Желтая невеста»; не секрет, что народ свой характер, традиции, уклад и быт проявляет в песнях, сказках и прочих видах творчества).

– Не надо никуда ходить, а то носы задерут, – уже с улыбкой заметил Шекинский. – Вчера разговаривал со Штрафбатом – он, оказывается, давно в курсе и уже почти закончил работу на эту тему. У него хороший материал, подождем.

«Штрафбатом» студенты прозвали своего преподавателя, профессора, доктора исторических наук, героя Советского Союза, в годы войны командовавшего штрафной ротой, Буняда Мусаева, и это прозвище закрепилось за ним навсегда. Говорить, что в республике его любили, значило бы ничего не говорить: его обожала вся республика, везде был желанным гостем.

«Опять этот из штрафбата, везде и всегда успевает. Даже в Берлин вошел одним из первых, успел и комендантом побыть там в одном из районов», – подумал он и, сам не понимая, как получилось, неожиданно выпалил:

– Вы еще не знаете, что мне предложил один господин оттуда. Наверняка знаете его. Просит написать предисловие к его роману, где все от начала до конца ложь и выдумка. Возьмите, почитайте и полюбуйтесь, кому интересно, – с этими словами небрежно бросил папку на стол.

Возникла тишина, все недоуменно посмотрели на него и на папку, и наконец тишину нарушил Энвер:

– Кто это и почему именно тебя просят написать предисловие?

– Зордан Лалаян. Вы его знаете, приезжал ко мне сюда, мы с ним и со многими другими познакомились на конференции в Ереване и не более того. Понятия не имею, почему ко мне обратился.

Конечно же, все вспомнили Зордана, вмиг разобрали листы из папки. Кто-то предложил:

– Давайте поступим так: каждый напишет о прочитанном разделе, и все свои записи отдаем Орхану, он выступит как единый автор.

Всем предложение понравилось, кроме Шекинского, который сказал:

– Не знаю даже как быть. Если долго будешь спорить с ложью, то через определенное время некоторые начнут верить в нее. Надо бы хорошенько подумать.

Сам не ожидал подобной благополучной развязки, лучше и не придумаешь. Теперь, как говорится, его совесть чиста, только позвонил бы Зордан спросить, как там дядя. Однако в глубине сознания понимал, что звонка от Зордана ждет в первую очередь вовсе не из-за дяди, а спешит поделиться удачей написания предисловия, потому как не будет один, подпишет под это всех. Пусть распинаются, доказывают. «Долго находясь рядом с правдой, и ложь покрывается пылью ее», – подумал про себя,

немного переиначив только что сказанные Шекинским слова, и качнул головой, как бы подтверждая свои мысли.

По прибытию домой заказал по межгороду Ереван и принялся просматривать бумаги из других папок, изучив содержание которых, он должен был написать нечто свое. После беглого просмотра некоторых бумаг понял, что записи не имеют ничего общего между собой. «Это и хорошо. Конечно, легче пишется, когда сюжет продуман самим, а не кем-то подброшен. Ну что же, товарищ Вересли, продумай сюжет, разрабатывай его и в качестве украшения используй эти обрывки мыслей, дополняя их своими. Конечно, ко дню памятной даты не успею написать роман, но нужно будет охватывать эти события тоже. Пожалуй, напишу о своем селе, потому как каким-то образом можно будет написать о маме и не только о ней».

Так сильно увлекся чтением и размышлениями, что не заметил, как стемнело. Зазвенел телефон, и девушка с приятным голосом предупредила о соединении с Ереваном, чему очень обрадовался. Телефонные провода доносили до него голос близкого друга. После стандартных приветственных фраз и радостных возгласов перешли к деловой части разговора. Рассказал Зордану все, что произошло на кафедре днем. Зордан послушал его внимательно и сказал простую фразу:

– Алик, ты просто гений. Я сначала толком не осознал, что ты сотворил, но теперь не побоюсь повторить, ты действительно гений. Этот роман привлечет столько внимания к себе, после того как они начнут доказывать мою неправоту! Знаешь, наша задача проста: говорить о том, что это исторические армянские земли, нам нужно привлечь на свою сторону как можно больше простых людей за пределами республики. Кому нужно лезть в дебри истории? Никому это не нужно, и никто не будет этого делать.

Говорили долго, и в конце разговора Зордан сказал:

– Жду тебя в Ереване на мероприятиях по проведению юбилея геноцида нашего народа.

– Не знаю, не буду обещать, не хочу кривотолков. Если, конечно, делегация какая поедет, то непременно буду в ее составе, можешь не сомневаться, а так нет, наверно. Вот подумаешь и тоже согласишься со мной.

Положив трубку на аппарат, с усмешкой выразил свою мысль вслух: «Воистину говорят правду: если хочешь, чтобы поверили в твою ложь, в нее должен в первую очередь верить ты сам. Зорик в этом преуспевает, браво».

Сел за рабочий стол, удобнее для себя расположил пишущую машинку и начал отстукивать эпиграф к своему новому роману. В качестве эпиграфа решил взять предложение, вычитанное из записок друзей, переданных ему Зорданом. Кому оно принадлежало, для него не имело значения, важно было то, что он разделял эту мысль, не вникая в суть. Главное, звучало пафосно, соответствовало требованиям риторики.

«Если зажечь свечу по каждому невинно убиенному армянину, то их свет затмил бы луну».

Отстучав это предложение, откинулся на спинку кресла, еще раз перечитал написанное и про себя подумал: «Да, сильно сказано». Работа закипела. Не замечая времени, писал до глубокой ночи, и так продолжалось изо дня в день.

Глава двадцатая

ВАЖНОЕ СОВЕЩАНИЕ ДЛЯ ДВОИХ

Первый секретарь ЦК КП Армении Владимир Гегамович Дарбинян в тот день, в пятницу, прибыл на работу раньше обычного и тут же начал просматривать почту, разложенную по папкам заблаговременно, еще с вечера, помощницей Айкануш. Через некоторое время прибыла помощница и, видя Владимира Гегамовича на работе, почувствовала неловкость. Она всегда приходила раньше него, однако сегодняшний день оказался неприятным исключением. Немедля приготовила чай и занесла к нему в кабинет. Кратковременно отрываясь от бумаг, тот поздоровался с ней и попросил к десяти часам в ближайший вторник пригласить всех секретарей райкомов на незапланированное расширенное совещание и предупредить также членов и секретарей ЦК. Готовился к совещанию, запланированному на два часа дня с членами ЦК, а в десять часов утра пригласил второго секретаря, Гегама Барсеговича Пашиняна, для предварительного обсуждения предстоящих вопросов.

Зашел в кабинет второй секретарь. Дарбинян предложил ему присесть, сам тоже сел напротив него, положил на стол папку и достал из неё бумаги.

– Гегам Барсегович, я тут набросал план проведения мероприятий по поводу приближения юбилейной даты трагических событий в истории нашего народа и хотел

бы узнать ваше мнение. Ознакомьтесь, пожалуйста, и выскажите свои соображения. Если хотите, можете взять с собой, потом зайти, или можем сейчас обсудить все.

Поскольку Пашинян был старше его по возрасту и начал работать в ЦК намного раньше, в его поведении легко можно было заметить некоторое высокомерие. Конечно, и Дарбинян это тоже чувствовал и понимал. Как было это не почувствовать, если Пашинян был уже вторым секретарем, а Дарбинян «свалился» ему на голову невесть откуда – так он сам думал об их взаимоотношениях со вторым секретарем. Наверное, это и служило источником определенной натянутости в их отношениях, как полагал Дарбинян, однако почти не влияло на рабочие взаимоотношения.

– Конечно, давайте сейчас, – сразу ответил Пашинян.

Дарбинян зачитывал свои тезисы, Пашинян внимательно слушал и время от времени делал пометки на листе бумаги перед собой. Когда тот закончил читать, настала очередь Пашиняна, он в общем планы одобрил и добавил свои замечания так же тезисами, зачитывая свои возражения.

– Самое главное хочу отметить: почему вы называете это трагическими событиями? Нужно вещи называть своими именами – геноцид. Уже на западе дружественные нам страны пользуются этим термином. Хотите спросить, какие? Те, кому удалось расколоть Османскую Турцию благодаря нам. Если бы не мы, турки до сих пор были бы полновластными хозяевами Европы. Вы, наверное, думаете, что Москва не согласится. Не беспокойтесь, там все в порядке, те вообще наши исторические должники: если бы не мы, здесь им было бы не закрепиться. Что вы думаете, эти продажные грузины помогли бы им закрепиться на Кавказе или азербайджанские курды? Помните, большевики даже сначала создали республику Красный Курдистан, а потом поняли, что на них нет надежды. Знаете, почему? Потому что, чтобы самим закрепиться здесь, они сначала закрепили нас,

другого пути не было. Когда это поняли, быстро ликвидировали Красный Курдистан и создали НКАО. Кроме нас, Москве не на кого опереться. Все эти курды, талыши, таты, лезгины, евреи горские, не знаю, кто там у них еще живет, – одно единое, их не расколоть. Живут они там веками, наверное, историю 1918 года немного подзабыли, все единым фронтом выступили против отрядов Андроника и Дро. Нашими делами тогда руководил Шаумян, – здесь сделал небольшую паузу и едва заметной иронией в голосе добавил: – Ныне пламенный большевик, «расстрелянный» англичанами в пустынях Агчакума и в то же время живущий, по некоторым сведениям, в Индии. Самое главное, мы должны провести свои мероприятия так, чтобы затмить праздник турков. Те готовятся к пятидесятилетию Чанаккалинской битвы. Может, у них ничего и не выйдет, каждый день там военный переворот. Необходимо приглашение отправить отдельно соседям и НКАО, пусть понервничают, мы тем самым даем им понять, что это не их земли. Кроме того, Владимир Гегамович, вы в своей речи по случаю открытия памятника должны упомянуть славного сына нашего народа – Согомона Тэйлеряна, отомстившего Талаат-паше. Думаю, настало время снять с него клеймо террориста и признать народным героем. И еще вот о чем хотел вам сказать: у меня письмо Мелкона Арамовича Мелконяна участникам торжеств по случаю открытия памятника, они же участники дня памяти жертв геноцида. Не хотите ознакомиться с содержанием? Он сейчас очень болен и не сможет принять участия в мероприятиях, дай Бог дожить хотя бы до тех дней.

С этими словами Пашинян достал из своей папки лист бумаги с машинописным текстом и протянул Дарбиняну. Тот взял текст, бегло просмотрел и недоуменно посмотрел на собеседника. Пашинян тоже в свою очередь посмотрел на него и спросил:

– Что-то не так?

– Тут он восхваляет партию Дашнакцутюн и Андроника Озаняна. Нас же не поймут. Это уж слишком за пределом.

– Не беспокойтесь, – успокоил его Пашинян, – мы слегка подправим, и все будет не то что хорошо, а даже отлично. Партию Дашнакцутюн заменим на партию коммунистов-большевиков, вместо Андроника поставим пламенных революционеров Шаумяна и Микояна, и ничего больше не нужно. Не имеет значения, как называют партию, главное – ее программа, и та и другая обещает нашему народу великую процветающую родину, только у одной это пустая болтовня, а другая реально работает в этом направлении. И еще, вы, наверно, не забыли, что все мы родом из той партии. Потом, почему вас так смущает Андроник? Посмотрите на улицах, у всех водителей в кабине его фотографии.

Если бы во время их общения находился посторонний наблюдатель, то без труда бы определил характер взаимоотношений двух важных первых лиц в республике как двойственный. Они являлись друг для друга и начальником, и подчиненным одновременно. Конечно, в вопросах строительства коммунизма, как, например, увеличение надоя молока или поголовья скота, или же в сборе табака и так далее Дарбинян был начальником, а вот в другом вопросе, о котором оба знали и сознательно не говорили вслух, видимо, до поры до времени, Пашинян был главным.

Протянул письмо ему и добавил:

– Конечно, нужно зачитать. Только сами подправьте, как считаете нужным.

Тот положил письмо в папку, согласно кивнул головой и поднялся из-за стола, но Дарбинян попросил остаться, чтобы обсудить вопросы относительно организации весенне-полевых работ в сельскохозяйственных районах, а также развития других отраслей народного хозяйства. Пашинян сел на свое место и посмотрел на него.

– Видите ли, – начал Дарбинян, – нам надо развить свою промышленность, чтобы выйти из группы

дотационных республик. Сами же знаете, как в Москве носы задирают, когда у них просишь финансы на решение внутренних вопросов.

– А вы, Владимир Гегамович, у них ничего не просите, пусть сами попросят вас взять у них деньги. Почему вы должны унижаться? Поймите одно: мы им больше нужны, чем они нам. Создали нас сами, пусть теперь содержат. Кто их просил переселять нас сюда, еще со времен Петра Первого и в первой половине девятнадцатого века создавать здесь армянскую область? Если бы не вмешались, мы создали бы свое государство на Черноморском побережье Турции. Они наши должники и притом вечные. Вы не слушайте эти школьные сказки, будто Россия принесла свободу всем народам. Конечно, держите карман шире. Мы оторваны от моря, и никогда не будет у нас выхода к Черному морю. Вы что, думаете, они начнут новую войну, чтобы обеспечить нам выход к морю? Никогда. Если им будет нужно, начнут войну с кем угодно, только не ради нас. Знаете, как мы себя должны вести с ними? Я вам скажу: так же, как они с нами. Пользуются нами, и мы должны пользоваться ими. После всех внутривосточных потрясений мы расширили свою территорию, так и нужно работать дальше. Во время революции тысяча девятьсот пятого года мы расширили свое пространство, то есть изгнали многих азербайджанцев из Эриванской губернии, а после Октябрьской революции мы расширили территории, получили официально и оформили по всем правилам Зангезур и Геогчу. Могли бы, конечно, и Нахичеван с Карабахом, но не получилось, пока не получилось. Да, они вооружали нас, но кровь-то свою проливали мы. Нам теперь нужно работать, чтобы получить Карабах и Нахичеван, я не побоюсь сказать, даже Баку. Вот над чем надо думать, а не о том, как увеличить сборы табака с гектара и надои молока с каждой коровы. Скажу вам больше: мы думаем и работаем над этим каждую минуту, и вам

советуем. Мы сделали столько, сколько смогли; теперь очередь вашего поколения. Думайте, как сделать так, чтобы они воевали с нашими врагами за наши земли. Запомните, пожалуйста, одно: даже если распадется эта империя до границы Московской области, они все равно будут нас поддерживать. Самое главное, напоследок вот что я хочу сказать: постарайтесь, чтобы из Москвы было как можно больше высоких представителей из ЦК, Совмина и ЦК профсоюзов.

Закончив говорить, Пашинян поднялся, протянул руку Дарбиняну, обменялся рукопожатием и вышел из кабинета.

Оставшись один, Дарбинян всерьез задумался над высказанными Пашиняном мыслями и не мог не согласиться с ним. Хотя и во всем с ним соглашался, чувствовал над собой давление со стороны того, и это не могло не тяготить. Быть начальником и осознавать себя подчиненным – не так легко, и не каждому дано выдержать такое состояние.

Глава двадцать первая

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Черная «Волга» мчалась по набережной трассе озера Севан в сторону Еревана. На заднем сиденье в задумчивости сидел секретарь Чемберкендского райкома партии Ерванд Вартанович Еганян, формально избранный, а по сути назначенный на эту должность три года назад, в возрасте тридцати двух лет. Сменил он на этом посту Расула Расулова, руководившего районом многие годы. Район по национальному составу был сложный: из семнадцати населенных пунктов армянскими были только четыре, остальные – азербайджанские. Если же говорить о райцентре, то там жили армяне, азербайджанцы и молукане. На этой должности оказался на волне новой национальной политики, последовательно и беспрепятственно проводимой партийным руководством Армении, направленной на повсеместную замену руководителей-азербайджанцев армянами. В то время было запрещено также вещание азербайджанского радио в Армении.

Это может нынче вызвать удивление у тех, кто во время поездки в автобусе может общаться по телефону с Южной Африкой, не говоря уж о Северной Америке. Как же можно запретить вещание? Можно, и даже очень просто. В то время в каждом населенном пункте оборуодвался радиопузел, и работала только система

проводной передачи сигнала. Вся страна была опутана проводами и заставлена столбами, пропитанными смолой. Из радиоузла сигнал проводами распространялся до каждого дома.

Конечно, народ возмущался, писали письма в различные инстанции вплоть до ЦК КПСС, однако ничего не менялось. Когда его назначили на эту должность, пытался хоть немного отстаивать интересы азербайджанцев, но это было невозможно. После смены власти в Москве, армянские националисты развязались окончательно; везде появились фотографии Андроника Озаяна, Дро, Амазаспа, Гарегина Нжде и других.

Отчетливо понимал, что это не к добру, притом все делалось с молчаливого согласия партийной власти. Говорил свои соображения партийному руководству, с ним соглашались, возмущались происходящим, пожимали руку и обещали поддержку, но невидимая сила блокировала все его замыслы, и на деле встречал совсем другое. Шло повсеместное изменение топонимики с азербайджанского на армянский. Осознавал, что поднимают голову нечистые силы, и пытался противостоять, но остановить эту махину было невозможно.

Знал и причину вызова в Ереван – совещание по подготовке и проведению торжественных мероприятий и открытия памятника, посвященных юбилею геноцида армян в Османской Турции. Ко всему этому у него было свое отношение: надо бы сначала разобраться, что и как там происходило в то время. И потом, стоит ли так открыто раздувать эти события? Можно включить в учебники истории для общего развития и знания истории, и делать это нужно без истерии и ненависти. Что же получается? Кто только берет в руки перо, тут же пишет сочинение о «геноциде», а в последнее время масштабы вообще ужасают. Нельзя же воспитывать народ на чувстве ненависти! При встрече двух незнакомых людей первым звучит вопрос: «Хаес-туркес?»

(«Армянин или турок?»), это не может быть нормальным и не тревожить. О чем говорить, если то же самое уже происходит и в его районе.

К чести его следует отметить, что в масштабе своего района делал все возможное: проводил различные мероприятия для сохранения отношений на первичном уровне, часто организовывал через комсомольские организации встречи учащихся азербайджанских и армянских школ, различные спортивные соревнования. При нем проводились вечера творчества армянских поэтов и писателей в азербайджанских школах и наоборот. Во время уборки урожая на помощь в азербайджанские колхозы отправлял технику и людей из армянских сел, а также из азербайджанских в армянские. Иногда доходило до курьеза: колхозы, откуда он снимал людей и технику, нуждались в помощи больше, чем те, кому отправлялась их помощь. Не мог, конечно, не знать, что при этом в его адрес звучат нелестные слова, но шел на это сознательно. Попытался всячески сохранить и поднять на более высокий уровень те добрые отношения между людьми, которые уже сложились к его приходу с предшественником – Расулом Расуловым, которого под предлогом перевода на другую работу просто убрали из района. Все лето только и делал, что ездил по колхозам; везде к нему относились с уважением и теплом.

Ехал, сидя на заднем сидении, и размышлял обо всем этом, и во всем винил только себя. Потому как считал, видимо, что сделанное им было недостаточным. Однако упрекать его было бы нечестно, никто бы на его месте не мог бы остановить волну ненависти, набирающую силу и постепенно нарастающую. Считал, что это совещание – его последний шанс: обо всем скажет во всеуслышание и, конечно, найдет единомышленников. Кто-то и как-то должен противостоять этой еще невидимой черной силе, которая превратится в трагедию не только для азербайджанцев, но и в большей степени

для армян. С этими мыслями начал засыпать, и время от времени его будил голос шофера:

– Не спи, начальник, простудишься.

– Я не сплю. Ты сам смотри за дорогой, наша жизнь в твоих руках.

Глава двадцати вторая

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В БАКУ

Герой Советского Союза, полковник запаса, доктор исторических наук, академик Буняд Мусаев еще со вчерашнего дня был предупрежден о вызове в ЦК республики. Об этом ему сказал лично президент Академии наук, пригласив к себе в кабинет после совещания, и с тревогой в голосе спросил:

– Что опять наговорил и где?

В ответ тот только пожал плечами и спокойно сказал:

– Что случилось, чего так заволновался?

Они давно были на «ты», еще со студенческих лет. Однако президент никак не мог успокоиться; растопырив пальцы, поднимал руки вверх, как бы этим подчеркивая важность сказанного им.

– Тебя вызывает сам! Ты понимаешь, что это такое?

– Слушай, успокойся и присядь. Расскажи лучше, как дела? А к нему я схожу, только скажи когда.

– Завтра в десять быть у него.

– Хорошо, буду. А ему что надо, не в курсе?

– Завтра пойдешь, узнаешь и придешь расскажешь, тогда и я узнаю, – заключил президент.

Затем немного поговорили о том о сем, после чего Мусаев покинул кабинет президента Академии наук.

На следующее утро перед выходом из дома некоторое время думал, какой костюм надеть. Один костюм берег для особых случаев. Дело в том, что на груди пиджака

прикрепил Звезду Героя и никогда не снимал ее. Вот и теперь думал, надеть этот костюм или другой. «Ну скажи, пожалуйста, какая торжественность в вызове в кабинет большого начальника? А с другой стороны, Звезда Героя напоминала бы им обоим об общем прошлом; кроме того, будет проще с разными его церберами разговаривать, пока дойдешь до него», – подумал он и решился, надел пиджак со звездой, вышел из дома и направился пешком в сторону ЦК Азербайджана.

У входа дежурный милиционер козырнул ему и провел к окну для получения пропуска. Получив пропуск, в сопровождении другого милиционера поднялся на второй этаж. Проводив до дверей приемной, милиционер вернулся обратно, а тот зашел в приемную. Встретил его одетый с иголочки молодой человек и, глядя с восхищением на звезду, спросил о цели визита и, узнав, провел в кабинет без доклада. «Ага, значит, уже предупредил помощника проводить немедленно. Еще не все потеряно, что-то человеческое в нем осталось», – подумал он о друге и руководителе республики.

Когда в сопровождении помощника вошел в кабинет, первый, подняв голову от бумаг, увидел его и с возгласом: «О... кто к нам пожаловал» – встал из-за стола и, разводя руки в стороны и улыбаясь, пошел к нему навстречу.

Увидев такую очень личную картину, помощник ретировался, и они остались одни. Положив правую руку ему на плечо, Первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Вели Ахмедов провел его к столу, предложил присесть и сам сел напротив.

– Ну что, рассказывай, что ты там опять всех переполошил своим выступлением на заседании института? – улыбаясь спросил Ахмедов.

– Так вот в чем дело! Я думаю, с чего бы ты вдруг обо мне вспомнил? Как стал первым секретарем, встречаемся всего лишь третий раз. Никак в толк не мог взять, а теперь все ясно, – тоже улыбаясь ответил Буняд Мусаев.

– Я ничего лишнего не говорил, просто призвал историков дать объективную оценку событиям 1915 года и сказал, что нельзя поощрять ложь. Таковой я считаю утверждение армянских историков: не было тогда никакого геноцида, термина в то время не знали такого. Какая политика геноцида? Ты ведь сам прекрасно все знаешь.

– Знаю. Политика такая пошла, вот и на каждом углу твердят об этом. И ты лучше меня знаешь, откуда растут ноги, – ответил ему первый секретарь.

Знакомы были еще со времен войны, когда осенью 1942 года раненый капитан, потерявший к тому же много крови, попал к нему на операционный стол полевого госпиталя. Ему удалось тогда вернуть его к жизни. Надежды практически не было, но опытные руки начальника хирургического отделения полевого госпиталя Вели Ахмедова вырвали его, как и многих других, из лап смерти. Когда капитан пришел в себя, выяснилось, что с хирургом земляки, с того времени так и дружили. Оба после войны стали академиками, один по истории, а второй в области медицины, а чуть позже стал и первым секретарем ЦК Компартии республики, но этот факт несколько не повлиял на их дружбу, только встречаться стали реже из-за ограниченности времени. До прибытия фронтового друга сидел в кабинете и размышлял о годах прошедших и думал о будущем. Приглашая его к себе, Вели Ахмедов хотел предостеречь его от резких выступлений и не допустить поездки в Ереван на это сборище, а то, чего доброго, скажет не то, потом начнут таскать, и Звезда Героя не поможет. Хорошо, если закончится этим, а ведь могут и упрятать в какой-нибудь «санаторий». Сколько упрятали после войны инвалидов – и не то что с медалями, а со Звездами Героев – в «дома отдыха» для ветеранов. В одну ночь улицы всех городов были очищены от так называемых «самоваров», и все оказались в одно мгновение на Соловках.

– Знаю, как-никак я историк. Чтобы затмить годовщину сражения под Чанаккалой, придумали эту сказку, но скажу

тебе очень опасную мысль: затея эта будет иметь тяжелые последствия. Слушай, может, тебе попытаться аннулировать эту автономию Карабахскую к черту, пока не поздно?

– Это невозможно, об этом думал еще в свое время Мирбагир Джафаров. Какую он имел силу, ты знаешь; если ему не удалось, сейчас тем более не дадут. Джафаров требовал у Сталина воссоединить Дербент с Азербайджаном, кроме того, вернуть земли, переданные некогда Армении. Ничего же не вышло. Знаешь, они эту автономию берегут как силу для сохранения империи, но глубоко ошибаются, в конечном итоге империя развалится как раз из-за нее. Армяне находят себе хозяев, служат им, потом при первом же удобном случае предают. Увидишь, Российская империя не исключение.

– У нас не Российская империя, а союз республик равноправных, – с иронией ответил ему Буняд Мусаев. – Ты что-то не то говоришь, секретарь.

– Да ладно тебе. Ничего не изменилось в сути: как была империей, так и осталась, только более лживая и жестокая. Ты прекрасно знаешь, что было в 1956 году в Венгрии. Чего далеко искать, а Новочеркасск? Стреляли в своих граждан, кстати, еще не раз будут стрелять. Пока существует этот режим, долго будем барахтаться в этом болоте.

– Ты же тоже причастен. Что же молчишь? Говори, требуй. Почему не делаешь ничего, чтобы менять что-то? Не можешь говорить – уходи!

– Знаешь, дело не во мне. Дело в вас, в творческой интеллигенции, а точнее – в историках и литераторах. Сначала вы, историки, должны показать правдивую историю, а литераторы должны освещать ее в художественной форме. Я в курсе твоих работ. Ты и вообще историки на первом этапе воспитания не так важны, как литераторы. Молодежь ведь не будет читать научные исторические труды, им нужно это поднести в художественной форме, таких произведений нет. Я только могу защитить

вас, и то в меру сил; вы же должны писать, пусть не печатают, арестовывают номера газет и журналов. Несмотря на это, литераторы должны писать.

– Ты почему тогда меня пригласил? Позвал бы кого-нибудь из них и говорил бы все это им.

– Не могу я ни с кем так открыто говорить, как с тобой. Повязан по рукам и ногам, каждый мой шаг контролируется, и докладывается все туда. Скоро убедишься.

– Ну сейчас-то, наверно, это не так сильно, как раньше. Председателем КГБ сумел же ты поставить нашего. Чего волноваться теперь? Кстати, как тебе удалось это проверить?

– Потому что наш нынешний председатель и бывший были друзьями, как я узнал, еще со времен войны. Попросил его, когда переводился в Москву, порекомендовать вместо себя своего заместителя, то есть Гасана Алиева, что он и сделал, спасибо ему за это. Давление хоть немного меньше стало. Честно говоря, от него вреда не было, даже по секрету меня предупредил, что установлена система подслушивания в моем кабинете и все, о чем говорится здесь, слушает второй секретарь Твердолобов. Оказался очень порядочным человеком. Делал свое дело и за мной не следил. А теперь наступила благодать с Гасаном Алиевым, этот вообще убрал подслушку у меня. Оказывается, есть у них инструкция – первых не подслушивать. Такие вот дела наши, дорогой мой историк. Мы рады были бы делать все для своей страны, но не получается. Хотел провести юбилей Нариманова, девяносто пять лет, – зарубили, а ведь был одним из создателей этой страны, первым председателем ЦИК, и то нельзя, на него тоже повесили ярлык националиста. Недавно вышло очень забавно: посоветовался с Твердолобовым о том, чтобы организовать встречу творческой интеллигенции нашей республики с интеллигенцией Иранского Азербайджана, и что ты думаешь, тут со мной все дельно обсуждал, даже говорил, сколько и каких профессий человек отправить туда и затем принять оттуда. А в результате на следующий день

позвонили из ЦК и запретили. С ним можно обсуждать только такие вопросы, например, как увеличить надои с каждой коровы, или как получить от одной овцематки по два ягненка, или же как увеличить урожайность огурцов, помидоров или укропа и кинзы с каждой грядки, и не более. Любое другое обсуждение тут же докладывается туда с личными комментариями и закрывается на корню. Нам ничего нельзя, а вот из Еревана в Бейрут прямой авиарейс – пожалуйста. Сколько бьется Ширали Курбанов, чтобы на государственном уровне разрешили проведение праздника Новруз – никак, нельзя и все. Во всем видят пантюркизм. Чем их так напугал этот пантюркизм?

– Вся их история повязана на тюрках. Надо в школах и институтах изучать историю тюрков, тогда будет правильно и понятно. России как таковой не было как государства, были отдельные княжества, образованные тюрками, в том числе и Московское княжество. Знаешь ты, что вплоть до Ивана Грозного Московию за границей называли Московским ханством? Только когда династия Романовых пришла к власти, объединенные княжества стали называть Россией. До Романовых все делопроизводство на Руси велось на тюркском языке. Как ты думаешь, куда и почему исчезла библиотека Ивана Грозного? Насколько я думаю, никуда она не исчезла, просто убрали с глаз долой, потому что все было на тюркском языке. По той же причине исчез и оригинал первого памятника русской письменности – «Слова о полку Игореве». Позже сколько ни пытались перевести на древнерусский язык, ничего не получается, все равно пестрит тюркскими оборотами и словами. Когда учился в аспирантуре, в Москве мне случайно попался молитвенник Афанасия Никитина – и тот на тюркском языке, почти что на современном азербайджанском языке. Вот так-то, дорогой мой.

Пока Буняд Мусаев говорил, первый секретарь слушал его, образно говоря, раскрыв рот. Когда тот закончил говорить, только спросил:

– Вот скажи, пожалуйста, что мне делать, если на все, что я пытаюсь делать, смотрят с подозрением?

После этих слов он поднялся и подошел к книжному шкафу у стены, достал оттуда папку и положил перед Мусаевым.

– Посмотри, полюбуйся: тут все, что я хотел сделать и чего не разрешили.

Он открыл папку и достал стопку отпечатанных листов. Прочитал название документа: «Перспективный план развития республики в период с 1960 по 1970 годы, не отраженный в программных документах ЦК КПСС».

– Слушай, читать сейчас некогда, о чем тут. Судя по названию, ты уже должен был быть отправлен за Мирбагиром? – улыбаясь спросил Мусаев.

– Обо всем, ведь программные документы ЦК направлены только на увеличение урожая в разных отраслях, и все. Я здесь продвигаю социальный план развития республики. Здесь речь идет о развитии науки, образования, открытии технологичных отраслей производства, медицины и многом другом. Один раз только был разговор, забрали в ЦК один экземпляр, и все на этом закончилось. Знаешь, если даже произойдет то, что ты сказал, то есть отправят меня за Мирбагиром, я ничего не боюсь. Все, что там написано, осуществится.

– Откуда эта уверенность? – спросил его Мусаев.

– Вскоре после назначения ко мне заходил Гасан Алиев. Положил мне на стол документ и говорит: «Вот мое видение развития республики». Мы обсудили с ним его планы. Он пошел намного дальше: хочет открыть в республике военные училища, новые факультеты в медицинском институте, в университете, в институте нефти и химии, в политехническом. Говорит, о строительстве новых заводов электротехнической промышленности и еще многом другом. Дай Бог, чтобы у него все получилось.

– Не дай Бог, а слава КПСС, чтобы получилось. И потом, почему у него? Ты же руководишь республикой, а не он?!

– Знаешь, мне не дадут: не доверяют и никогда не будут доверять. А к нему доверие будет, он как бы из их гущи, это хорошо. Для нас самое главное – патриот, только мне бы надо сделать так, чтобы после меня выдвинули его. Открытая поддержка может погубить дело, конфликтовать тоже нельзя, сам может меня не понять.

– А ты держи с ним ровные отношения, официальные рабочие взаимоотношения, и, я думаю, все будет хорошо. Когда хочешь покинуть кресло?

– Думаю, года через четыре, от силы пять, и я уйду в науку. Не мое все это. Он парень хваткий, пусть работает. Ушел бы хоть сегодня, но его же не назначат сейчас.

– Спасибо ему за Мехди Гусейн-заде, вывел его из незаслуженного забвения. Сколько несправедливости было в отношении его! Вся Югославия знала, национальный герой чужой страны, а у себя на родине клеймо военнопленного, и хуже того – предателя родины! Сколько еще таких как Мехди, одному Богу известно и, конечно, конторе.

– Слушай, давно хотел с тобой поделиться одной историей, все никак было. Меня в феврале сорок пятого перевели в 1-й Прибалтийский фронт. Воспоминания об Асланове были еще свежи. Его ранение и смерть многим тогда показались странными. Как рассказывали тогда мне люди, лично знавшие его, в том числе и врач, проводивший операцию, по непонятным причинам его долго не отправляли в тыловой госпиталь, хотя самолет стоял на взлетном поле. Сделали переливание крови, операция прошла успешно. Все ходили, шептались, что его убили, и при этом намекали на Багратяна. Более того, говорили, что был представлен к званию Героя Советского Союза во второй раз, однако Багратян не пропустил. Что можешь сказать на это?

– Что я могу сказать на это? Ничего. Расскажу кое-что, сам сделай вывод. Багратян начал войну начальником одного из управлений штаба Западного фронта в звании полковника. Когда падение Киева было неизбежно, командующий фронтом Кривонос принял решение выбраться

из окружения двумя группами. Основную группу со всем штабом возглавил сам, а группу отвлечения повел наш общий знакомый. Так вот, каким-то чудным образом немцы узнали о плане командующего и бросили все силы на его группу. Штаб был захвачен, а Кривонос погиб. Не до того было, никто не стал разбираться. Он тогда стал генералом, история забылась. Я не удивляюсь этому, так что все возможно. Предать или наносить удар в спину – у наших искусственных соседей в крови. Даже очень возможно то, о чем ты говоришь, а с присвоением звания героя нужно будет разобраться. Дело в том, что Багратян состоял в партии дашнаков, потом перебрался к коммунистам.

В это время открылась дверь. В кабинет и вошел Твердолобов, поздоровался небрежно, чувствуя себя хозяином положения, и выпалил прямо от двери:

– У вас гость? Не знал. По какому вопросу? Что товарищу надо?

Буняд Мусаев повернулся к нему. Увидев на его груди золотую Звезду Героя, Твердолобов осекся. Самоуверенность, граничащая с хамством, будто улетучилась. То ли желая исправить ошибку, или же инстинктивно решив не идти напролом перед неизвестностью, быстрыми шагами подошел к Буняду Мусаеву и протянул руку для приветствия. Поздоровавшись с обоими, сел напротив Мусаева.

– Что вас привело к нам, расскажите? Мы с Вели Мамедовичем решим вопрос. С чем связан ваш визит? Квартирный вопрос?

– Да, с квартирным вопросом тоже, – ответил Буняд Мусаев. – Думаю, надо бы обеспечить всех участников войны квартирами и машинами вне очереди и бесплатно, но первый секретарь говорит, что невозможно все это, нет средств. Может, вы пробьете через Москву? К вам же лучше прислушиваются там!

От этих слов у Твердолобова перехватило дыхание. Некоторое время смотрел на него не моргая; наконец, собравшись с мыслями, ответил:

– Нет, откуда у меня такие возможности? Если Вели Мамедович попытается сам решить это с новым руководством партии и правительства, думаю, что вопрос продвинется, почему бы нет. А у вас самого как с решением этого вопроса?

– За меня не переживайте, все есть. Вот о других не помешало бы подумать: все-таки люди воевали, потеряли здоровье.

– Да-да, конечно, вы правы. Своевременный вопрос, будем думать. А теперь извините, мне надо уйти, – сказав это, он встал с места и направился к выходу.

Когда Твердолобов вышел из кабинета, Вели Ахмедов улыбаясь сказал:

– Четко ты его отправил. А если серьезно, то над твоим предложением стоит подумать. Пока работаю, попробую хотя бы вынести на повестку. Вот так всегда, ему надо знать о моем каждом шаге, другого дела у него нет. Ладно, вот о чем я хотел с тобой посоветоваться. На так называемые мероприятия в Ереване нужно кого-то отправить для присутствия, кого бы ты порекомендовал?

– Не знаю, лучше из молодых литераторов. Для историков это будет оскорблением, все прекрасно знают историю того периода, просто не дают говорить. Зная, что все ложь и правда вывернута наизнанку, невозможно терпеть. Не хотел ли ты случайно, чтобы я поехал?

– Да ты что, в своем уме? Нет, конечно, просто давно не виделась, и действительно хотел спросить твоего совета. Ладно, тогда позвоню в Союз писателей, пусть отправляют кого-нибудь из молодых, – заключил Ахмедов.

Ахмедов был очень рад, что его друг не поедет туда и лишний раз не наживет себе проблем. С этими мыслями обратился к другу и извиняясь сказал:

– Сейчас у меня начнется совещание с секретарями райкомов, не хочешь поприсутствовать?

На что получил отрицательный ответ:

– Желания нет лишний раз видеть твоих лицемеров. Противно смотреть на них, как прогибаются, врут и всячески стараются привлечь начальственное внимание.

Они тепло попрощались и договорились зайти в гости друг к другу в ближайшее время.

Буняд Мусаев вышел на улицу и направился в сторону приморского бульвара; остался доволен встречей с другом. «Не изменился, так же любит свою родину, старается что-то делать. Но не его вина, что не все и не всегда получается. Так же любит науку, планирует вернуться в академию. Главное – не цепляется за кресло, и наконец самое важное – ищет себе достойную замену, только дай Бог, чтобы нашел. Надеется на нового председателя республиканского КГБ, хорошо, если не ошибется», – думал про себя.

Глава двадцать третья

КНИГА ЖИЗНИ

За короткое время Орхан Вересли стал одним из самых популярных авторов. Одно за другим выходили его произведения в московских журналах, сотрудничал практически со всеми популярными изданиями. Его переводили известные переводчики; некоторые даже смотрели на него с чувством некоторой зависти. Издавался также и в периодике союзных республик, это его окрыляло и подвигало к новым вершинам. Конечно, не следует умалчивать, что писал он не бесталанно. Часто ездил по районам республики, встречался с тружениками села, с читателями, однако ни разу не ездил на свою малую родину – в село Верес. Этим коллеги, конечно, интересовались, на вопрос «почему» всегда отвечал: «У меня там никого не осталось, не хочу теребить душу грустными воспоминаниями».

Выйдя из дома, решил сначала заехать в Союз писателей, чтобы узнать новые «сплетни», а после можно и по своим делам, поскольку выдался день, свободный от занятий в университете. Когда прибыл на место, секретарь сказала, что все собрались в зале заседаний, туда же направился и он.

Как только зашел, многие дружно крикнули:

– Пусть он поедет! Чем же не кандидат, молодой, перспективный.

– Никуда я не поеду, с чего бы? Зачем мне сдалась эта Москва, я в прошлом году был там на повышении квалификации.

Конечно, прекрасно понимал, о какой поездке идет речь, однако решил, как говорят в народе, «включить дурака», поскольку надеялся, что его все-таки «принудят» ехать.

– А если не в Москву, тогда как, поедешь? – спросил кто-то.

– Ни на какие сборы по повышению квалификации не поеду, куда бы ни было, – твердо сказал он.

Тут председатель всех успокоил и сказал:

– Знаете, Орхан, позвонили из ЦК, нужно отправить делегацию в Ереван на мероприятия. Требуют трех человек, двоих уже удалось уговорить, еще вы поезжайте.

– Извините, Ибрет муаллим, никуда не поеду, мы об этом уже в университете говорили.

Видимо, сработал инстинкт самосохранения и в последнее мгновение вынудил его отказаться, ведь хотел же до этого ехать и даже очень. Чутье не подвело, его ответ понравился председателю и, можно сказать, всем. Дело в том, что никто не хотел ехать, поэтому председатель Союза писателей Азербайджана Ибрет Мирзаев решил «забыть» о звонке из ЦК. Забегая вперед, отметим, что и ЦК тоже «забыл» о своем звонке. Не исключено, что председатель Союза писателей знал или догадывался об этом. Совещание перешло на рельсы вопросов по текущим делам и вскоре закончилось.

Домой вернулся немного позже обычного и тут же сел за рабочий стол. Работалось легко и интересно. Сюжет, который ему подсказал Зордан, состоял в том, чтобы на примере истории своей малой Родины отразить основные события двадцатого века и непременно особо отметить в этом произведении армянский геноцид пятнадцатого года.

«Такое произведение просто так не напишешь. Нужно описывать все, что есть, даже разрозненными отрывками, ничего страшного. После можно будет собрать

в единый сюжет, главное, не упустить моменты, подсказанные друзьями», – подумал он про себя.

Поработав некоторое время, почувствовал усталость, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и предался размышлениям. Вспомнил последний приезд друга и разговор с ним. Его цепкая память восстанавливала весь их разговор, каждое слово, каждую интонацию Зордана. Тогда тот сказал:

– Алик, на нас лежит вся ответственность создания человека будущего – армянина. Нам предстоит большое и нелегкое дело – формирование духа армянства.

Он тогда возразил другу, сказав:

– Слушай, я талантом не превосхожу никого из вас, ну что от того, одним романом больше или меньше, какое это имеет значение? Вы пишете, наша молодежь читает, и что?

– Видишь ли, дорогой, во-первых, не скромничай, ты очень талантлив. Пишешь в чисто азербайджанском стиле, как бы мы ни пытались копировать, но у нас не получается. Самое главное, одно дело, когда мы утверждаем, лезем из кожи вон, чтобы доказать принадлежность чего-либо, скажем, музыкального инструмента, памятника истории или предмета быта, элемента кухни; другое дело, говоришь это ты, скажем, азербайджанец из собственной среды. Представь себе, кто-нибудь из нас, армянских писателей, будет утверждать, что тар, кеманча или, скажем, дудук, нагара барабан, кабыз, саз, мало ли что – является армянским. Знаешь, что будет? Нет, пока не знаешь. Я тебе скажу: эта тварь Шекинский разорвет нас. Другое дело, скажешь об этом ты. Нет, не нужно напрямую указывать, надо только намекнуть, мол, кавказский, возможно, армянский. Все, родной, больше от тебя ничего не требуется. После – дело техники, мы знаем, как развивать тему дальше. Твоего одного слова, сказанного даже с сомнением, будет достаточно, чтобы перевести тебя на армянский, на русский и издавать как в Ереване, так и в Москве. А это, между прочим,

деньги, Алик, и немалые. Я могу тебе признаться честно: что поделаешь, нет у нас лирики, ашугского искусства. Был один Саят-Нова, и тот, мерзавец, писал на азербайджанском, приходится переводить. Знаешь, какое зло берет? Быть армянином и писать на азербайджанском, на языке врага заклятого!

– А тебе не кажется, что Саят-Нова был азербайджанцем, не допускаешь такого? На армянском он написал десяток стихов, и все. Кроме того, имя его вызывает сомнение. Может, Саят – просто несколько искаженная форма имени Сайяд, что означает «охотник», и тогда все встанет на свои места.

– Слушай дорогой, оставь пока его в покое. Как писал, что писал, сейчас нам не до этого. Надеюсь, ты понял, что нужно, точнее, как тебе следует поступать.

– Что это, выходит, я как шпион, что ли? – полушутя, полусерьезно спросил он тогда.

– Нет, родной, не принижай себя, ты диверсант или террорист духовный. Твой родной дядя и мой кумир духовный, Мелкон Мелконян, истреблял их, недоразвитых физически, а ты уничтожишь духовно. Книга, которую ты будешь писать на основе материалов, представленных мной, станет последним гвоздем в крышку гроба азербайджанцев. Ты пиши ее основательно, степенно. Когда нужно будет, допишем и издадим вмиг.

После этих слов возникла некоторая пауза: каждый думал о своем. Зордан, видимо, думал о произведенном на друга впечатлении. Мысли же Алика были более конкретны: «Ну да, конечно, последний гвоздь в крышку гроба. Ты хотя бы знал, что азербайджанцы в гробах не хоронят? А тем, которых отправляют в мир иной в ореховых или дубовых гробах, так тем все одно: их и не так много, процент от общего числа, а если взять и Южный Азербайджан, и того меньше».

Он тогда хотел эти мысли высказать вслух, но почему-то сдержался. Скажи тогда открыто все, что думал, – кто

знает, возможно, и одумался бы, не поддался бы соблазну и не променял бы свой талант на дешевую и легкую славу. Увы! Что не было сделано, то и не было.

Тишину нарушил Зордан:

– Алик, ты знаешь, что на торжественном расширенном совещании, посвященном геноциду нашего народа, будут зачитывать обращение дяди Мелкона? Его пригласили, но он не сможет приехать ввиду болезни. Я почти каждую неделю бываю у него.

После этих слов Орхан Вересли не нашел что ответить, только поблагодарил друга.

Глава двадцать четвертая

ПОЕЗЖАЙ К СЕБЕ, ЕРВАНД-ДЖАН, И ХОРОШЕНЬКО ПОДУМАЙ

Когда черная «Волга» выехала из Еревана и оставила позади дорожный указатель – перечеркнутое на белом фоне название города, пассажир, сидящий рядом с водителем, опустил стекло и плюнул в окно. Водитель удивленно посмотрел на своего пассажира, и тот, поймав его взгляд, сказал:

– Извини, Армен, уже не могу. Тошнит от всего этого. Как они не понимают, что творят? Не видят, что народ ведут к пропасти? Сколько было злобы в их выступлениях, кипят от ненависти...

Конечно, и черная «Волга», и пассажир нам знакомы. Это был секретарь Чемберекендского райкома партии Ерванд Вартанович Еганян, и возвращался он из Еревана в свой район по той же дороге. Попросил водителя остановиться возле родников. Вскоре машина остановилась, оба вышли из машины.

Место было красивое. Родники эти были оборудованы в память о погибших в минувшей войне. Идея памятника была довольно простая. На возвышенности были сооружены три родника. Из трех хачкаров истекла вода и сливалась в одно русло. К родникам, расположенным на возвышенности на достаточном расстоянии от трассы, нужно было подниматься по ступенькам. Мраморные

плиты, на которых были высечены имена погибших в войне чаренцавенцев, были прикреплены к конструкциям из нержавеющей стали по обе стороны ступеней и создавали ощущение движения по коридору. Любой человек, двигаясь по этому коридору, всегда чувствовал на себе взгляд тех, чьи имена были выбиты на граните. Видимо, у автора композиции была идея пропускать жаждущих напиться через коридор духовного очищения, ведь в самом деле невозможно было пройти равнодушно до родника, напиться воды, еще наполнить какую-нибудь тару для того, чтобы взять с собой и вприпрыжку спуститься по ступенькам вниз, сесть в машину и продолжить свой путь.

Человек любого возраста, дойдя до родников, испытывал чувство утомленности, ощущал себя измученным и усталым. Возможно, чувства тех молодых людей, которые завершили жизненный путь в молодом, почти юном возрасте, но ни один не дошел до родника своей мечты, чтобы утолить жажду, передавались путникам, желающим напиться.

Мраморный коридор и ступеньки завершались площадкой, выложенной плитками из белого мрамора в виде равностороннего треугольника периметром в восемнадцать метров (по шесть метров каждая сторона), на вершинах которого были установлены хачкары из черного мрамора в форме параллелепипеда с основанием в виде равностороннего треугольника периметром в три метра. Высота хачкара составляла три метра, в них были вмонтированы в точке пересечения линий креста, на высоте двух метров от основания, водосточные краны. Вода истекала постоянно, краны были без вентиля. От каждого хачкара к центру треугольника были выложены ступенчатые, ровные водосточные канавки глубиной примерно десять сантиметров, которые соединялись в центре треугольника в полусфере диаметром в один метр. Полусфера и ступенчатые водосточные канавки также были выполнены из черного мрамора. Вода из трех кранов,

впадая в полусферу, совершала круговое движение и уходила из полусферы в никуда. Уровень воды в полусфере не менялся. Нужно отметить, что не было видно, куда уходит вода, и также не было видно, откуда она поступает. Кроме того, работа была выполнена настолько точно, что от всего комплекса создавалось впечатление целостности. Невозможно было видеть соединительные швы между мраморными плитами. На каждой стороне треугольника посередине была установлена тумба – столик из белого мрамора в виде параллелепипеда размером пятьдесят на семьдесят пять на сто сантиметров. За столиками были установлены металлические скамейки, изготовленные методомковки. На столиках стояли массивные кружки из нержавеющей стали, напоминающие внешним видом армейские.

Наконец они достигли цели, добрались до родников, взяли кружки, набрали воды. Утолив жажду, сели на скамейки, и водитель Армен, придя в себя, сказал:

– Этот памятник есть суть триединства, хоть в плане религии или диалектического материализма неважно, самое главное – все здесь замыкается на цифру три.

– Слушай, студент, может, ты и прав, но только не ищи какие-то мудреные таинственности в этом памятнике.

Такое панибратское отношение секретаря райкома и его личного водителя корнями уходило в их детство. Они родились и выросли в одном селе, их отцы в один день вместе ушли на войну и так же вместе не вернулись. Оба, закончив школу, поступили на исторический факультет Ереванского государственного университета. На третьем курсе из-за материальных трудностей Армен перевелся на вечернее отделение и устроился в таксопарк автослесарем, затем, закончив курсы, перешел работать в такси. Университет закончил, конечно, но работать таксистом очень понравилось, так и остался там. Когда, как он сам выразился, друг пошел в горы, забрал его к себе. Дружба у них не прекращалась ни на один день.

– А что, по-твоему, символизирует этот памятник? – спросил своего друга Армен.

– Слушай, это памятник погибшим на войне. При чем тут твои шарлатаны от религии? Суть этого памятника проста: слезы матерей, жен и сестер, вот и все, а то все во всем ищут какой-то смысл. Потом, в нашей религии нет святой троицы, так что твоя версия не состоятельна. По нашей религии Иисус един, и нет его человеческой сущности, он есть единый Бог. Вообще, я считаю, что никто не имеет права комментировать или попытаться разъяснить произведения художественного творчества. Каждый смотрит и понимает, как хочет понимать, или, другими словами, видит то, что воспринимает. Так же должно быть и с религией: зачем нужны эти церкви, мечети и прочее? Каждый человек сам должен выбирать, как идти к богу. У азербайджанцев есть хорошая поговорка: «Чарыки бесполезны в дождливую погоду, а муллы – всегда». Надеюсь, ты знаешь, что такое чарыки? Самая модная азербайджанская обувь из сыромятной кожи. Вообще, мне нравится их отношение к религии, в самых смачных анекдотах они высмеивают свое духовенство, не то что наши – возносят до небес.

– Но все их классики-просветители пишут, что духовенство – бич для народа, держит народ в невежестве, не дает развиваться, идти к прогрессу. Кому верить, тебе или им?

– Конечно, к сожалению, духовенство имеет влияние на них, на определенную, я бы даже сказал, незначительную часть населения. Это бесспорно, но на ту часть людей, которая свободна духом, священники не имеют влияния. Другими словами, религия не является столбовой дорогой духовного развития. Для просвещенных, образованных людей деятели от религии не являются авторитетом, даже если они глубоко верующие. У просвещенных азербайджанцев вера в Бога без посредников. Более того, высокообразованные представители духовенства сами становятся просветителями. У них главный

бич – это низшее звено религиозных деятелей. Конечно, и в верхних эшелонах немало реакционеров, которые делают все, чтобы держать народ в невежестве. В этом плане нам не повезло. Просвещение, которым занимается армянское духовенство, ведет народ к гибели. Лучше бы они ничего не делали. Все духовное развитие армян исходит из церкви, а стержнем этого развития является ненависть. Знаешь, когда царь Петр упразднил церковь, то, подчинив ее государству, сделал прислужницей его. С тех пор русская церковь стала служить интересам государства. В Европе церковь и государство отделены. Что касается армянской церкви, то она стоит над всеми. Так было в средневековой Европе во времена инквизиции.

– Ну ты перегнул, – перебил его монолог Армен. – Где армянская церковь, а где инквизиция. Нет, пример твой неудачный, – добавил он.

– Нет, ты не торопись, послушай сначала. Да, согласен, наша церковь никого на кострах не сжигает, головы не отрубает, но действует гораздо сокрушительнее. Сама того не осознавая или умышленно, мне трудно сказать, она убивает душу людей, начиная с малых лет. Деятельность нашей церкви подобна росту травы вьюн: каждый росток пускает корень и обволакивает все вокруг.

– Нет уж, лучше скажи, как раковая метастаза, – снова перервал его Армен.

– Да как хочешь, можно и такое сравнение, от этого не легче. Понимаешь, мне стало страшно от этого совещания. Люди сходят с ума. Во всех выступающих кипела только ненависть, и интеллигенция не исключение. Из важных персон не выступили каталикос, второй секретарь и еще человек пять, которых я не знаю, может, из-за границы они были. Самое смешное было знаешь что?

– Нет, скажешь – буду знать.

– Сам первый секретарь зачитывал письмо участникам совещания от одного недобитого дашнака Мелкона Мелконяна, который до недавнего времени работал

в нашем районе в лесничестве. Какие пели ему дифирамбы, как его хвалили! Оказывается, тот получил тяжелейшее ранение, защищая армянский народ от верной гибели. Я бы сказал, чтобы отсохли руки того стрелка, который не добил его тогда, может, спас бы много жизней с той и с другой стороны, самое главное – сегодня он не написал бы своего полного змеиноного яда письма участникам так называемого совещания.

– Ты сам выступал? – спросил его друг.

– Да, выступил, попытался вразумить их, говорил о неизбежном соседстве, предопределенном нам судьбой, приводил пример из жизни нашего района. Знаешь, когда говоришь в пустоту и тебя не то что не понимают, а перестают слушать сразу после первого предложения, невозможно сохранить спокойствие. Я переволновался и прекратил выступление, о чем можно говорить после этого.

Секретарь райкома замолчал и смотрел куда-то в одну точку. Так продолжалось, наверное, минут пять. Затем молча наполнил кружку водой, выпил и устало сказал:

– Хочешь, попей водички, и давай поехали, я очень устал.

Армен наполнил водой пустую бутылку, взятую с собой, и последовал за своим другом, стараясь как можно тише пройти по ступенькам. Дошли до автомобиля. Армен открыл ему заднюю дверку и, когда тот буквально упал на сиденье, захлопнул за ним ее, сел за руль, и черная «Волга» начала «наматывать километры на кардан», приближая их к родному дому.

Через некоторое время Армен, глядя в салонное зеркало, увидел, что его друг крепко уснул на заднем сидении. «Ну и слава Богу, пусть отдохнет немного. Все равно через полчаса проснется и вспомнит что-то важное из пережитого».

Действительно, проснувшись, Еганян сказал:

– Ты знаешь, что напоследок мне сказал этот одноглазый подонок? «Поезжай к себе, Ерванд-джан, и хорошенько подумай».

– Пашинаян, что ли? – спросил его Армен.

– Да, он самый. Жаль, что не убили его в восемнадцатом в Зангезуре, он же в прошлом был с дашнаками.

Далее ехали молча, каждый погрузившись в свои размышления об одном и том же. Ерванду терзала душу мысль о том, что в первый раз в жизни пытался скрыть свои переживания от друга. Вспоминал, как они росли вместе и всегда делились как самым сладким и вообще съедобным, так и сокровенными мыслями. Знал, что Армена не обмануть, все равно поймет.

Было это в один из голодных начальных годов войны. После школы мама дала ему два куска сухариков и сказала:

– На, поешь, – и молча посмотрела на него.

В ее глазах он прочитал: «Ешь сам, больше ведь у нас ничего нет». Он ничего не ответил, тоже молча посмотрел на маму и вернул сухарики:

– Спасибо, мама. Не нужно, я не хочу.

После этого мама опустила голову и дрожащим голосом добавила:

– Хорошо, иди к Армену.

Он выбежал на улицу и сразу позвал Армена. Друг пришел и протянул ему яблоко:

– На, подели сам.

Взял яблоко, нашел острый камень и разделил его, стараясь как можно точнее, затем, взвешивая каждую половинку в руках, протянул, как ему казалось, наибольшую из них другу. После того как съели яблоко, достал из кармана сухарики, за спиной несколько раз поменял их местами в руках, показал другу сжатые руки и сказал:

– Какая твоя?

Армен пальцем стукнул по его левой руке, и он протянул другу сухарик. Когда закончилась трапеза, Армен спросил:

– Ерванд, твоя мама тоже не хотела, чтобы ты со мной поделился? Моя не хотела.

– Моя тоже, – коротко ответил тогда другу.

Этот случай сблизил их еще больше, и они стали как родные братья. Более того, их матери тоже стали относиться к ним как к родным детям. Две молодые женщины, оставшиеся без мужей, жаждущие многодетности в материнстве, находили в них утешение, относясь к ним как к родным. У каждого из них стало две мамы – мама Ашхен и мама Гаяне, так и обращались они к ним в дальнейшем.

Черная «Волга» мчалась по трассе все увереннее. Армен, чтобы казаться сосредоточенным на дороге, крепко вцепился в руль и молча смотрел только вперед, думал о своем друге и прекрасно понимал, что ему пришлось переносить оскорбление и моральное унижение на этом совещании, но не хотел подавать вида, что обо всем догадывается.

Достаточно длинный участок дороги Ереван – Чемберкенд проходит по побережью Севана. Проехав немного по берегу, Армен остановил машину и сказал:

– Давай выходи, прогуляемся немного. Хоть придешь в себя, на тебе лица нет.

Оба, выйдя из машины, направились к берегу. Потому как Армен вел себя слишком непринужденно, Ерванд подумал: «Сейчас что-нибудь скажет», и действительно, тот не заставил долго ждать.

– Что, родной, твое выступление не понравилось крупноголовым скотам, а бараны освистали, да?

Ерванд наклонился, взял небольшой плоский камень и что было сил швырнул по поверхности воды озера. Оба наблюдали за его полетом. Когда камень исчез из виду, повернулся лицом к нему и спокойно сказал:

– Ну скажем, не крупноголовый, а крупнорогатый скот, и бараны не освистали, а затопали ногами.

После этих слов оба расхохотались от души, и стало легче, будто тяжкий камень сняли с сердца.

– Что, мы больше не сыновья Родины? – спросил Армен.

– Еще не враги, но уже пасынки нелюбимые, – ответил Ерванд.

– Слушай, ты нашим мамам ничего не говори. Пусть доживают свое отпущенное время, а то сколько у них подружек в этих азербайджанских селах, ведь не выдержат.

– Конечно, не скажу, мог бы и не предупреждать. Ладно, давай поехали. Сядь назад, отдохнешь еще немного, – сказал Армен.

– Армен, расскажи анекдот какой-нибудь азербайджанский, – попросил он друга.

– Не буду, некрасиво получится, они во всех анекдотах, в отличие от нас, в смешную, я бы сказал, даже глупую ситуацию всегда ставят себя. Это мы только самые умные, шустрые, смелые и тому подобное, – ответил ему Армен.

– Вот и я об этом. Знал, что не будешь рассказывать. Как думаешь, о чем это говорит? О силе духа народа. Они умеют посмеяться над своими недостатками и, более того, не боятся показывать это. Ты знаешь, что первым сатирическим печатным изданием в Российской империи еще задолго до революции был журнал «Молла Насреддин», изданный в Баку азербайджанской интеллигенцией. За всю историю армян ты можешь назвать хотя бы одного армянского сатирика? Нет, потому что их нет, не было и не будет. А сколько у них гениальных сатириков, не пересчитать! Вся наша история и современность лакированные, никаких промахов, просчетов. У русских вся история – это звуки победных фанфар, а у нас – только гениальные открытия. Не знаю, как еще у наших хватает ума не называть законы физики или химии, математики или чего еще – армянскими. Ты подожди, скоро наши горе-историки назовут Ньютона или Ома армянами, вот будет умора.

– Слушай, а русские-то при чем? У них, между прочим, есть даже очень известные, я сказал бы, великие сатирики. Салтыков-Щедрин или Гоголь чем тебе не нравятся?

– Почему не нравятся? Даже очень нравятся. Только Гоголь – украинец, и притом у обоих фамилии тюркского происхождения. Не так просто, наверно, как ты думаешь?

«Гоголь», например, означает «пирог», «салтык» – «хромой». Вообще-то, что наш язык, что русский наполовину состоят из тюркских слов, не говоря о фамилиях. Надеюсь, ты не сомневаешься, что я очень хорошо знаю азербайджанский язык, и ты сам не хуже меня знаешь его.

Оставшуюся небольшую часть дороги они проехали молча, каждый обдумывал и осмысливал происходящее.

Глава двадцать пятая

ПОСЛЕ СОВЕЩАНИЯ

На следующее утро после совещания первый секретарь ЦК Компартии Армении Владимир Гегамович Дарбинян прибыл на работу в прекрасном расположении духа. Участвовавшие в совещании представители армянской диаспоры из Бейрута, Парижа и Торонто остались довольны и поблагодарили его за теплый прием и достойное проведение совещания. Особую признательность они выразили ему за заботу о ветеранах гражданской войны, в частности о Мелконе Мелконяне. Хотя это противоречило правилам, решил первым делом зайти ко второму секретарю и пообщаться с ним. Когда вошел в кабинет, Пашинян поднялся, усадил его за стол и сам сел напротив.

– Гегам Барсегович, как, по вашему мнению, прошло совещание? – спросил он. Ему не терпелось услышать хвалебные слова в свой адрес.

– Прекрасно, Владимир Гегамович, лучше не бывает. Видели, как внимательно они слушали выступающих? Мне думается, наш народ уже истосковался по активным действиям, как вы считаете?

– Не торопитесь, придет время и для активных действий. Как думаете, может, снять этого выскочку?

– Еганяна? Ни в коем случае! Такие нам очень нужны. Мы живем в стране победившего социализма и уверенно

идем к коммунизму. Одним из главных критериев нашего общества является дружба народов, не так ли? Ведь где-то придется и нам говорить об этом. Нужно, чтобы человек, говорящий об этом, был убедителен, а для этого сам должен верить в то, о чем говорит. Для этой роли нам лучшего кандидата не найти. Кроме того, он ничего не решает, руководит районом, где большинство азербайджанцы, пусть будет. Наступит день – вместе с ними и его выбросим. Спешить не стоит. Каждому отрезку времени конкретные действия. Надеюсь, вы меня поняли, – улыбаясь заключил он.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. У вас в подобных делах неопределимый опыт, – согласился с ним Дарбинян.

Глава двадцать шестая

НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В КРУГУ ПОЧЕТНЫХ ГОСТЕЙ

Мы немного, кажется, забыли о нашем другом герое. Ничего удивительного для повествования и обидного для него в этом нет. Потому как историю творят великие или по меньшей мере негодяи, оказавшиеся по воле злого рока на месте великих. А тут, понимаешь ли, какой-то флотский мичман, а по старой терминологии – сверхсрочник, точно не гений и пока еще не негодяй, но имеющий все шансы стать им. Потом, истории известны имена немалого количества великих негодяев, особенно в двадцатом веке и еще более особенно в одной конкретно взятой стране, населенной одной шестой части земной суши, которая, противопоставив себя всему миру, решила построить счастье для народа. Эти негодяи так старались, что положили жизни миллионов ни в чем не повинных людей, чтобы осчастливить другую ее часть. Об этом наш герой знал еще со школы, из запретных записей Шамдан муаллима. К тому времени его представление о стране и политическом режиме состояло только из того, что ему удалось прочесть в школьные годы из записей старого учителя, ставшего жертвой своего времени. Что же прочитал он такого, что формировало его взгляд на окружающую действительность еще во время обучения в школе? По мере необходимости у читателя

будет возможность ознакомиться со всем, что касается прямо или косвенно нашего героя.

(Из записок Шамдана в воспоминаниях нашего героя).

Представители точных наук на основе математических выкладок доказывают (вероятнее всего, это и верно), что создание вечного двигателя невозможно. Будучи гуманитарием в своем образовании, мы не будем опровергать эту общенаучную истину, подойдем только со своей позиции. Во Вселенной есть субстанции, в единственном виде существующие независимо от чего-либо. Можно к этому отнести понятие Божества, но поскольку век наш атеистический и настроен враждебно ко всему вышеназванному, мы тоже не будем употреблять это выражение. Заменяем его на Высшую Вселенскую Силу. Мы хотели бы отметить, что представители точных наук подчеркивают невозможность создания вечного двигателя, не касаясь при этом вопроса его возможного наличия во Вселенной. (Может, мы ошибаемся в своем понимании данного утверждения, но излагаем свое видение, отраженное нашим сознанием и пониманием). Во все времена представители точных наук подвергались гонениям больше всех, каждое их открытие считалось мракобесием любой формы современности. Не исключено, что по этой причине они не касались вопроса возможности наличия вечного двигателя. Созданный Великой Вселенской Силой вечный двигатель есть и существует как независимая субстанция. Этим вечным двигателем является ВРЕМЯ. Оно работает безостановочно, неизвестно начало его работы, и мы не можем представить конца, не потреблять энергии. Движение времени происходит на уровне гораздо выше нас и нашего понимания, поскольку мы ограничены в своем мышлении со всех сторон (подчеркиваем, со всех сторон) границами материальными, то есть осязаемыми. Мы, применяя принцип примитивизации (упрощения) в своих умозаключениях, не будем в виду ограниченности во времени касаться вопроса

взаимодействия времени с другими объектами Вселенной, а рассмотрим только вопрос его условного соприкосновения с планетой нашего обитания, Землей.

Планета Земля совершает свой круговорот соответственно коротким временным интервалам. Происходит этот процесс «под наблюдением» Великой Вселенской Силы. В каждом отрезке времени у планеты Земля возникает конкретная потребность в том или ином явлении, событии. Для сотворения их Великой Вселенской Силой на Землю направляется корпускулярный временной поток, что есть в конечном итоге невидимая причина происходящих событий. Одновременно с этим откуда ни возмись появляется ЛИЧНОСТЬ, которая становится во главе происходящего. Если у вас возникнет вопрос к нам, какое имеют отношение эти умозаключения к конкретным странам, то мы ответим: самое прямое! Возьмем для примера два примечательных момента нашего двадцатого века – возникновение двух сторон одной медали. Медаль эта называется «человеконенавистничество», а две ее стороны – коммунизм и фашизм. Давайте посмотрим, под каким лозунгом пришли к власти большевики? «Экспроприация экспроприаторов», другими словами – «грабь награбленное». Сначала группой небесталанных подонков и негодяев (думаем, нет особой нужды назвать поименно ввиду очень широкой их известности; потом, сие занятие будет утомительно для всех) сочиняется сказка о счастливой жизни в условиях, когда, грубо говоря, можно есть до отвала, а потом уже, мягко говоря, можно и немного потрудиться (если, конечно, будет желание). Затем указывают на группу людей, своим трудом составивших себе благополучие, состояние и комфорт, объявляют их врагом массы и показывают конкретные методы действия.

Это мы в одном предложении изложили суть коммунизма. Теперь немного о фашизме, и затем попытаемся изложить причины зарождения почвы.

Фашизм возник на основе теории верховенства одной нации над остальными. То есть мы являемся высшей расой, нам негоже работать, а вот народы низшего пошиба нас должны обслуживать. Также родился лидер и повел народ за собой. Как мы видим, основу обоих мировоззрений составляет огромное нежелание работать, то есть получить все задаром и самое главное при этом – люто ненавидеть тех, за счет кого все дармовое получается.

Теперь о том, почему коммунизм возник в России, а фашизм – в Германии.

Излагая данную мысль, мы исходим из соображений, что любой человек, обитающий на территории Российской империи, пусть в малой доле, знаком с русским устным народным творчеством, иными словами, знает хотя бы одну народную сказку. Нам думается, что прочитавший эти строки индивидуум будет заинтересован или заинтригован и прочтет еще пару-тройку оных сказок. Мы уверены, что он непременно осознает тот факт, что во всех этих примерах устного народного творчества красной нитью проходит мысль о том, что благополучие достигается не путем усердного труда, а примитивным бездельем, иными словами – «халявой». Приносим извинения за слово «халява», оно тюркского происхождения, от слова «халва»; отметим, что это одно из немногих блюд, которое можно проглотить не прожевав, к тому же очень приятное на вкус. Для примера возьмите любую сказку: герой лежит на печи, и желания его сбываются по щучьему велению и собственному хотению.

Другой герой, будучи полным дурачком, получает в жены царскую дочь и полцарства в придачу. Третьему золотая рыбка дает все, четвертый обманывает медведя, отдавая ему то корешки, то вершки. Эта сказка открывает еще одну грань народного характера – верность слову или честность. Не будем приводить содержание всех известных сказок ввиду бесполезности одного занятия. Как вывод из вышеизложенного следует, что

сознание народа, сформированное на таких примитивных сказках, является благодатной почвой для заразного семени КОММУНИЗМА. Попадая на эту почву, даже полумертвая рассада получает пышное, изуродованное до невозможного развитие и распространяется невиданными темпами. Иначе как объяснить тот факт, что народ, готовый умереть за царя, буквально после нескольких выступлений коммунистических агитаторов повернул ружье против того, за кого готов был не щадить живота своего? Более того, возненавидел люто, настолько, что истребил все семейство, не делая исключения даже для ребенка.

Если ознакомитесь с содержанием немецких народных сказок, то вы откроете себе другой мир, где наиболее высокую оценку заслуживает ум героя. При умелой эксплуатации данной черты характера можно внушить народу мысль о его исключительности, что в итоге и привело к ФАШИЗМУ в Германии. Не останавливаясь подробно на анализе указанных явлений, можем отметить, что они приведут народы к большим трагедиям в масштабе всего человечества. Как коммунизм, так и фашизм – оба стремятся к мировому господству, и это непременно должно привести к развязыванию войны (февраль 1935 года).

За время службы на новом месте он прокручивал в голове эти и другие записи Шамдан муаллима и все больше убеждался: надо уйти, чего бы это не стоило.

Наступило первое число декабря, и формально дали старт новому учебному году в боевой и политической подготовке, а наш герой тем временем искал верный путь для досрочной демобилизации. Незаметно пролетел последний месяц года, и наступил уже календарный новый тысяча девятьсот семьдесят пятый год. Наш герой продолжал выкидывать различные «служебные» фокусы, чтобы его поперли со службы как можно скорее. Однако

номера не проходили, потому как Вольдемар (командир части Вадим Григорьевич) все сглаживал и, как говорится, спускал на тормозах.

Вершиной творчества, точнее, очередной вершиной в этом, стал поступок в новогоднюю ночь, когда поставили его дежурным по части. Новогодний вечер в части проводился в столовой, куда были приглашены девушки из «Химдыма» – так на местном жаргоне называли завод Дальхимпром, расположенный недалеко от части. Естественно, помимо приглашенных пришли и незваные гости, то есть местная молодежь. До поры до времени все шло нормально, пока не начала воздействовать водка, тайком пронесенная и выпитая как гостями, так и матросами. Постепенно начало происходить то, что является обычным при любых попойках: потасовки, перебранки и драки.

Наш герой, конечно, предвидел все это и даже смотрел сквозь пальцы на то, как проносят водку, то есть досмотр проводил не очень добросовестно, но к заключительным событиям подготовился, предварительно отобрав человек пять из крепких ребят – добровольцев для обязательного усмирения возможных буянов. На первых порах ребята справлялись, и все вроде было под контролем.

Отметим, что в такие дни дежурят еще офицеры. В ту ночь их было двое, но, походив немного в начале вечера, они куда-то исчезли, скорее всего, сами пошли отмечать праздник в каком-нибудь укромном уголке с избранными гостями. Постепенно события вечера начали разворачиваться все шире и выходить из-под контроля, герой наш ждал, чтобы спровоцировать нападение на себя, но вспомнил о заряженном пистолете вовремя. Сообразил, что ведь могут и отнять пистолет, а чем тогда все может обернуться, не хочется и представлять!

Толпа людей вперемешку: матросы, гражданские, девчонки – повалили на улицу на разборки, и он вместе с ними, там сумел отделиться от них и, видимо, вспомнил,

что обладает «командирским голосом», потому скомандовал: «Всем стоять на месте, военным и гражданским разделиться!», но понял, что бесполезно: никто и не думает слушаться его. Достал пистолет и произвел два выстрела в воздух. Толпа остановилась, тут помогли отобранные помощники, привели в чувство самых буйных матросов, и тогда остальные быстро отделились от общей массы. А в это время наш герой стоял с пистолетом, направленным на толпу. Какое было у него выражение лица, мы не знаем. Потребовал покинуть территорию части всех гражданских лиц мужского пола. Девчонки быстро сообразили, что к чему, и встали в отдельную группу. Парни же не хотели уходить и снова проявили агрессивность, снова последовали выстрелы, но на этот раз, можно сказать, поверх головы. Нервы парней не выдержали, они пустились наутек, и тогда наш герой осмелел и погнался за ними, производя время от времени одиночные выстрелы. Таким образом он выпустил одну обойму, перезарядил пистолет (вынул пустую обойму и вставил полную), вернулся в расположение.

К этому времени вышли из «укрытий» офицеры, и начались разборки. Всех донимал один вопрос: как отчитаться за стрельбу, ведь точно по голове не поглядят, потому как положено докладывать по инстанции вышестоящим дежурным службам. Выход нашел сам: предложил офицерам позвонить Вольдемару, снять его с дежурства, потребовать объяснительную и, пока он будет писать ее, ждать приезда командира. Согласились, и ему это было выгодно: нужно было, чтобы об этом первым узнал Вольдемар. Конечно, была допущена ошибка с его стороны, лучше было самому доложить вышестоящему дежурному, но ведь невозможно предугадать все.

По его мнению, это был самый короткий путь к увольнению из флота. Офицеры тут же по телефону доложили Вольдемару. Узнав о происшедшем, тот велел немедленно отправить за ним машину и вскоре прибыл

в часть, повел его в кабинет и потребовал рассказать все как было. После рассказа «восстановил» его на дежурстве, однако велел сдать пистолет. Поведение Вольдемара сильно расстроило нашего героя, видно было, что тот даже за это не хочет его увольнять, а точнее, выгнать со службы. Затем Вольдемар пошел вместе с ним в кабинет дежурного и начал докладывать по инстанциям. Суть доклада Вольдемара состояла в том, что наш герой не просто герой повествования, а самый настоящий герой. Оказывается, что группой неустановленных лиц был совершен налет на воинскую часть, возможно, пытались завладеть оружием, и что милиция уже подключена и работает в полную силу (конечно, пока это было неправдой, ни в какую милицию он еще не звонил, но не исключено, что думал об этом). При этих «жутких, полных опасностей» событиях дежурный по части не растерялся, сумел организовать личный состав части и дать достойный отпор толпе. Никто из личного состава не пострадал, правда, дежурному пришлось производить несколько предупредительных выстрелов из табельного оружия, то есть из пистолета.

Когда он говорил о выстрелах из табельного оружия, на том конце линии возникла гнетущая пауза. Наконец оттуда спросили о том, сколько было выстрелов, на что Вольдемар ответил гениально:

– Уточняем, товарищ дежурный по бригаде, сейчас соберем все гильзы и доложим. – Что еще спрашивал или говорил дежурный, было непонятно, потому как Вольдемар ушел в полную «отключку»: – Алло, алло, я вас не слышу, ничего не слышно! Вы меня слышите? Соберем гильзы и доложим, как положено.

Конечно, на том конце провода и на этом конце все было прекрасно слышно. Вольдемар не хотел, чтобы писали куда-то объяснительные, твердо знал, что, если немного потянет время, удастся все уладить. После этого позвонил в милицию, поставил в известность, однако

давал понять кое-что. «Уважаемые милиционеры, если не приедете, то мы не обидимся, хотите – вообще можете забыть об этом звонке». Оттуда последовал банальный вопрос: «Пристрелили кого или нет?» На этот вопрос Вольдемар бодро сказал, что никого не пристрелили, более того, все уже разбежались. После некоторой паузы стражи порядка в лице дежурного более чем лаконично выпалили: «Разберемся». Уточнив фамилию собеседника, он закончил разговор.

После этого Вольдемар резко встал, вышел из комнаты дежурного и велел нашему герою последовать за ним, а также поручил помощнику дежурного, чтобы тот нашел ответственных офицеров и направил их тоже к нему. Вскоре все собрались в кабинете у него и ждали взбучку. Почему-то Вольдемар нарушил уставную субординацию, то есть отчитал офицеров при младшем по статусу. «Отвесив» им солидную долю взбучки, отпустил их и взялся за нашего героя.

– Что, Реванов, в тюрьму хочешь сильно? Что за глупости вытворяешь? Думаешь, так тебя возьмут и уволят со службы? Ничего подобного, за такое, уважаемый, можно только под трибунал идти. Как меня понял?

Наш герой четко осознал, что его карты биты, ломать комедию – только себя позорить, и потому как можно не-принужденнее сказал:

– Понял вас очень хорошо, товарищ командир. Скажите, а что сделать, чтобы уволили?

– Ничего, отслужить и уволиться, – спокойно сказал Вольдемар. Возникла непонятная пауза, которую, видимо, никто не хотел нарушать. Наконец командир продолжил: – Я ведь знаю, что этих гражданских ты пропустил специально, и на пронос водки смотрел сквозь пальцы, и выждал до последней минуты, пока разгорится конфликт. Не подумал, чем бы все кончилось, не дай Бог, попал бы ты в кого-нибудь из них, если попытались бы они отнимать у тебя пистолет? Я не думал, что ваш народ

может подставить товарища. Отец мой в войну много встречался с твоими земляками, был хирургом в партизанском отряде, сначала у Сабурова, а потом у Ковпака, и там было много ваших. Отец говорил, что достойные, надежные люди были, верные слову. А ты меня подводишь, зачем так?

Наш герой не нашел, что ответить Вольдемару, и поэтому спросил:

– А что скажем милиции, если приедут?

– Не волнуйся, никто не приедет, там такие же разгильдяи сегодня, как и вы. А если и приедут, то навеселе, улажу сам, хода не дам делу. Зачем это нужно? Теперь иди, но на благодарность не рассчитывай, почешу свою репу, пусть бестолковка немного поработает. Тыква не для того, чтобы фуражку носить, – заключил Вольдемар.

Наш герой вышел из кабинета командира и направился в сторону помещения дежурного. «Да, сильно разозлился Вольдемар, если употребил все три слова из флотского жаргона в отношении головы». Отправил помощника отдыхать, а сам предался власти своих мыслей. Мысли были беспорядочные. Пытался найти ответы на вопросы, возникшие из созданной им же глупой ситуации. Конечно, проникся чувством уважения к Вольдемару, и вовсе не оттого, что, как тот выразился, «не даст делу хода», а из-за его отца. Потом, нашего героя можно было понять в его нежелании служить, дело в том, что был в этом не одинок. Несколько молодых офицеров и большая половина мичманов на то время горели желанием всеми правдами и неправдами драпать со службы. Это была просто атмосфера, и многие даже толком не могли объяснить причины желания ухода со службы.

Позже Вольдемар рассказывал, что под утро приехали из милиции (но почему-то дежурный, то есть наш герой, об этом ничего не знал, видимо, проехали прямо в штаб), сам поговорил с ними, и те отбыли довольные. Однако так и не рассказал, откроют дело или нет.

Никто нашего героя не тревожил, за исключением какого-то лейтенанта, который, прибыв в часть, подробно спросил его в присутствии Вольдемара о происшедшем. Фактически все вопросы задавал сам Вольдемар, а лейтенант только слушал и кивал головой, изредка задавая уточняющие вопросы. В вопросах, задаваемых командиром, закладывался и нескрываемый правильный ответ. Отметим, что с лейтенантом мы еще встретимся.

Прошло несколько дней. Разговоры об инциденте прекратились, чувство благодарности к Вольдемару у нашего героя постепенно начало таять и вскоре исчезло вообще. Его начало тянуть к новым «подвигам». Отметим, что он никогда не сидел и не размышлял, «что бы такое сотворить», у него все получалось спонтанно и от этого выглядело органически и естественно.

После Нового года приближался его личный праздник – день рождения. Он подходил к сослуживцам и приглашал их, при этом держали все в секрете от Вольдемара (конечно, это было глупо, потому как у командира на письменном столе под стеклом лежал список всех офицеров и мичманов с указанием даты рождения), чтобы не засунул его на дежурство.

Пронесло: в день своего рождения был свободен от нарядов. Конечно, он-то был свободен, но те, с кем планировалось проведение праздника, почему-то все разом оказались задействованными по разным служебным заданиям, а именно: двое на дежурстве по части, а один был отправлен в командировку на остров Русский. Да, Вольдемар был бы не Вольдемаром, если бы не придумал что-то оригинальное.

Под вечер, как было договорено заблаговременно, приехали девчонки из общежития фабрики «Заря», именуемого в народе как ЦДК – «центральный дом красоток», однако, сразу оценив ситуацию, тут же вчетвером повернули назад. Таким образом наш герой остался в гордом одиночестве. Немного посидев, все-таки накрыл на стол

в надежде, что вдруг кто заглянет. Никто так и не заглянул. Ходил по комнатам (занимал две смежные комнаты) и мучился от тоски: выпьет, закусит, немного посидит и все сначала. Зачем-то заглянул в шкаф, а там... Батюшки, да вот же гости!

Увидел фотографии нескольких членов политбюро, которые принес, когда шли ремонтные работы в Ленинской комнате, сам не зная зачем. Расставил фотографии по периметру стола, поставил перед каждым тарелку и рюмку или стакан. Наполнил все рюмки, за всех выпивал и закусывал. Дело пошло повеселее. Сколько продолжалось таким образом, сказать трудно, помнится только в один момент попрощался с «гостями» и пошел спать в другую комнату.

Проснулся оттого, что кто-то очень усердно барабанил в дверь, посмотрел на часы... «Ой-ой, пропал ты, парень, проспал службу в очередной раз, и, наверное, Вольдемар кого-то отправил за тобой». Судя по решительности стука в дверь, пришел к выводу, что не моряка отправил, потому как те скромнее ведут себя. Наверное, кого-нибудь из мичманов, даже, возможно, лейтенанта Титкина, с которым сложились особые отношения.

Кто же был лейтенант Титкин? Служил в части такой молодой лейтенант, начавший службу с ним в одно время, по фамилии Сысоев, с чьей-то легкой подачи прозванный Сиськиным, и вскоре ставший Титкиным. К этим фамильным преобразованиям наш герой не имел никакого отношения и потому к Титкину никак не относился, а тот почему-то его терпеть не мог. Ничего особенного между ними не было, только однажды наш герой назвал его Тыткиным, и когда тот потребовал извиниться, ответил, что у него акцент и произносить «Титкин» ему никак не удастся. Ничего другого между ними не было. Бывали случаи, что Титкин, как говорят, «строил» его, то есть требовал уставного взаимоотношения, однако такая затея заканчивалась с еще большим позором: наш герой подходил к нему строевым шагом

и, обращаясь к нему, громко произносил: «Товарищ лейтенант Тыткин, разрешите обратиться, мичман Реванов» – и, получив разрешение, спрашивал какую-нибудь ерунду. После второго случая лейтенант Сысоев – Сиськин – Титкин – Тыткин перестал «строить» его, но ненависть свою к нему с каждым днем взращивал и лелеял.

Поднялся с места, понял, что спал не раздевшись (видимо, или было никак, или некогда). Шатаясь подошел к двери, открыл... И глазам своим не поверил, потряс головой, еще раз посмотрел – нет, не ошибся... Перед ним стоял сам лично Вольдемар и не один, они были то ли втроем, то ли вчетвером. Он пытался сказать что-то вразумительное, но бесполезно, не смог связать трех слов. Сколько продолжалась эта сцена, трудно сказать. Наконец собрал всю силу воли в кулак и выпалил:

– Добро пожаловать, товарищи командиры! У меня день рождения, вот зашли друзья-товарищи, немного отметили. Проходите, – сказав это, отошел от двери.

Вольдемар прямиком прошел во вторую комнату и, зайдя туда, увидел оригинальную картину. Здесь уже у него истек запас слов. Прошло, наверно, полминуты или чуть больше. Наконец, если можно так выразиться, закричал тихим голосом:

– Что это такое? Ты что, в психушку захотел, дурак?

Число капитанов второго ранга начало уменьшаться, и наконец перед ним встал один, который тут же начал собирать фотографии, сложил все шесть или семь штук вместе, сам же нашел какую-то газету, завернул их и приказным тоном сказал:

– Сегодня из дома никуда не выходить, завтра сразу же после развода ко мне в кабинет!

Наш герой все еще находился в другом мире и никак не мог вернуться в реальность. Наконец промямлил второе предложение за сегодняшний день:

– Товарищ командир, согласитесь, ведь здорово же отмечать день рождения с такими достойными людьми?

Вольдемар еще раз посмотрел на него и спокойно, без официальности сказал:

– Завтра ко мне в кабинет с утра, вам ясно? Я обеспечу тебе, – видимо, от злости перешел на «ты», – общество достойных людей, можешь не сомневаться.

После этих слов направился к выходу. Наш же герой стоял на месте и пытался понять суть происходящего. Однако у него ничего не получалось, сколько бы ни силился. Наконец, когда увидел отъезжающую командирскую машину, сообразил: «Слава Богу, уехал». Немного постоял, ничего больше не мог сообразить, шатаясь подошел к кровати и упал на нее.

Наконец он проснулся и начал что-то соображать. Посмотрел на часы – стрелки показывали около пяти, только не мог понять, утра или вечера. Думал долго, насколько было возможно, затем сработала логика: «Какая к черту тебе разница, утро или вечер, если ты просто хочешь попить? Иди и пей!»

Поднялся, сделал три шага и из холодильника под инвентарным номером две тысячи сто с чем-то достал бутылку лимонада, в два приема осушил ее. Стало легче физически, и в голове появился просвет. Немного посидел на кровати, в голове света стало больше, и пошел во вторую комнату. Окинул взглядом стол и беспорядок на нем, обнаружил исчезновение фотографий и выдал: «Ну и алкаши, ушли – даже не попрощались!»

Затем начал вспоминать о Вольдемаре и о его грозном требовании «прибыть к нему в кабинет завтра с утра».

«Бог с тобой, Вольдемар, завтра так завтра, приду, а теперь не мешай спать», – подумал он и снова пошел к кровати.

Утром проснулся рано, с трудом рассчитал число месяца и вспомнил о приезде Вольдемара. Постепенно картина прошедших суток начала проясняться, вспомнил все, самое главное – «гостей», с которыми отмечал день рождения. «Теперь-то точно уволишь меня, дорогой Вольдемар», – сказал про себя.

Начал приводить себя в порядок, умылся, побрился. Аппетита не было, но через силу выпил стакан чая, вышел на улицу и поплелся в часть. Очень старался в тот день не опаздывать на утреннее построение. Почему-то не было настроения злить Вольдемара, и потом, хотя бы изредка надо приходиться вовремя.

Глава двадцать седьмая

ОТДЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ БУДУЩЕГО РОМАНА, ПОДСКАЗАННЫЕ ДРУЗЬЯМИ

Орхан Вересли оторвался от воспоминаний о приезде друга. У него созрел план работы, другими словами, уже знал, как будет писать новую книгу: сначала по-своему обработает весь предоставленный друзьями материал, зафиксирует каждую мысль до мелочей, а после все события выстроит в одну сюжетную линию. Конечно, прекрасно понимал, что события, факты, указанные Зорданом в предоставленных материалах, не то что далеки от истины, а чистой воды вымысел, и ссылаться на них – только себя позорить, и поэтому их нужно облачать в художественную хотя бы мини-юбку. «С чего начнем?» – подумал он и вспомнил, как Зордан, показывая ему отдельно скрепленные листки, говорил: «Алик, здесь рассказывается о зверствах тюрков на наших землях во время войны восемнадцатого года, когда героически сражался и дядя Мелкон. Здесь мы не указали название населенного пункта, потому как происходило такое повсюду. Сам можешь назвать, как захочешь». В ответ на это тогда хотел сказать: «Ладно тебе, сочинишь, так и скажи. Тоже мне, происходило повсюду. Может, и происходило, только с точностью до наоборот», но промолчал и поймал себя на мысли, что все время перед Зорданом молчит, ничего не говорит поперек, даже тогда, когда чувствует

свою полную правоту. «Населенным пунктом укажу родное село», – и с этими мыслями приступил к работе...

«Вот уже несколько дней как село Верес, где совместно проживали армяне и азербайджанцы, подвергалось обстрелу из разных видов оружия. Подразделение регулярной турецкой армии по неизвестным причинам откладывало захват села, хотя можно было осуществить это легко, потому как армяне не были вооружены, а азербайджанцы были готовы встретить их с распростертыми объятиями. Кроме того, они были вооружены, в отличие от армян. „Как только приблизились турецкие подразделения, их будто подменили“, – вспоминал впоследствии единственный чудом выживший армянин, бывший житель села, хромой Баграт. Ему еще в далеком детстве собака пастуха-азербайджанца разорвала сухожилие на правой ноге. С тех пор он хромал и ненавидел как азербайджанцев, так и их собак. „Вели себя высокомерно, в открытую говорили, что нам нужно бежать, пока не поздно, спасти свои никчемные жизни, не держаться за свои дома и прочее, потому как они все равно уже достанутся им. Мы им не верили, думали – шутят, ведь были же соседями, дружили домами“. Он с горечью вспоминал, как неблагодарные азербайджанцы издевались над тетей Асмик. Она жила одна, детей у нее не было, а муж погиб в войне 1905 года в Порт-Артуре. Так вот, эта тетя Асмик оказывала помощь жителю села азербайджанцу Мыртыг („беззубому“) Мыгдаду, который к тому же был немного не в себе. Каким образом тот оказался здесь, никто не знал, в селе у него никого не было родных. Наверное, ему было где-то лет двадцать пять или двадцать семь; все время ходил грязный, неподстриженный и не умывался никогда. Доверял только тете Асмик, та регулярно водила его к себе домой, приводила в порядок, кормила и потом только отпускала, а тот в свою очередь ходил по селу и пел песни собственного сочинения

в честь тети Асмик. Песни были глупые, но душевные, искренние, а эти твари-азербайджанцы сочиняли всякие небылицы о честнейшей и добрейшей женщине Асмик. Кто они после этого? Неблагодарные скоты и не более. Говорили нам, что, если не уйдем сами, нас убьют. Зря тогда мы не поверили им, этим далеким от человечности существам. Мы, первые христиане в мире, от которых берет начало цивилизация, не могли и представить, на что способны эти варвары, все еще находящиеся на ступени развития язычников. Далее Баграт рассказывал душевраздирающую историю трагедии армянского населения своего села.

На третий день ранним утром турки решились на штурм и, не встречая никакого сопротивления, вошли в село. Как позже стало известно, в село вошла только рота Редиф-бея, а три другие роты батальона держали село в окружении. Собрали всех жильцов села на площади возле храма, и Редиф-бей приказал разделиться армянам и азербайджанцам. После того как люди разделились, армян повели за храм и всех расстреляли. Чтобы остаться в живых, Баграту пришлось тогда прятаться под трупами односельчан-армян. Видимо, Бог сохранил ему жизнь для того, чтобы было кому рассказывать эту раздирающую сердце историю и засвидетельствовать бесчеловечное тюркское преступление. Потом Редиф-бей приказал азербайджанцам выкопать большую яму и закопать там тела армян. Трупы долго лежали за храмом. Азербайджанцы не сразу бросились выполнять приказ своего хозяина, турецкого офицера Редиф-бея, потому как были заняты разграблением домов армян. Ничтожные азербайджанцы только на следующий день взялись за работу, и только к вечеру второго дня все было сделано. Улучив момент, хромой Баграт бежал в лес и таким образом спас свою жизнь. После того как закопали тела армян, азербайджанцы продолжили мародерствовать, занимали жилища закопанных ими же армян, присваивали их имущество и угоняли скот,

тем самым показали себя с самой безнравственной стороны. С другой стороны, по-другому и не могло быть: чего можно ждать от потомков варваров Атиллы, Чингисхана, Тамерлана, Мехмета-завоевателя, Султана Баязида, Султана Селима и Султана Сулеймана? „Варвар, дикарь и есть дикарь“, – подытоживал этими словами свой рассказ хромой Баграат, единственный выживший на счастье всем армянам села Верес (может, даже не только для них, а для всего армянского народа). Видимо, в том, что выжил один хромой Баграат, было что-то необычное или, другими словами, Божье провидение. Баграта Он оставил как единственного свидетеля бесчеловечности тюрков. Мы все знаем, что когда-нибудь человечество повернется лицом к трагедии армянского народа, и тогда хромой Баграат донесет, пусть через воспоминания третьих лиц, но все равно донесет истину о трагедии всего армянского народа в масштабе одного села. Хромой Баграат выжил, чтобы стать вечным напоминанием тюркам об их бесчеловечности, стал символом армянского народа в его стремлении к жизни и вечным упреком тюркской бесчеловечности. У каждого поколения армян будет свой хромой Баграат, который продолжит историю своего народа».

Перепечатав текст, Орхан Вересли задумался. «Господи, что же я делаю? Позволяю помыкать собой этим бездарям и никчемным, мелкодушным людишкам. Они учат меня писать художественное произведение. На каком же повороте я допустил это? Хорошо, я хотел написать роман, достойный памяти мамы и дяди Мелкона, а это что? Неужто не понимают, что такую белиберду никто читать не будет, а если прочтет, то только смеяться будет? Символом надежды народа становится какой-то хромой, ну и ну. Что с тобой произошло, Орхан Вересли? Почему ты превратился в Алика?» – почему-то вспомнил Геродота Татевосяна, ведь тот к нему всегда обращался только по имени, никогда не называл Аликом, только Орханом.

Однако сомнения длились недолго; вернулся в приобретенную им реальность. «Ладно, будет тебе. Напиши, что просят, и параллельно пиши, что душе угодно. В конце концов, люди открыли тебе дорогу в мир. Запомни, Зордан – твой искренний друг. Кто тебе помог найти родного дядю? Нельзя быть неблагодарным. Потом, говорил, что в следующий приезд сообщит мне нечто очень важное – не только для него или для меня, а для всего нашего народа. Что же этакое интересное хочет сообщить? Наверно, то, что в Армении тоже возникают и процветают под видом различных кружков антисоветские студенческие объединения. Скорее всего, это. О чем же еще он может сообщить мне? Интересно будет послушать, как это там происходит. Здесь недавно раскрыли группу, которая занималась антисоветской пропагандой. Происходило это в стенах университета. Вообще-то, с этим не все ясно, вроде была сильная шумиха, а сейчас вроде и начало затихать. Может, на тормозах спустит новый председатель КГБ».

Он неожиданно перестал размышлять и оборвал сам себя словами: «Слушай, тебе это нужно? На кой тебе все это? Пишешь свои романы, повести или рассказы, так пиши. Не лезь в чужие дела, сами разберутся без тебя».

Глава двадцать восьмая

НОВЫЙ ХОЗЯИН МОГУЩЕСТВЕННОГО КАБИНЕТА

Гасан Алиев немногим меньше года как был назначен председателем КГБ по Азербайджанской ССР; через полгода после назначения ему присвоили звание генерал-майора. До этого работал первым заместителем, и потому трудностей в новом качестве не испытывал. Его предшественник, генерал-лейтенант Сергей Николаевич Цветов, готовил его задолго до своего перевода в Москву, о чем тот даже не догадывался. У них были дружеские отношения, знакомы были еще со времен войны, служили в одном полку: Цветов – начальником особого отдела, а Гасан Алиев был заместителем командира батальона по политической работе.

Дивизия попала в окружение и почти вся была уничтожена, только их полк с небольшой силой вырвался из окружения. Из старших офицеров они остались вдвоем. Из остатков полка Цветов организовал партизанский отряд численностью около четырехсот человек и назначил Гасана Алиева своим заместителем по политработе. Отряд сначала действовал самостоятельно, но позже установил связь с другими партизанскими отрядами, регулярными частями Красной армии и с центром. После установления этих связей работа пошла намного

эффективнее. Их отряд центр не стал сливать с другими группировками, дали им статус отряда особого назначения, получавшего задания только из центра. Относились они друг к другу с уважением и почтительностью; хотя и были друзьями, но панибратства между ними не было. Гасан Алиев строго соблюдал субординацию еще и потому, что Сергей Николаевич был старше его лет на десять. Тот тоже всегда обращался к нему по имени и отчеству – Гасан Алиевич.

Он сидел и вспоминал, как однажды Цветов «нарушил» принятые правила игры и обратился к нему по имени. Было это года четыре назад. Звонил телефон прямой связи с председателем, и когда поднял трубку, услышал: «Гасан, зайди, пожалуйста, ко мне». Удивлению не было предела; тут же направился к Цветову и застал его в прекрасном расположении духа. Он сидел за совещательным столом, обложенный папками, и читал какие-то машинописные бумаги. Увидев его, улыбнулся и предложил присесть. Алиев сел напротив и восторженно посмотрел на него. Цветов отложил бумаги и отодвинул папки, затем сказал:

– Слушай, я тут изложил в художественной форме свои воспоминания о войне, о нашей совместной службе как в полку, так и в партизанском отряде; только не могу придумать название, может, ты поможешь? Знаешь, я хотел сначала написать воспоминания, а потом передумал. Дело в том, что в них нет места размышлениям, мыслям, идущим не от головы, а от сердца. Потом, я, как-никак, филолог, надо же когда-то оправдать профессию. Имена всех участников изменены, кроме тебя, даже я сам под другой фамилией выступаю.

– Сергей Николаевич, за что такая высокая честь мне? Изменили бы и меня, – ответил Алиев тогда своему шефу.

– Нет, дорогой товарищ, кто-то должен отвечать за весь сюжет. Ладно, шутки в сторону. Как бы ты назвал такую книгу? – спросил он.

Алиев задумался и сказал:

– Вам же, видимо, нужно, чтобы было как от головы, так и от сердца, правильно я понимаю?

– Да, очень правильно понимаешь.

– В тылу у врага, на своей земле, – глядя в одну точку, произнес Алиев. – Эту фразу я запомнил с тех лет, когда совершали рейд по Белорусским лесам, её произнес один боец. Мне думается, верно сказано.

– Я эту книгу так и назову. Спасибо, Гасан.

Их беседа в тот день продолжалась долго, Цветов задал ему разные уточняющие вопросы. Затем такие беседы-воспоминания стали носить регулярный характер, но одно из последних приглашений было для него самым значимым, изменившим не только его, но и жизнь всей республики.

В тот день после совещания Цветов попросил Алиева задержаться и, когда все вышли, сказал:

– Ну вот и все, Гасан. Добро на твое назначение получено от председателя. Скоро поступит приказ сюда, и мы с тобой попрощаемся. Честно говоря, мне даже грустно: я полюбил эту страну, ее народ. Хороший народ у вас, добродушный, незлобивый, но, как говорят, приказы не обсуждаются, тем более в нашей конторе.

Алиев все это время, пока говорил Цветов, ничего не понимал, внимательно смотрел на него и, не давая ему договорить, спросил:

– Сергей Николаевич, о чем это вы? Поясните, пожалуйста, я ничего не понимаю. Какое прощание, какой перевод, что за назначение? Что за грустные тона такие?

Цветов посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

– Я перевожусь в Москву, на должность заместителя председателя, а ты будешь на моем месте. Пора ломать эту порочную практику. Председатель республиканского КГБ – не соглядатай Москвы. Сколько можно назначать русских на эту должность? Нужно выдвигать национальные кадры. Я почти год долдонил об этом в Москве

на каждом совещании; наконец меня услышали. Что же получается, на словах – союз равных свободных республик, а на деле – отношение, как к вассалам. Нельзя так, и без того мы далеко и не в ту сторону пошли от первоначально задуманного: при создании единого государства планировался союз государств в едином пространстве, а получилось нечто непонятное. Такое отношение в недалеком будущем вызовет протест у подрастающей национальной элиты. Дело в том, что наше поколение значения не придает, а молодежь будет реагировать остро. Я говорил об этом неоднократно, однако понимания не нахожу.

– Сергей Николаевич, как говорят, хуже ложной скромности – сама ложь. Спасибо за поддержку и выдвижение меня, также поздравляю вас с новым назначением. Рад за себя и за вас. Можете не сомневаться, оправдаю ваше доверие, – ответил ему Алиев.

– Знаю. Если бы не был уверен, не настоял бы на твоём назначении.

Его размышления прервал глухой скрип двери; вошел заместитель, полковник Виктор Андреевич Чередниченко.

– Гасан Алиевич, можно? У меня очень срочный разговор. Алиев поднялся из кресла.

– Конечно, пожалуйста, проходите, Виктор Андреевич. Что за вопрос такой срочный? – пожал ему руку, сели друг против друга. По выражению лица Чередниченко Алиев понял, что разговор будет серьезный.

– Вы слышали наверняка о событиях, происходивших во Львовском Высшем военном политическом училище? – спросил Чередниченко.

По роду своей работы будучи еще заместителем, учебными заведениями Алиев не занимался, это была «епархия» Чередниченко, и, зная о его ревностном отношении к своей работе, не решился «блеснуть» своей осведомленностью о событиях двухлетней давности во Львовском училище; потом, ведь наверняка есть

возможность узнать больше от первоисточника, потому и ответил:

– Если вы имеете в виду о неуставных взаимоотношениях между курсантами старших и младших курсов, то немного в курсе – так, поверхностно. А что такое, почему об этом вспомнили? У нас-то военных училищ нет. – Помолчав несколько секунд, добавил: – Пока нет.

– Нет, я не об этом. Этим занимается строевая часть, это не наша проблема. Я о том, что было организовано националистическое подполье, занимались пропагандой идеи независимости, шили себе форму УПА, приветствовали друг друга как воины Украинской освободительной армии, многие даже «зиговали». Теперь такие же идеи национализма докатились и до нас. В университете действует подполье националистического толка, как доложили наши оперативники. Как нам быть, Гасан Алиевич?

Конечно же, Алиев был в курсе того, о чем начал разговор Чередниченко. У них были очень хорошие отношения до назначения Алиева на должность председателя, но, как показалось ему после назначения, Чередниченко как бы стал отдаляться от него, вести себя более официально, нежели раньше.

– Нет, не в курсе. Расскажите, пожалуйста, подробно, в чем дело, – ответил ему Алиев.

– Прежде, я хотел бы внести ясность в наши личные взаимоотношения, а потом говорить о делах служебных, – и, не давая ответить Алиеву, продолжил: – Вы зря от меня отстраняетесь или опасаетесь. Каким я был, такой и есть, и мое доброе отношение к вам не изменилось и не изменится, если вы не захотите. Я на ваше место не претендовал, более того, очень хотел, чтобы заняли это место вы. Спросите почему? Потому что меня оскорбляет до глубины души, когда не доверяют мне – точно так же, как когда не доверяют человеку, к которому я отношусь с уважением. Здесь же речь шла даже не о доверии к конкретному человеку, а к целому народу. Избирательность

в отношениях центра с окраинами ни к чему хорошему не приведет. Я, конечно, давно бы перевелся куда-нибудь в областное управление начальником, но не хочу. Потом, как же я покину вас? Неизвестно еще, кого пришлют на мое место. – Далее, перейдя на «ты», он продолжил: – Гасан, ты плохого не подумай. Раньше мы были на «ты», теперь я обращаюсь только на «вы» – не хочу кривотолков. Да, что касается дела, о котором я говорил, пойдет как надо. Там твой земляк руководит ими, Абульфат Алисой, кандидат филологических наук. Сделали инсценировку поэмы Шекинского «Туркменчай». Все в порядке, нормальные, умные, грамотные юноши и девушки. Знаешь, не зеркало надо разбивать, а физиономию поправить надо. Ребята просто любят свою родину и хотят немного свободнее дышать, ничего лишнего.

– Кто ведет, и по какой статье возбуждено дело? – спросил Алиев.

– Пока оперативная разработка, ведут старший опер Ахмедов и оперативник Королев.

– Хорошо. Надеюсь, все будет под твоим контролем.

– Можешь быть уверенным. Я, собственно говоря, уже разобрался, вчера разговаривал с ними, а на сегодня пригласил Алисою. Хочу познакомиться с ним ближе. Судя по разговорам наших, довольно интересный человек.

– Ну что же, занимайся тогда. Если будут проблемы, обращайся немедленно, я себе тоже помечу. Потом расскажешь все, не нужна нам шумиха по такого рода делам, и самое главное – ребят жалко, поломают им жизнь и чего добьемся? Поговори, поправь мысли в голове им, и, думаю, достаточно будет.

Они попрощались. Чередниченко вышел в коридор, направился к своему кабинету. Взглянул на часы – время уже поджимало. «Не успею, наверное, пообедать: скоро два, и ко мне должен прибыть Алисой. Ладно, не впервой, вечером обед совместим с ужином дома», – подумал он и пошел к себе в кабинет, подошел к журнальному

столику, сел в кресло, начал листать журналы и, пролистывая их, думал о своем. Вспоминал молодость, как впервые попал в этот город. Таким образом он готовился к предстоящей встрече. Думал также о своих подчиненных: «Да, приткие ребята, но нельзя слишком отпускать их вожжи: наломают дров на ровном месте; не хочется вспоминать известную пословицу (тем более говорить им вслух) о том, что если заставить кого-то молиться Богу... Нет, не надо произносить».

Глава двадцат девятая

РАЗГОВОР НАКАНУНЕ

За неделю до беседы с председателем Чередниченко встретился со своими подчиненными – старшим оперуполномоченным Ахмедовым и оперуполномоченным Королевым, которые сами попросили срочно принять их. Войдя в кабинет, начали взахлеб, перебивая друг друга, рассказывать о раскрытии ими в Азербайджанском государственном университете имени Кирова сети глубокого подполья националистической направленности, и, по имеющейся у них оперативной информации, руководителем центра был молодой кандидат наук Абульфат Алисой.

Чередниченко успокоил их, усадил за стол, сам сел напротив и попросил подробно все изложить – пока в устном виде. Начал Ахмедов:

– Вы, наверно, помните: примерно полгода назад в университете состоялась конференция с участием представителей учебных заведений некоторых восточных стран, в том числе из Ирана.

– Конечно, помню.

– Из Ирана было несколько человек, и все из Тебриза.

– Это пока ни о чем не говорит, ну и что?

– А то, что этот Абульфат Алисой от них не отходил ни на шаг, а в своем выступлении говорил о разделении азербайджанского народа, о стремлении их к объединению. Мы это расцениваем как прямой призыв к выходу Советского Азербайджана из состава СССР.

– Откуда у вас информация? Источник можете назвать, если не секрет, конечно? – улыбнулся Чередниченко.

– Нет, конечно, не секрет. Преподаватель университета, писатель Орхан Вересли.

– Он что, наш негласный сотрудник? Ребята, вам не кажется, что перегибаете палку? Есть же инструкция, с творческими людьми нужно быть предельно внимательным. Фактически запрещено использовать их в качестве негласных агентов.

– Сотрудников, товарищ полковник!

– Ладно тебе, Ахмедов, агент есть агент, как ни называй. Говорите по делу.

– Сразу после этой конференции к нам обратился писатель Орхан Вересли; никакой он не агент, как выразились вы, а просто человек с активной гражданской позицией. Рассказал обо всем подробнейшим образом; заинтересовались, начали наблюдение, и фактически подтвердилось все, о чем поведали. Абульфат Алисой – филолог, арабист, но изучил еще персидский и турецкий языки. Ведет кружок в университете, занимаются изучением в основном азербайджанской литературы девятнадцатого и начала двадцатого века, активно изучают и распространяют запрещенных поэтов и писателей.

Все это время говорил только Ахмедов, а Королев молчал и иногда, чтобы отметить свое присутствие, кивал головой. Наконец и он включился в разговор:

– Товарищ полковник, они создали спектакль на основе поэмы Шекинского «Туркменчай» и показывали на различных студенческих мероприятиях.

– Эта поэма что, за границей издана? Автор – иностранец, или я чего-то не понимаю? Поэта Шекинского я знаю. Что вас смущает?

– Поэма его была напечатана в газете «Железнодорожник», а когда сообразили, изъяли весь тираж номера.

– Я не знаю, что за газета. Где она издается? И кто распорядился об изъятии номера?

– Издаётся в Акстафе, орган железнодорожного узла Акстафинской станции. Об изъятии номера распорядился начальник районного управления, предварительно связался с нами, мы одобрили его намерение. Видите, как вышло: все-таки поэма пошла в массы.

– Очень интересно получается, за моей спиной решаются такие важные вопросы, а я узнаю об этом спустя чуть ли не полгода. Хорошо, к этому вопросу мы еще вернемся и разберемся. Пока расскажите, что конкретно противозаконное совершил этот филолог? Как его фамилия?

– Абульфат Алисой, товарищ полковник. Мы уже доложили: высказывания националистического характера, пропаганда запрещенных писателей начала века. Добровольное вхождение Советского Азербайджана в состав СССР подает как оккупацию. Распространяет идеи Азербайджанской демократической республики, воссоединения с Южным Азербайджаном. На занятиях кружка рассказывает о репрессиях тридцатых годов. Пока нам не удалось установить, из каких источников получает данные, но приводит конкретные цифры о числе репрессированных.

– Какие же цифры он приводит?

– Чуть ли не около ста тысяч – только на тридцать седьмой и тридцать восьмой годы. Говорит о посписочном истреблении мусаватистов. Это еще не все, самое главное – утверждает, что репрессии против азербайджанского народа начались сразу же после оккупации, как он выражается, Азербайджана Красной армией. По его утверждению, в первые дни установления советской власти в Азербайджане была уничтожена вся военная элита. В первый же день оккупации (не моя фраза, товарищ полковник) были арестованы двадцать генералов и старших офицеров, вывезены на остров Наргин и расстреляны.

– Самое страшное, товарищ полковник, в его деятельности то, что в искаженном свете подает историю взаимоотношений армянского и азербайджанского народов. Трагические события восемнадцатого года им подаются

как геноцид азербайджанского народа, организованный большевиками и дашнаками во главе со Степаном Шаумяном. Спрашивается, зачем ворошить прошлое? Приплетает непонятно для чего Андроника, Дро и прочих. Вы представляете, до чего он договорился? Выдающихся деятелей коммунистической партии Советского Союза – Шаумяна и Микояна – называет главными организаторами резни восемнадцатого года. Да, была резня в Баку, Шемахе, Губе, Гяндже, Карабахе. Ну что? Зачем рассказывать об этом сейчас и взволновать неокрепшие умы молодых ребят? А сколько хорошего сделал товарищ Микоян для нашей страны! Хочу отметить, что напрочь отрицает победу интернационализма в нашей стране. Моя семья как яркий пример интернационализма. Бабушка моя по матери была русская, и жена русская, что тут такого?

– Ничего, Ахмедов, все отлично, и я очень рад, что ваша семья является ярким примером победившего интернационализма. Пожалуйста, расскажите, как вели разработку объекта.

– Мы сначала вели наблюдение, но ничем особенным себя не выдает, прямо ангел небесный, божий одуванчик, а на деле – ярый антисоветчик. Были у него на работе, провели осмотр кабинета.

– Вы что, как это? Провели обыск без ордера?

– Никак нет, товарищ полковник, никакого обыска не было: когда были у него, сам предложил осмотреть кабинет, мы и воспользовались случаем. До этого один наш сотрудник, из числа его студентов, был у него дома по нашему заданию.

– И что же вам удалось узнать интересного?

– Кроме книг, у него ничего нет. Дома вся классика азербайджанской литературы, много турецких авторов – как современники, так и классики. Книги на арабском языке, собственные записи; пожалуй, и все.

– Можете назвать некоторые книги, которые видели сами лично у него в рабочем кабинете?

– Конечно: произведения Ахундова, Сабира, Гусейна Джавида, однотомник Шекинского – одним словом, все книги такого порядка. Из русской литературы – Кольцов, Жуковский, Бестужев (Марлинский), Достоевский, Толстой, Фет, Салтыков-Щедрин, Ильф и Петров, Булгаков и другие. Также были книги известных западных авторов и украинской классики в русском переводе. Почему-то нет у него Пушкина. С первого взгляда ни к чему и не придерешься.

– Книги каких украинских авторов были у него?

– Шевченко, Леся Украинка, Григорий Сковорода, Петр Могила, Гоголь и, по-моему, все.

– Нет Пушкина – значит, не любит. За это еще никого не судили, надеюсь, и не будут, а вам и не нужно придирааться. Не знаю, что донес вам этот ваш писатель с активной гражданской позицией, судя по вашим рассказам, я пока ничего особенного, заслуживающего нашего внимания, не вижу, а все, что рассказали вы, требует доскональной проверки. Скажу вам больше: чаще мы сами виноваты, что возникают такие кружки и такие руководители кружков – божьи одуванчики. Конечно, будут возникать такие кружки, когда история преподается по шаговому принципу: одно говорим, другое пропускаем. Я сам приглашу его к себе и побеседую с ним, после посмотрим, какие меры можно принять. Теперь, пожалуйста, можете идти, работайте по своему плану.

Все трое поднялись с места, Чередниченко пожал обоим руку, и они направились к выходу. Немного прошлись молча. Наконец Ахмедов нарушил молчание:

– Ты что-нибудь понял из разговора с начальником? Я лично понял, что он симпатизирует этому антисоветчику, врагу нашей страны, и надо что-то предпринять!

– Слушай, давай выражайся поаккуратнее, не кидайся словами! И вообще, о чем ты?

Они уже дошли до кабинета Ахмедова и зашли внутрь. Ахмедов продолжил:

– Я о том, что надо взять этого так называемого филолога за гриву, доставить к нам, и через три дня он во всем признается.

– В чем ему признаваться? Может, яснее скажешь?

– В своей антисоветской деятельности.

– А в чем заключается его антисоветизм? Он что, призывает к свержению советской власти или поднимает вооруженное восстание? Или открыл филиал «голосов» или «волны» здесь и днями-ночами вещает против нашей страны? Что ты ему предъявишь? Что в своем кружке рассказывает об исторических событиях, не освещенных в учебниках? Все в нашей истории не так просто, очень много в ней темных углов. А про твоих двадцать шесть комиссаров в том числе и о Микояне лучше я помолчу.

– Что ты этим хочешь сказать?

– А то, что мой отец, царство небесное ему, – при этих словах перекрестился, – был историком и долгое время работал в архиве ЦК КПСС. Так вот, однажды с каким-то своим другом пришел домой. Я был дома один, где была мама, не помню. Делал уроки, учил балладу Есенина о двадцати шести. Поинтересовались, чем я занимаюсь «интересным», и прошли в кабинет отца. Дверь моей комнаты была открытой, и они неплотно закрыли свою дверь. Четко помню слова отца: «Забивают голову детям всяким враньем; были они еще теми негодьями, коих свет не видел, а про Анастаса промолчу лучше: о его подлостях можно отдельную книгу писать». Я больше ничего не услышал, дверь закрыли наглухо. Не знаю, почему отец так сказал, но с тех пор это произведение я называю «Баланда о двадцати шести».

Видимо, не находя в Королеве единомышленника, Ахмедов решил уйти от темы и сделал это с «двойным выстрелом». Улыбаясь спросил у Королева:

– Ты что, крестишься?

– Я некрещеный, но все-таки христианин, и у нас так принято делать при упоминании о покойниках. Так что будь спокоен, товарищ, я коммунист.

Оба громко посмеялись, пожали руку друг другу. Королев вышел из кабинета и направился к лифту.

Когда Ахмедов и Королев вышли из кабинета, Чередниченко встал с места и начал медленными шагами ходить по огромному кабинету от одной стены до другой. Размышлял над тем, что рассказали ему его подчиненные. Его больше занимало не содержание рассказанного, а тон, каким рассказывали эти, впрочем, еще достаточно молодые люди, их стремление к «кипучей, бурной» деятельности. Откуда у них такое рвение уподобиться палачам тридцать седьмого года? Особенно Ахмедов. Вроде до этого у них пути не пересекались, тогда почему так рьяно старается? Говоря жаргоном, хочет упрятать этого ученого? Да, надо серьезно разобраться в этом вопросе, только потом можно будет выходить на председателя.

Подошел к столу, взял трубку и попросил помощника соединить его с ректором университета. Не прошло и полминуты, как из трубки донеслось: «Я слушаю вас». Чередниченко поздоровался, представился и попросил ректора содействовать прибытию в республиканское управление КГБ преподавателя университета, кандидата филологических наук Абульфата Алисоя, и добавил, что просьба носит частный характер и важно передать ее как можно корректнее. Ректор пообещал, что обязательно передаст, спросил, когда лучше тому прибыть в управление, на что Чередниченко ответил: «Если можно, то завтра во второй половине дня».

– Хорошо, не беспокойтесь, Виктор Андреевич. Нельзя ли поинтересоваться, что за вопрос?

– Можно сказать, личная беседа, ничего особенного. Он же у вас востоковед, некоторая консультация нам нужна, думаем, он лучше всех подойдет.

– Все ясно, передадут ему, не беспокойтесь.

Потому как они с ректором были знакомы достаточно близко, телефонный разговор выглядел как дружеская беседа.

Глава тридцатая

ВЫЗОВ В КОНТОРУ

Чередниченко только сел на свое место, взял свежий номер «Известий» и начал листать, как позвонил дежурный по управлению и доложил:

– Товарищ полковник, к вам просится преподаватель университета Абульфат Алисой. Ваше приказание?

– Не он просится, а я его просил зайти. Оформите, пожалуйста, пропуск, и пусть помощник проводит товарища ко мне.

– Есть, – донеслось с другого конца линии.

Прошло немного времени, как дверь в кабинет открыл помощник дежурного по управлению и только хотел приложить правую руку к козырьку фуражки, как Чередниченко махнул рукой и сказал:

– Спасибо, пригласите. Вы свободны.

Помощник, несколько расслабившись, вышел из кабинета и, обращаясь к ожидающему в приемной Абульфату Алисою, сказал:

– Заходите.

В кабинет вошел худощавый, высокого роста молодой человек с густой черной шевелюрой. Чередниченко поднялся навстречу, протянул руку и представился:

– Я полковник Чередниченко. Можете обращаться ко мне по имени и отчеству – Виктор Андреевич.

Показал гостю на место за совещательным столом и сам сел напротив. Несколько секунд промолчал, продолжил:

– Абульфат муаллим, я вас пригласил для уточнения некоторых вопросов. Как говорится, лучше самому один раз увидеться и поговорить с человеком, нежели послушать десяток разных людей.

– Ну да, конечно, я понимаю. А вы что, поставили десятки людей следить за нами? Неужели мы такие страшные? И, собственно говоря, что мы такого сделали? Было бы за что, не так обидно было бы.

Чередниченко понял, что собеседник настроен агрессивно и разговор не получится, поэтому решил сменить тему и, более того, никакой реакции на слова Алисоя не проявил и как ни в чем не бывало спросил:

– А вы чем занимались? Извините, судя по вашему росту, думаю, или баскетболом, или же волейболом?

– Да, вы правы: занимался волейболом, за университетскую команду играл, пока учился. Сейчас так, любительски хожу в спортзал, и то нерегулярно. Когда играл, ездили по многим городам – не только республики, даже по стране.

– Я тоже в прошлом спортсмен, баскетбол – моя стихия. Также за университет играл, а потом и за сборную Киева. Вот тогда и полюбил ваш город, приезжали на соревнования. После окончания университета приезжал на отдых.

– Вы, выходит, закончили гражданский ВУЗ, а как же сюда попали? Нет, извините, вопрос лишний.

– Нет-нет, все в порядке. Да, закончил университет в Киеве, исторический факультет, потом там же аспирантуру, защитил кандидатскую, как и вы, и там же преподавал. Не получилось избежать годовой воинской службы, там предложили переходить на службу в органах, я согласился. Год учился в высшей школе и был направлен к вам. Честно говоря, сам попросился.

– Чем же понравилась вам наша республика?

– Я вашу страну полюбил за доброту ее людей. Еще в студенческие годы бывал не только в Баку, но и в Сумгаите, и в Гяндже, в смысле в Кировабаде.

«Так, это что-то новое – услышать от полковника КГБ слово „Гянджа“. Наши не произносят его, разве что Рашид Бейбутов в своих песнях. Довольно интересно, к чему бы это? Ладно, поглядим, посмотрим, что ему надо. Как говорят, поживем – увидим», – подумал Алисой, стараясь не выдавать своего удивления. Тем временем Чередниченко продолжал говорить.

– У вас народ добрый по отношению к другим. Действительно, вы очень гостеприимный народ.

– Ну да, мы свое гостеприимство показывали, а нас за это били.

– В чем же это проявлялось?

– Что? Наше гостеприимство или битье нас?

– Нет, не гостеприимство, об этом я больше могу рассказать, нежели вы. Давайте поговорим о втором.

«Так, разговор выходит в нужное русло, но не будем топиться, а то спугнем птичку», – подумал Чередниченко.

– Давайте. Вы историк, я филолог-арабист. Вы лучше меня знаете историю захвата Азербайджана Российской империей. Почему-то оккупация, насильственное разделение целого народа выдается за добровольное присоединение. Кстати, это не только нашего народа касается, и ваш народ так же был присоединен, и все другие народы. Какой же был договор между Богданом Хмельницким и царем Алексеем Михайловичем? Это был договор, говоря современным языком, о военном сотрудничестве, наподобие нынешнего НАТО или Варшавского договора, даже больше походило бы на НАТО, потому что во втором не очень равные отношения. А во что превратили его? В чистую оккупацию. Можно приводить в пример другие народы. Судьбы этих народов очень похожи – как после «добровольного присоединения», так и само присоединение. Возьмите чувашей. Это тюркский народ, его принудили принять православие. А что с казаками творили? Слово «казах», или «казак», или азербайджанский «гачаг» – это одно и то же, означает «свободолюбивый, вольный».

Казахи – это половцы, их истребляли вплоть до девятнадцатого века, тоже хотели как их, так и татар заставить принять православие, как чувашей. Но они приняли ислам и таким образом ушли от насильственной христианизации.

– Татары приняли ислам гораздо раньше, не в девятнадцатом веке.

– Здесь важна суть: они тоже приняли ислам, чтобы избежать насильственной христианизации.

– Хорошо, Абульфат муаллим. Я как историк могу принять ваши доводы, с некоторыми могу поспорить, но все это в прошлом. Наш великий вождь Ленин Российской империю называл тюрьмой народов, то есть наша партия признает ваши доводы. Теперь-то у нас совсем другое время.

– Признает? Почему же тогда об этих фактах истории ни в одном учебнике ни слова не сказано, более того, все исторические события искажаются?

– А вы на своих занятиях в кружках пытаетесь восстановить историческую правду, верно понял вас?

– Занятия веду согласно программе, за ее рамки не выхожу. Что касается кружков, то там у нас свобода мнений, идет обсуждение исторических событий, другими словами, обмен мнениями.

– Как я понял вас, на занятиях вы своим студентам рассказываете какой-то материал, а потом уже на занятиях кружка тем же студентам вы говорите: «Все, что было на занятиях, забыть, а вот сейчас услышите правду!» Верно?

– Нет, неверно. Я говорю проще и честнее: кроме существующих, есть еще другие точки зрения. Какое, например, ваше отношение к такого рода мнениям? Они высказываются. Не более того. По-моему, думать людям не запрещено. Или уже есть указание, а мы ничего не знаем?

– Давайте без сарказма. Никто никому не запрещает думать. Только не нужно дискредитировать наши достижения, они есть и бесспорны.

– Знаете, в шестьдесят первом году я учился на последнем курсе университета, когда услышали о полете Гагарина. На всех курсах были сорваны занятия, все высыпали на улицу: студенты, преподаватели, даже уборщицы. Все обнимались, целовались, поздравляли друг друга. Конечно, некоторые хулиганистые ребята злоупотребляли моментом, много было лишних поцелуев с девчонками; те, между прочим, тоже были не против. Где вы видите дискредитацию достижений науки?

– Советской науки.

– Извините, я слаб в точных науках, но кое-что помню со школы. Что, уже есть советский закон Ома, или советская теорема Пифагора, или советский закон Архимеда?

– Иронизируете опять?

– Нет, никакой иронии, просто отвечаю вам и в вашем лице всем тем, которые везде вставляют слово «советский», к месту или не к месту. Теперь пару слов о человеке, которого вы упомянули выше, о вожде мирового пролетариата. Так вот, этот вождь, говоря о Российской империи как о «тюрьме народов», сам преобразовал ее в концлагерь для народов. По-другому никак нельзя говорить.

– Вы отдаете отчёт своим словам?

– Вполне. Достаточно внимательно читать его произведения, и у любого средне образованного человека возникнут такие мысли. Если вы меня посадите за эти слова, то я быстро докажу свою правоту. Хотите, сейчас вам покажу отдельные отрывки из его произведений? Вижу, у вас есть чуть ли не все тома его. Можно взять?

После этих слов он хотел было подняться с места, однако собеседник его остановил:

– Не стоит. Вы мне скажите, что лично вас не устраивает в нашей сегодняшней жизни. Люди работают, получают гарантированную зарплату, квартиру бесплатно, медицинское обслуживание, бесплатное образование и другие социальные гарантии. Все это дает нам и лично

вам наше государство. Не так ли? Почему вы идете против курса развития страны?

– Формально вы правы. Но хочу заметить, что неправильно ставите вопрос: мы никогда против государства или партии ни одного слова не произносили, ни одного, об этом вообще не говорим. Говорим об истории и о том, как литература конкретного периода отражала события ей современные, пытаемся дойти до истины. Не помню автора, кто-то из восточных говорил: «Не тратьте сил и времени на то, чтобы доказать лживость лжи. Не докажете, ибо ложь многолика. Вы найдите истину и просто покажите ее. Вот тогда лучи истины испепелят ложь». Вы, конечно, можете мне не ответить, но осмелюсь задать вам один вопрос: почему же наше «самое справедливое» государство прячет или искажает собственную историю? Значит, что-то не так, правильно я понимаю?

– В чем выражается, как заметили вы, искажение истории?

– Во всем. Если идти немного вглубь исторических событий, то вся история с начала Российского и потом Советского периода переиначена, другими словами, извращена. Я не буду говорить за другие республики, только за свою. Наверное, вам известно, что в Азербайджане существовала Азербайджанская демократическая республика, и в двадцатом году она была свергнута; мы были включены в состав СССР. Об этом есть малейшее упоминание хотя бы в одном учебнике?

– Почему вы говорите, что об этом в учебниках ничего не написано? Все есть, азербайджанский народ сделал свой выбор и добровольно вошел в состав СССР. Если бы это не произошло, то здесь и во всем Закавказье господствовала бы Турция. Что тогда?

– Начнем с того, что в то время Турция спасла наш народ от армянского террора. Нас бы уничтожили полностью шаумяновские отряды.

– Вам не кажется, что перегибаете палку? Будьте аккуратнее в формулировках.

– Я отвечаю за достоверность каждого слова, произнесенного мной, говорю только на основании документов. Вы не сможете: или нет документов, или они просто искажены, и поэтому их не показывают. Что касается, как вы сказали, господства Турции в Закавказье, то его бы не было никогда. Что ей господствовать над нами, если мы один народ?!

– Вы клонитесь в сторону пантюркизма.

– В Иране живут около тридцати миллионов, говоря по нашей привычке, азербайджанцев. Они себя идентифицируют как турки. Мы говорим с ними на одном языке, обычаи, традиции одинаковы, у нас единая история, культура, литература. Как же получается, что мы разные народы? Потом, как появился термин «азербайджанец», вы знаете не хуже меня. Думаю, если я буду рассказывать вам эту историю, могу оскорбить вас.

– Нет, эту историю я знаю. Вы не уходите от ответа.

– Я не ухожу. Желание знать свою историю и привить любовь к своему народу своим студентам – не пантюркизм.

– У нас есть сведения, что вы занимаетесь антисоветской агитацией, сеете межнациональную рознь, даже русский народ называете оккупантами.

– Насчет антисоветизма я уже говорил: бесполезно бороться с ложью. Ни на занятиях кружка, ни на лекциях я не произнес ни единого слова, которое могло бы рассматриваться как антисоветская агитация, более того, я своих коллег остерегаю от этого. Ваш советизм отомрет сам по себе. Что касается сеяния межнациональной розни, то скажу вам вот что: я очень люблю свой народ и никогда не пойду против его традиций, среди которых одной из главных является терпимость и трепетное уважение к традициям и обычаям других народов. Вы знакомы с нашей литературой, сколько там можно приводить примеров, где воспевается любовь азербайджанского юноши к девушке другой национальности или вероисповедания. Что касается оскорбления русского

народа, то и это не верно. Дело в том, что есть государство Российское, которое в начале восемнадцатого века отправило свои войска на мою страну и действительно оккупировало ее; дело не в русском народе. Русский народ сам в неменьшей степени страдал и страдает от своей государственной машины. Вы историк, если я начну рассказывать об этом, думаю, нанесу вам оскорбление. Возвращаясь к вашей реплике, скажу только одно: мой народ с благодарностью помнит имя Алексея Осиповича Черняевского. О нем во всех учебниках написано у нас. Он педагог, просветитель. Его именем названы школы, улицы в Баку и на его родине – Шемахе. Он автор учебника грамматики азербайджанского языка – кстати, первого учебника. Мы никогда не забудем его, и уважение к нему перейдет от поколения к поколению. А вот попутно хотелось бы заметить, что имя профессора Санкт-Петербургского университета Мирзы Казим-бека забыто давным-давно. А ведь был организатором и первым заведующим кафедрой востоковедения. Надеюсь, мне удалось довести до вас то, как мы относимся к русскому народу и вообще ко всем народам. У нас нет чувства вражды или неприязни ни к кому.

– Что касается Черняевского, я о нем знаю. Живу на улице, носящей его имя, и сын ходит в школу, которая носит тоже его имя.

– А на улице Мирзы Казим-бека никто не живет, потому что нет такой улицы нигде, в том числе и в нынешнем Ленинграде.

– Я понимаю ваш упрек, но эти же ленинградцы в сорок первом году, в блокаду, провели юбилей Низами Гянджави – под артобстрелами, под бомбежками. Поэтому, думаю, ваш упрек преувеличен. Наша партия уделяет особое внимание духовным и культурным ценностям народов окраин, заботится о сохранении их.

– Ну да, конечно. Некогда центр Шелкового пути, арена важнейших исторических событий и военных

действий, стал окраиной коммунистической державы. Славный путь развития, ничего не скажешь! Что касается проведения юбилея Низами в тех условиях, это объясняется несколькими причинами. Первую вы уже косвенно назвали, напоминая об этом, – пропаганда, а вторая – экономия средств, то есть не тратиться. Низами – величина мировая, а Мирза Казым-бек – конкретная. Сколько в Азербайджане улиц, школ, носящих имя, скажем, того же Пушкина? Очень много. А в России ни одного упоминания о Низами. Скажите, пожалуйста, как тогда не говорить об этом? Знаете, по большому счету меня нисколько не волнует, есть улица имени Низами или Казим-бека где-нибудь в российской глубинке или, как выразились вы, на окраине, не важно. На это я смотрю так: многие звезды мы не видим не оттого, что они слишком маленькие, а потому, что слишком высоко расположены.

– Когда наши товарищи были у вас в кабинете, они увидели среди книг наряду с многими авторами и украинских. С чем это связано?

– Мне это интересно. Хочу иметь более полное представление об этом народе. Что говорил Толстой, не помните? Он говорил, что все угнетенные или оккупированные народы несчастны одинаково, а был прав, между прочим.

Полковник Чередниченко пытался сдержать смех, ему это не совсем удалось, и он продолжил:

– Ну, положим, Толстой такого не говорил, а про семью он говорил, и не совсем так. Почему вы трактуете его так вольно, если не сказать больше?

– Да, он говорил о счастливых и несчастных семьях. Скажите, пожалуйста, полковник, а что такое народ? Это не есть огромное множество семей с похожим укладом жизни, традициями, говорящих на одном языке, живущих на одной территории? Хотя последнее немного с натяжкой. Одна, пусть и небольшая, семья, как капля воды, отражает все свойства, весь спектр характера народа. Ваше государство семью называет крепким фундаментом

государства. Я скажу, это полная ерунда. Фундаментом народности – да, но не государства.

– Оригинально. Можете пояснее выразить свою мысль?

– Пожалуйста. Возьмем цыганский народ. Где у них государство? Нигде! Не было, нет и не нужно. А какие семьи, какие уклады, традиции семейные? Как они соблюдаются из глубин веков по сегодняшний день, и это дальше будет продолжаться. Они не создали государства, но смотрите, какая управляемость, в хорошем смысле слова, и организованность. Нет у них ни президентов, ни генсеков, никаких министров внутренних дел и внешних отношений, но тем не менее – живут, и как! Люди из-за неспособности к самоорганизации и сосуществованию внутри одного сообщества придумали государственную машину для подавления их же самих. Им не нужно содержать целую ораву дармоедов-чиновников, молчу еще о таких аппаратах, как ваш, МВД или армия.

– Вы не анархист?

– Я думаю, вы сами лучше меня понимаете суть анархизма. Если подразумеваете в смысле сторонника беспорядков и неразберихи, то нет, а если в смысле внутренних социальных взаимоотношений, то не выступаю против них. В данный момент нам нужна другая концепция внутреннего развития азербайджанского общества. Мы сначала должны восстановить свою государственность, а потом подумать о внутренних взаимоотношениях социальных групп.

– Хотите сказать, классов?

– Нет, конечно. Деление общества на классы и тем более противоборствующие – большая ошибка. Я не буду уходить в подробности.

– Вы революционер?

– Категорически нет. Революция – это неоправданные жертвы. Это разделение общества на враждующие группы и гибель лучших представителей как с одной, так и с другой стороны. Знаете, представим картину: завтра моя

республика получает независимость, и во главе государства встает вся нынешняя партийная бюрократия. Я не стану призывать действовать против них, наоборот, буду самым послушным гражданином, пока не встанем на ноги, а потом будем требовать с них так, как нужно стране.

– Без борьбы противоположностей не будет и развития. Закон диалектики, или тоже не признаете?

– Послушайте, что изменится от того, признаю ли я ту или иную теорию или нет? Я говорю о противостоянии в обществе, которое большевики создали искусственно и которое привело к необратимым процессам.

– Какие же это необратимые процессы?

– Единственное, что получило развитие от борьбы созданных большевиками противоречий, так это производство колючей проволоки и строительство тюрем, а во всем остальном развитие или уже остановилось, или скоро остановится. Из-за противоестественности избранного пути развития начнут развиваться настоящие внутренние противоречия: сначала по большому диметру, а затем по малым.

– Что вы имеете в виду?

– В другом месте, при других обстоятельствах ответил бы вам по-другому. Сами прекрасно понимаете, что я подразумеваю под этим. Противостояние систем в мировом масштабе уже идет и развивается. Затем внутри социалистической системы, а потом уже в границах страны. Что произошло с Югославией, молчу, и с Китаем тоже уже разругались. Некогда были братьями, вместе песни пели, а теперь враги.

– Это по вине руководства Югославии и Китая произошло. Они встали на путь ревизионизма.

– Не все ли равно, по чьей вине? Потом, я думаю, что они говорят наоборот. Вы сами понимаете, это не имеет равным счетом никакого значения. А вы не допускаете, что они начинают понимать ошибочность установленного курса на развитие, и отсюда же переход на путь

ревизионизма, нет? Вы меня заводите в дебри, где, возможно, я не силен, потому что все-таки филолог, у меня подход к событиям не с позиции историка.

– Наша партия во главе с ЦК под руководством политбюро всегда выбирает верный путь. Наши враги, как внутренние, так и внешние, очерняют наши достижения.

– Начинается новая волна поиска внутренних врагов?

– Мы не ищем врагов, мы их разоблачаем!

– Это радует, что не назначаете, как это было раньше.

– Вы забываетесь!

– Извините, но вы сами сказали, что это просто беседа, и потом, у меня нет другого ответа. Вечная проблема системы – с момента рождения скрывать историю. Вообще, это присуще всей Российской истории: каждый царь кроил историю под себя, то же самое делают генсеки.

То, что произошло после этих слов, «выбило из седла» Алисою: Чередниченко ответил ему на чистейшем азербайджанском языке. «Что это? Он хочет подчеркнуть свое превосходство надо мной? Почему не говорил так с начала беседы?»

– Видите ли, Абульфат муаллим. Мы давно в курсе о вас, уже несколько месяцев наблюдаем за вами. Вы ведь таких разговоров не ведете со своими студентами, но лично я знал, что вы ярый антисоветчик, и не ошибся. Вас удивляет, что знаю ваш язык, и это даже, наверное, вызвало у вас уважение ко мне, не так ли?

– Да, так, – ответил ему Алисой, – нам это приятно и действительно вызывает уважение к человеку.

– Я это знаю, но, в первую очередь, не потому я изучил ваш язык, чтобы вызвать уважение к себе, а оттого, что нужно уважать народ, среди которого живешь. Я хорошо знаю вашу литературу, интересуюсь культурой. Поскольку я вам в начале беседы предложил откровенность, то скажу честно: таких людей, как вы, я встречаю впервые. Вы очень тонко действуете. У вас нет оголтелого антисоветизма, вы не говорите оскорбительных слов

в адрес руководства партии и страны. Я рад нашему знакомству. А теперь давайте поговорим немного о личном. Конечно, это невозможно без чашечки кофе. Я сейчас попрошу – нам принесут.

Сказав это, поднялся с места, подошел к своему столу и нажал кнопку вызова помощника. Дверь открылась, и показался помощник. Попросил передать, чтобы из буфета принесли два кофе. Помощник кивнул головой, вышел, и вскоре молодая дама в белом халате принесла на позолоченном подносе два кофе, поставила на отдельный журнальный столик в дальнем углу кабинета. Он предложил Алисою пересесть за столик с кофе, что тот и сделал. Они снова оказались друг против друга. Чередниченко начал беседу.

– Вроде мы по работе обо всем поговорили, давайте немного о земном, о человеческом, что ли. Расскажите немного о себе.

– Что? Рассказать о себе? Вы же все знаете лучше, чем я. О чем вам рассказывать?

– Видите ли, не скрою: мы знаем о вас очень много, но в общении с человеком хочется услышать что-то сокровенное, что является свидетельством доверия человека к тебе. Если один человек доверяет другому, то он расскажет ему самое святое или даже самое наивное.

– Что, например, самое наивное?

– Он расскажет о своем любимом коте или собаке, самые добрые воспоминания из детства.

– Расскажите тогда вы что-нибудь.

– Расскажу. Мне было девять лет, когда арестовали отца в тридцать седьмом. Отец был военный, в звании комдива. Через три месяца арестовали и мать. Она была в АЛЖИРе.

Алисой удивленно посмотрел на Чередниченко, тот понял его и не дал задать вопроса.

– Не в том Алжире, о котором вы подумали. В этом АЛЖИРе только большие буквы; АЛЖИР – Акмолинский

лагерь жен изменников родины. Меня определили в детдом. Мать, к счастью, вернулась через шесть лет, нашла меня, всеми правдами и неправдами сумела забрать снова к себе. Я уже почти заканчивал школу, а дальше что было, я уже рассказал сегодня, если, конечно, запомнили.

– Можете не сомневаться, запомнил, а теперь не забуду и до конца жизни.

– Вот такая короткая жизнь, видите. Быстротечная очень. Где отец похоронен, не знаю, был расстрелян как изменник родины. В детдоме нас заставляли писать отказные от родителей по окончании школы. Если пишешь, то ты уже сын родины, отцу тебя – партия, а мать – родина. Благо, я не успел написать, вовремя успела реальная мать, а то абстрактная сделала бы из меня подонка.

– Простите, по-вашему, родина есть абстрактная мать? Для меня она нечто большее, честно. Хотя я и филолог, не могу выразить словами свои чувства, когда слышу слово «Азербайджан». Вы тогда готовы были написать «отказную» от родителей?

– Задаете сложный вопрос, Абульфат муаллим. Конечно, так, на ровном месте – никогда, но не знаю, как сложилось бы. Вы знаете, какую атмосферу создают вокруг тебя? Не знаете? Великолечно, это и есть ваше счастье. Каждый день перед сном читали нам отрывки из «Павлика Морозова». Поверьте, это невыносимо: начинаешь верить, что ты самый счастливый человек, потому что родился в великой стране. Что касается чувств, которые вы испытываете при слове «Азербайджан», поверьте, я испытываю то же самое при слове «Луганск». Нам всем присуще преувеличивать свои трагедии. Я понимаю все, что рассказали вы о своей стране. Поверьте, у других народов тоже есть исторические трагедии.

– Я все это понимаю, только не могу смириться с тем, что все воспринимают это как некую неизбежность.

В это время открылась дверь, вошел помощник и доложил:

– Товарищ полковник, передали, чтобы вы зашли к председателю, как закончите беседу с товарищем.

– Хорошо, спасибо, вы свободны, – ответил Чередниченко. Помощник вышел из кабинета, и он, обращаясь к Алисою, сказал: – Мне было приятно с вами познакомиться. Я все понял, мы были неправильно информированы.

Они пожали друг другу руку, и Чередниченко вызвал помощника и поручил проводить гостя к выходу. Сам взял из сейфа какие-то нужные ему документы, вышел из кабинета и направился к председателю.

Оказавшись на улице, Алисой решил пройти пешком и потому свернул от станции «26 Бакинских комиссаров» в сторону набережной.

Он начал прокручивать в памяти все, что произошло с ним в течение последних трех с половиной часов. Пытался вспомнить досконально каждую фразу, брошенную полковником, испытывая двоякое чувство. В первой части беседы все было ясно как день, полковник выяснял или уточнял, что ему нужно было. Вторая часть разговора с питием кофе была полной неожиданностью. «К чему все это? – задавал себе вопрос. – Зачем так подробно рассказывал о себе? Хочет показать, что нас поддерживает? Нет, это исключено. А почему исключено? Ты не допускаешь, что у него тоже болит душа, как у любого простого смертного? Может, ночами ноет кончик носа при воспоминаниях об отце, потому что даже не знает, где его похоронили, а может, не похоронили вообще! Как же тогда его приняли в органы? – задал себе вопрос и тут же ответил: – Это изощренный прием системы. Служили же Молотов и Калинин верой и правдой системе в то время, когда жены их сидели в тюрьме. Реализация принципа „сын за отца не в ответе“. Как же, держи карман шире! Это продукт изуверской психологии. Такие, как полковник, нужны как щит прикрытия. Их руками можно творить любое зло. Они действуют жестоко и, самое главное, их жертвы доверяют им и получают удовольствие от действий своих мучителей, как мазохисты».

Он никак не мог определиться в решении дилеммы в отношении полковника. Погруженный в свои мысли, и не заметил, как дошел до набережной. «Очнулся» от прохладного освежающего дуновения ветра с моря. «Нет, все-таки не похож на подлого человека», – заключил для себя. Зашел в кафетерий перекусить.

Немного подкрепившись, вышел из кафетерия и направился в сторону площади Азнефть. Решил все-таки не весь путь одолеть пешком, а часть проехать; сел в фуникулер, и он медленно-медленно поднимал его от набережного бульвара к самой высокой точке парка.

Глядя на памятник Кирову, Алисой прошептал про себя, будто разговаривал с ним наяву: «Не твое место здесь, и будешь низвергнут. Придет время, я сделаю все, чтобы приблизить этот день; твой памятник стоит на костях лучших тюркских сынов, погибших за свободу моей родины. Враги моей страны сделали все, чтобы мы забыли свое прошлое. Соорудили танцплощадки на кладбище. Но знай, духи не прощают неуважительного предательского отношения к себе, они и нам не простят этого».

Над своим последним предложением он задумался: «Неужели снова будут бесчисленные жертвы, как в восемнадцатом и в последующие годы? Не дай Бог, чтобы повторилась история начала века. Может, не нужно ничего этого, смириться, приспособиться и жить... А как тогда быть с долгом перед памятью тех, кто принес свою жизнь в жертву? Они построили независимое государство и объявили, что однажды поднятое знамя больше не опустится. А ты боишься еще раз поднимать его снова. Да, будут жертвы. Одни жертвуют собой, чтобы другие жили свободно. Я тоже готов отдать свою жизнь».

Вдруг сам себя поймал на мысли, что так раньше не думал о себе, то есть не брал на себя ответственность за свободу своей страны. «Говорю искренне: спасибо тебе, товарищ полковник Чередниченко, хотя пока не могу определиться в отношении тебя, но ты изменил

мое мировоззрение полностью. Я уже другой человек. Ты меня спросил, не революционер ли я, искренно тебе ответил, что нет и, более того, против. А теперь говорю – да, и стал я им благодаря тебе».

Вышел из вагона; пройдя мимо могилы Ази Асланова, остановился ненадолго, прошептал молитву и направился к выходу. Вглубь парка никогда не ходил и остерегал также своих студентов, коллег и друзей. Конечно, кто-то прислушивался к его доводам, а кто-то и нет. Довод его был прост: «Грех веселиться на кладбище».

Парк имени Кирова справедливо и не без основания считал кладбищем, где были похоронены тысячи турецких солдат, которые ценой своей жизни спасли азербайджанский народ от полного истребления объединенными вооруженными силами армянских дашнаков и российских большевиков.

Сегодняшний день открыл ему глаза на многое. Произошло изменение мировоззрения, все изменилось в одночасье: то, что казалось невысказанным, вдруг стало ему доступным. «Ну что, коммунизм, ты не вечен, и крах твой неизбежен. Ты отнял у моего народа его независимость. В моем представлении, колониальность и независимость – два края одной огромной пропасти. Народы, в том числе и мы, находящиеся в положении колонии, стремятся к берегу независимости. Для достижения этой цели необходимо проложить мост, но это может сделать только колонизатор цивилизованный, а таковых, к сожалению, не бывает. Сколько пролили крови Франция в Алжире и Англия в своих колониях, прежде чем предоставить им независимость? Российская, затем и Советская империя к цивилизованным колонизаторам также не относилась и не относится. Российская империя на протяжении всей своей истории топала в крови стремление народов к свободе. Кровь, пролитая народами за свою свободу, образует море между двумя краями пропасти. Примечательно, что в этом море смешались крови

противоборствующих сторон. Чтобы это море было пригодным для хождения парусника свободы, предстоит еще немалое проливание крови народов, стремящихся к независимости. Поэтому, если мы не продолжим, то выходит, что вся история прожита зря и проливали кровь наши предки бессмысленно. Мы не имеем права предавать их идеалы».

С этими мыслями не спеша шел в сторону общежития для аспирантов университета.

Глава тридцати первая

ВЕРНЫЙ ДРУГ ПОМНИТ ВСЕГДА

Он хотя и проснулся давно, но все еще из постели не вставал, наслаждался приятным летним утром и прокручивал в мыслях последние разделы нового романа. Неожиданный звонок в дверь оторвал его от приятных размышлений, и, подумав про себя: «Кого это несет в такую рань? Поваляться в своей постели и то нельзя», – поднялся, засунул ноги в домашние тапочки, накинул халат и пошел к двери. Потому как не испытывал никакого желания открывать дверь, заглянул в глазок и обомлел: за дверью стоял его лучший друг Зордан. Немедленно открыл дверь, впустил его в квартиру, крепко обнялись, и начались беспорядочные расспросы: что? как? где? Провел друга в большую комнату, предложил принять душ с дороги, вручив ему все необходимое для принятия душа, сам пошел в кухню, чтобы приготовить скорый холостяцкий завтрак – яичницу.

Вскоре сели завтракать. Алику не терпелось узнать новости, и он, не давая другу опомниться с дороги, спросил:

– Как там дела? Как прошли мероприятия? Знаешь ли что-нибудь о дяде?

– Мероприятия прошли на ура. Когда зачитывали обращение дяди Мелкона, все аплодировали стоя. Что касается его самого, то честно скажу: болеет, конечно. Возраст и ранения, сам понимаешь, дают о себе знать,

но держится молодцом. Ему мы наняли сиделку, уход за ним на нужном уровне обеспечен. Я навещаю часто, а про местных говорить излишне, всегда кто-то у него бывает. Только знаешь, не обошлось и без ложки дегтя.

– Откуда взялась ложка дегтя, кто принес?

– Секретарь Чемберекендского райкома, где дядя Мелкон работал последние годы. Так вот, этот секретарь, гад, осмелился критиковать письмо дяди Мелкона, но его быстро поставили на место. А в остальном все идеально.

– Дядя узнал об инциденте? Было бы особенно неприятно из-за того, ведь ранение получил в тех местах. Что за место, одни предатели интересов народа. Слушай, может, мне навестить его, как ты считаешь?

– Никак, Алик, дорогой. Я буквально на прошлой неделе был у него и говорил об этом ему, поверь, он тоже не считает нужным делать это. Дай Бог ему здоровья, сказал, что даже если что-то и случится, тебе не следует приезжать, не стоит вызывать разных разговоров. Понимаешь, что имел в виду?

– Прекрасно понимаю, но сердце болит. Ладно, посмотрим, что к чему. Теперь скажи, каким ветром тебя занесло сюда, по делам или как? Почему не предупредил? Встретил бы.

– Предупреждать не считаю таким уж необходимым, приезжаю к брату. Что касается, зачем здесь я, то по очень важному вопросу. Думаю, ты меня поддержишь. Скажу откровенно, не все поддерживали твою кандидатуру, я настоял.

– Зорик, что за кандидатура, ты о чем, дорогой?

– Алик, думаю ты согласишься стать одним из координаторов нашей организации здесь.

– Что же я буду координировать?

– Финансы, Алик. Будешь держателем фонда. Что скрывать, мы работаем по всему миру над тем, чтобы наши земли вернуть в состав Армении, в частности НКАО. В свое время советы придумали эту дурацкую автономию в составе

Азербайджана, теперь мы мучаемся. Если бы тогда Карабах был включен в состав Армении, мы сейчас свою борьбу развернули бы в других направлениях. Ничего, это нас не останавливает. В фонд нашей организации ежемесячно поступают деньги. Ты будешь руководить финансами по зоне Баку – Сумгаит. Ты не волнуйся, структуры уже созданы по каждому населенному пункту, назначены ответственные. Ежемесячно они будут сдавать тебе накопленные финансы. Ими распорядиться будешь ты, по указанию организации. Из этих же денег ты тратишь на себя, по своим потребностям. Для тебя нет ограничений, только к оставшейся сумме отдельно приложишь расписку, больше ничего.

– Кто «они» и откуда знают мой адрес?

– Не волнуйся, люди надежные. Пока работают каждый в отдельности, друг друга не знают и к тебе будут приходить в строго определенные дни и часы. Адрес им дам я, если согласишься.

– Как называется организация, и где она функционирует?

– «Миацум», что означает в переводе с армянского «воссоединение». Работает по всему миру.

– Сумма большая?

– Хорошая сумма, не переживай, хватит на все.

– А если истрачу всю сумму на себя, тогда что? – смеясь спросил он.

– Пожалуйста. Только расписка с указанием суммы. Содержание твоего вопроса говорит об одном: ты еще не осознаешь, какое значение ты имеешь для организации и как тебя ценят. Но ничего, со временем поймешь. Я так вижу, мы обо всем уже договорились.

– Можешь считать так.

– Как у тебя в творческом плане? Продвигается роман?

– Все идет по плану.

– Ты давай свой сборник для перевода на армянский, с «Армиздатом» уже есть договоренность. Поторопись, до сентября надо сдать, чтобы включить в план следующего года.

– А кто переводить будет? Я еще не успел договориться ни с кем.

– Это не проблема, твои произведения переведу сам. Тебе еще привез исторического материала, ознакомишься. Думаю, пригодится в твоих произведениях.

Позавтракав, они вышли из дома, и все пошло по старому сценарию, потому опускаем подробное описание дня. Отметим только, что вернулись они домой довольно поздно, но относительно трезвые.

Дома продолжили разговор о делах. Алик рассказал другу о молодом кандидате наук факультета востоковедения Абульфате Алисое, который ведет кружок, организованный им же, где изучают историю Азербайджана.

– Да наплевать тебе на них, пусть изучают, – ответил ему Зордан.

– Наплевать-то наплевать, но не получается. Он рассказывает о том, что армяне здесь не являются коренным народом, что христианские памятники к армянам никакого отношения не имеют, все они албанские и в таком духе.

– Понял тебя, дорогой, понял. Я сообщу куда следует, и примут меры. Ты за это не переживай, разберемся.

– Я уже разобрался, написал в комитет.

– Не понял, ты-то с какого боку там оказался?

– Пошел напрямик туда, обратился к дежурному, написали пропуск и провели в кабинет, там все рассказал, записали и сказали, что разберутся.

– Слушай, ты по таким мелочам больше не светись. Лучше скажи мне, и я ему устрою кружок где-нибудь в каменоломне. Понял, дорогой?

Поговорив еще немного о разном, легли спать. Утром после завтрака Зордан покинул друга. Ему предстоял путь в рабочий город Сумгаит. У него были запланированы встречи с очень важными людьми.

Проводив друга, вернулся домой. Предстояло разобрататься с новыми материалами, привезенными Зорданом, и потому, не теряя времени, приступил к их изучению.

Эти документы коренным образом отличались от предыдущих. Если в тех материалах были изложены события, пусть и в виде художественного вымысла, то в новых были просто тезисы – о чем писать. Они были озаглавлены по разделам. Он просмотрел за короткое время весь материал и выделил для себя главные направления:

- быт и уклад жизни;
- народное творчество: песни, танцы, музыкальные инструменты;
- кухня;
- элементы национальной одежды;
- народные сказки, эпосы;
- народный промысел;
- памятники старины и истории.

Конечно, были материалы по выделенным им направлениям. Читал их и возмущался: «Идиоты, недоумки, что же вы пишете и хотите, чтобы я повторял это в своих произведениях? Герои мои должны так или иначе отметить принадлежность того или иного музыкального инструмента, или блюда, или еще чего-нибудь не азербайджанцам, а армянам? Мои господа... – при этом слове осекся: какие к черту «господа», рабы вы все своих амбиций, но быстро вернулся к течению основной мысли: – Вы хотя бы удосужились переводить все это на армянский язык, или это должен делать я? Каким образом? Как я докажу, что «саз», «тар», «кеман» и прочие – армянские слова? Может, тогда объясните, что они обозначают? На азербайджанском языке они имеют конкретные значения, а на армянском что? «Саз» означает «хорошее настроение» или «исправность чего-нибудь», «тар» – это «свежесть», или «возвышенность», или «сугроб», или наконец «струна»; «кеман» означает «помни о своей мечте, не забудь» и так далее. Действительно, слушая эти инструменты, человек испытывает, переживает эти

чувства. Они отражают суть внутреннего мира человека на то мгновение. А как мне доказать, что они армянские? До чего же вы договорились, не стесняетесь утверждать, что гошма – это армянский жанр стихосложения, и при этом ссылаетесь на армянского поэта Саят-Нову, который сочинял их. Да, конечно, сочинял, кто бы спорил, но только на азербайджанском языке. Не задавали себе вопрос „Почему?“ Потому что сочинять на армянском это невозможно. Более того, многие утверждают, что Саят-Нова был азербайджанцем».

В своих рассуждениях обратил внимание на мысленно произнесенное им слово «мои господа». «Это что, почему я этих бездарей называю моими господами? С каких пор они стали ими? Не бывать этому. К черту все, ничего я не буду писать!» Здесь вспомнил слова Зордана о том, что он может потратить всю огромную сумму денег на себя и при этом практически ни перед кем не отчитываться. «Ну что же, им надо от меня рассказ, повесть, роман, что угодно – напишу. С меня не убудет, а вот вы заплатите сполна!»

Завершающее предложение мысли ему очень понравилось, потому как сам давно хотел написать рассказ о двух студентах, каждый день совершающих два круга на четвертом трамвае для того, чтобы послушать уличного музыканта, армянина Невтона, играющего на таре. В скором времени в журнале «Литературный Азербайджан» вышел его рассказ под интересным названием.

Глава тридцатая вторая

ЦЕНИТЕЛИ ПРЕКРАСНОГО

Трамвай «четверка» грохоча и громыхая пошел во-круг кольца на разворот на Советской. Вопреки правилам, в салоне на заднем ряду сидел один пассажир – пожилой мужчина лет семидесяти пяти или, возможно, больше, который в левой руке за грифель держал тар. Его знали и вагоновожатая, и кондуктор, потому и не высаживали.

Это был старый тарист, армянин Невтон. Рядом с ним на сиденье стояла небольшая картонная коробочка с некоторой мелочью внутри. Старый музыкант таким образом зарабатывал себе на пропитание. Говорили о нем разное, никто толком не знал о его жизни ничего, потому был он какой-то отрешенный и нелюдимый и никому о себе ничего не рассказывал.

Многие пассажиры, ожидающие на остановке трамвая, знали друг друга если не лично, то в лицо точно. Однако двоих юношей, стоящих на остановочной площадке и незлобно отталкивающих друг друга от предполагаемого места открывания задней двери вагона, знали все. Они каждый день в одно и то же время приходили сюда, садились в трамвай и совершали два круга по маршруту, чтобы послушать старого музыканта. Никто на них не обижался, даже пожилые бабушки позволяли им первыми войти в вагон. Они нарушали все допустимые и недопустимые нормы поведения по отношению к старшим, обязательные для Кавказа.

Старый Невтон тоже знал их и относился к ним с любовью. В первый раз, когда ребята хотели было тоже положить ему в коробочку деньги, не позволил и, более того, убрал ее; видимо, испытывал чувство благодарности к юношам за их высокую оценку его исполнения. Каждый раз, когда те заходили к нему в вагон и, стоя на задней площадке, замороженно слушали его, Невтон вольно и невольно возвращался к тем годам, когда играл в мугамском трио с известными исполнителями, и всегда их вызывали на бис. Он в течение этого времени, пока его слушали эти двое юношей, чувствовал себя прежним виртуозом и старался изо всех сил – только для них, как когда-то для слушателей филармонии. Ему представлялись времена, когда исполнял «Баяты-Шираз»: какая тишина воцарялась в зале, и по окончании как неожиданно он взрывался. Трио поднималось с места, сделав шаг вперед, совершало поклон зрителям. Из зала доносились возгласы «Сегах, сегах, сегах!» или же «Шахназ, шахназ, шахназ!» Они подчинялись и повторяли исполнение. Вспоминая это, Невтон грустил еще больше и старался изо всех сил для двух юношей. Чувство благодарности переполняло его сердце.

Каждый раз, совершив два круга, ребята покидали его, скорее всего, делали это нехотя. Однако понимали необходимость этого, потому что пока они находились с Невтоном, тот ничего не зарабатывал.

В один из дней между друзьями – ценителями прекрасного разгорелся спор не на шутку. Все, что они знали о Невтоне, это то, что он точно армянин. Спор пошел у них по другому поводу – оттого, что один сказал другому:

– Невтон будто разговаривает с таром, заставляет его плакать, правда?

– Конечно, чувствует, это же армянский музыкальный инструмент.

– Ты что? Спятил? Запомни, все струнные музыкальные инструменты произошли от гобуза Деде Коркуда, понял?

– Ну и что, посмотрели на гобуз и сделали тар. Что, невозможно?

– Нет, невозможно! На одном из диалектов азербайджанского языка «тар» означает «струна». В основном южане так говорят, в смысле иранские азербайджанцы, кроме того, еще означает «возвышенность» и «сугроб», а на армянском этого слова нет, а если и есть в каком-то значении, это приняли они его от нас.

– Струна еще не тар, его надо изготовить и еще заставить играть.

– Тар не нужно заставлять, его нужно ласкать нежно-нежно, и тогда он заговорит с тобой.

– Хорошо, извини, не так выразился, но это не довод.

– Слушай, наш Алекбер Мамедов или Толя Банишевский – одни из лучших футболистов мира. Это дает нам основание думать, что футбол изобретение азербайджанское? Если даже весь мир будет это говорить, я скажу нет, понял?! Потому, что футбол и азербайджанец – явления несовместимые. Ты умеешь ездить на мотоцикле?

– Нет, а при чем тут мотоцикл?

– А притом, что я тоже не умею, а вот цирковые медведи ездят и даже очень мастерски, и судя по твоей логике, мотоцикл изобрел медведь. Если ты согласен с этим, тогда и я соглашусь с тобой, что тар – армянский музыкальный инструмент.

– Ладно, пошли, с тобой не поспоришь.

Закончив таким мирным образом свой спор, друзья направились в ближайший кафетерий.

Глава тридцать третья

АВТОРСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

После выхода рассказа Орхана Вересли коллеги по-доброму шутили, что совсем «измельчал», соскочил с романов и повестей и выбрал легкий жанр рассказа. Тот отмахивался, отвечал, что случайно увидел этого тариста, а те двое ребят – из его студентов. Можно сказать, рассказ документальный. А на вопрос, что за спор затеяли его герои по поводу принадлежности тара, он отвечал: «О чем-то надо было писать, чтобы страницу заполнить. О трагической жизни Невтона без разрешения писать нельзя, вот и затеял этот спор». Все были довольны его высказыванием о футболе. Он тоже был доволен. Зерна спора были брошены. Обратили же внимание на спор двух юношей – значит, все идет как нужно.

Вечером того же дня позвонил Зордан, поздравил с выходом рассказа в печати, был очень доволен, поблагодарил, поинтересовался о финансовых поступлениях. Тот, в свою очередь, рассказал об общих делах, также о поступлении финансов и не мог не выразить удивления регулярностью поступлений. Также поблагодарил друга за предоставленную возможность поправить личное финансовое положение.

Положил трубку на телефонный аппарат и некоторое время стоял неподвижно, затем медленными шагами подошел к рабочему столу и сел в кресло. Его посещали

разные мысли, себя и укорял, и оправдывал, нередко задавал себе один и тот же вопрос: «Во имя чего я все это делаю, и самое главное – почему, по чьей-то указке? Я могу любить азербайджанцев или ненавидеть, презирать – это мое право, но почему это нужно делать, как подсказывает Зордан? Почему я должен ненавидеть азербайджанцев, ведь мой отец тоже был азербайджанцем? Да, его родня не особо жаловала мою маму, и что от этого? Неужели я все это делаю ради денег? Или для того, чтобы печататься в центральных изданиях? Нет, нет, и еще раз нет! Все это ради справедливости! Какой справедливости? Почему тогда нужно говорить вместо правды ложь? Разве ложь может стать фундаментом справедливости?»

Всегда избегал этих вопросов и не пытался находить на них ответа, а вопросы время от времени всплывали из глубины памяти, как призрак из ночной темноты. Однажды ему даже показалось, что увидел отца, который будто возник из ниоткуда, стоял и молча смотрел на него. Отца не помнил, только по фотографии, которую тот прислал в первые дни после призыва. После этого видения перестал разглядывать и фотографию, видимо, по этой или другой причине образ отца к нему больше не являлся. Над тем, что образ отца больше ему не показывался, даже не задумывался. Наверное, так и лучше, зачем ворошить прошлое, его все равно нет, и прошлое не вернуть. Как говорится, тропка в прошлое зарастает очень быстро, а у него тем более: с отцом его ничего не связывало, а родственников по отцовской линии запомнил только тем, что они не особо любили маму.

В таких случаях переключал внимание на какую-нибудь бытовую проблему, как и сейчас: пошел гладить себе рубашки. Утюг – вещь хорошая, отвлекает от тяжелых мыслей и помятой одежде дает приличный вид. Однако, как ни старайся, мысли приходят все равно.

Глава тридцать четвертая

ДОКЛАД ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

Чередниченко, проводив своего посетителя, Абульфата Алисою, направился к председателю. Помощник открыл дверь, и тот вошел в кабинет:

– Гасан Алиевич, разрешите? Я только закончил беседу с товарищем. Извините, основательно не успел подготовиться, если позволите, приду позже и доложу.

– Говорите пока, что у вас есть, Виктор Андреевич. Если будет необходимость, можем еще раз вернуться к этому вопросу.

Чередниченко испытывал двоякое чувство из-за слишком официального тона и особого интереса к делу кандидата наук от своего прямого и непосредственного начальника. «Что это, он хочет одним махом задавить этого молодого неискушенного человека или же хочет покровительствовать ему? Все ясно, хочет узнать мое мнение, но на прямую спросить не решается. Ну что же, тактично подадим ему свое мнение, просто пока дистанцируется, отсюда и это показное равнодушие», – сделал для себя вывод.

– Знаете, Гасан Алиевич, я очень внимательно выслушал наших работников, подробным образом изучил материалы, представленные ими, а также беседовал непосредственно с интересующим нас объектом. Ничего враждебного в его деятельности нет, хотя не могу не отметить особую,

нездоровую рьяность майора Ахмедова. Мы долго общались, он человек высокого интеллекта, всесторонне развит, свободно владеет арабским, персидским, турецким языками, а также в достаточно высокой степени русским. Вся его деятельность направлена на изучение истории своего народа, и этого не скрывает. Я уже говорил об этом и повторю еще раз: во всем виновата образовательная система страны, особенно в области гуманитарных наук. Рано или поздно люди начинают интересоваться своей историей, и важно, чтобы они эти знания, и притом правдивые знания, получали от школы, института, университета. У нас, к сожалению, этого нет. Вот отсюда и начинаются нездоровые настроения.

– Я понял вас, Виктор Андреевич, спасибо. Думаю, не стоит из него лепить антисоветчика или революционера. Прошли времена, когда в одну ночь безграмотный крестьянин или рабочий становился мятежником или готовил убийство высших руководителей страны, и притом всех сразу. Только никому из них это не удалось.

Посмотрел с улыбкой на своего заместителя; тот, конечно, понял и оценил юмор своего начальника, но отвернулся, чтобы не посмеяться над шуткой, и про себя подумал: «Хотя бы одному это удалось, если, конечно, это были террористы в самом деле».

Чередниченко уже несколько не сомневался в испытываемой симпатии к Алисою своего начальника, а потому перешел на «ты», так как у них было уже много лет совместной работы.

– Гасан, я ничего недозволенного не вижу в делах этих ребят. Возьму под контроль и прекращу все это. Только я уже говорил, не могу понять усердие Ахмедова.

– Наверное, действует принцип: «Заставь дурака Богу молиться, так он лоб расшибет».

– Так и есть, хорошо бы расшиб свой.

Затем перешли они на обсуждение других важных и не очень важных вопросов, и когда Чередниченко выходил из кабинета, Алиев вдогонку ему сказал:

– Виктор, а ты знаешь, мы с ним земляки.
– Знаю, все знаю. Он же рассказал мне, откуда родом, кто родители. Все в порядке, нормальные ребята.
– Приезжайте всей семьей к нам на дачу на выходные.
– Обязательно, а сейчас пойду, работы еще много.
– И последнее. Знаешь, революционерами не рождаются.
– Знаю, ими становятся.
– Нет, их готовит государство в тюрьмах. Чем больше оно сажает людей в тюрьмы, тем больше врагов себе наживает. Я не имею в виду уголовников, а таких, как твой ученый из университета. Для государства самая опасная категория – это ученые тюремщики. На свободе они разобщенные, и каждый идет своим путем, а в тюрьме становятся лидерами необразованной массы, находящейся там. Вот почему я тебя просил взять это дело под личный контроль, а не потому, что он мой земляк.

Чередниченко ничего не ответил, только улыбнулся и вышел. Идя по коридору к своему кабинету, он подумал: «Ну да, конечно, то, что он твой земляк – ни при чем. Хитрый лис успел попутно и об этом намекнуть, чтобы имел в виду. Конечно, буду, но, говоря честно, в действиях этих ребят и без того нет ничего предосудительного».

Зашел к себе в кабинет и устроил на рабочем столе баррикаду из папок, так и копался в бумагах допоздна, пока не пришла уборщица.

Глава тридцать пятая

ВЛАДИВОСТОК, ВЛАДИВОСТОК! ТЫ ВСЕМУ ПРЕКРАСНОМУ ИСТОК

Реван кое-как успел на утреннее построение, точнее, прибежал предпоследним. Последним всегда прибегал Володя Титов, старшина команды. Тут показался Вольдемар – подбрасывая свои плечи вперед, шел от КПП. Дежурный доложил, и после приветствия Вольдемар скомандовал: «Реванов! Выйти из строя!» Как только тот вышел из строя и повернулся лицом к нему, Вольдемар тут же выпалил:

– За невыход на службу объявляю вам трое суток ареста с отбыванием наказания в гарнизонной гауптвахте.

Видя такой поворот событий, решил немного поиграть на публику. Вместо того, чтобы козырнуть и ответить «есть», тупо смотрел на Вольдемара и отчасти был искренним, в самом деле соображал туго. Вольдемар не выдержал и спросил:

– Ну, о чем задумался? Что-то непонятно?

– Нет, товарищ командир. Вот думаю, что еще можно сделать для повышения общей боевой готовности частей и кораблей флота.

Строй начал шевелиться и ерзать, начались тихие хихиканья. Вольдемар, не придавая значения этому, решил топить нашего героя окончательно:

– Ну и что же ты придумал, – он нарочито подчеркнуто разговаривал с ним на «ты», – для этого? Может, скажешь? И все мы слушаем.

– А что не сказать-то? Уволить меня, и тут же уровень недисциплинированности и разгильдяйства резко снизится, и, соответственно, повысится боеготовность. Вы же знаете главный лозунг современности: «Мичман – оплот вооруженных сил», а в моем лице, мягко говоря, не работает, скорее, имеет обратный эффект. И вы еще больше усугубляете: наказываете меня перед подчиненными, подрываете авторитет, которого и без того не очень-то много.

Вольдемар, видимо, понял, что поступил неправильно, потому и перевел все на добрые шуточные рельсы:

– Я специально, чтобы ты осознал.

– Я уже, товарищ командир, все осознал. Самостоятельно отбыть на «губу», или дадите сопровождающего?

– Записку получите в строевой части и поедете без сопровождающего.

Эти три дня у нашего героя прошли, как праздник. Об этом позаботился заведующий продовольственным складом, хорошо нам знакомый Николай Антонович. Перед отбытием вручил ему банку сушеной воблы для коменданта гауптвахты и его личного друга Вадима Ивановича, а по-народному прозвищу – Джаги. Так его прозвали «клиенты» за удивительное внешнее сходство с известным киногероем.

Впоследствии и у него сложились хорошие отношения с Джагой, настолько, что мог содействовать вне очереди определить на «губу» любого человека. Да-да, дорогой читатель, была тогда такая проблема: чтобы посадить кого-нибудь на «губу», командир должен был подумать, сможет ли осуществить, то есть претворить в жизнь, наказание. Вольдемар, например, всегда предварительно согласовывал вопрос посадки с Николаем Антоновичем и в дальнейшем также с нашим героем, потому как тот сумел еще завести знакомство на гауптвахте полка ПВО, расположенного недалеко. А как же? Дефицит или блат – так это должно быть везде. Каждый норовил на своем месте что-то урвать от другого, и Джага не был исключением.

Отбыв свои три дня, наш герой в прекрасном расположении духа и настроения вернулся в часть. Как ни странно, Вольдемар встретил его очень дружелюбно, можно сказать, с распростертыми объятиями. Случайно нос к носу столкнулись на КПП. Вадим Григорьевич (честное слово, язык не поворачивается назвать его Вольдемаром за ту добрую улыбку, что сияла на его лице в тот момент) протянул ему руку:

– О, как я рад тебя видеть! Пойдем ко мне в кабинет, у меня к тебе очень серьезное дело.

Наш герой тоже протянул ему руку и с интонацией, полной разгильдяйства, ответил:

– А как я рад, вы даже во сне себе не можете представить, товарищ капитан второго ранга.

Вадим Григорьевич, конечно, понял его тон прекрасно, но сделал вид, что не заметил. Когда зашли в кабинет, командир предложил ему присесть на стул возле его рабочего стола.

Любезность Вольдемара начинала зашкаливать и не сулила ничего хорошего для нашего героя, что в итоге так и вышло. Предстояла недельная командировка на остров Русский. Там одна из береговых частей флота получила оборудование, которое необходимо было подключить и настроить. Группа нашего героя справилась, говоря флотским языком, с поставленной задачей на отлично, потому как командир части поощрил нашего героя бутылкой «шила» (так называют на флоте питьевой спирт, если, конечно, допустимо такое словосочетание; в ходу также слова: «газировка», «минералка» и «инсулин»), что само по себе являлось событием из ряда вон выходящим.

По прибытию наш герой, как полагается старшему, пошел на доклад к командиру. Видимо, уже был звонок, и поэтому тот принял его очень хорошо:

– Знаю, молодцы, справились хорошо. Слушай, не хочешь в море на поход? Как у тебя с морской болезнью, переносишь качку нормально?

– После ресторана, товарищ командир, отлично, а вот в море не хочу. На кой черт оно мне сдалось? Мне хватает этих недельных выходов на испытания аппаратуры; потом, я же все равно уволюсь и пойду учиться в институт, так что поход оставьте кому-нибудь другому.

– Знаешь, Реванов, собирайся-ка ты давай в отпуск. Поезжай в свой Баку, разберись со своим институтом там и потом приедешь – посмотрим. На вечерний не хочешь? Будешь учиться и служить. Я все сделаю.

– Вадим Григорьевич, вы это серьезно? Вы сейчас мне пообещаете, я соглашусь, а потом у вас не получится, ведь нам по закону можно учиться только после трех лет службы, тогда мне все начинать сначала. Я же сейчас уже одной ногой шагнул за порог к увольнению. Такой у меня задел, и все это коту под хвост?

– Ты что, думаешь, я не знаю о тебе ничего? Как ты перед построением набираешь в рот водки и потом выплевываешь для запаха? Там не знают, а я все знаю и тебя прекрасно понимаю. Не твоя забота, разрешение я тебе получу. Поезжай в отпуск, решай свои вопросы там, а все остальное мое.

– Только не водки, товарищ командир, а коньяку, обижаете.

– Это не важно, главное, я тебя расколосил с первого дня. Так что давай, не теряй времени, поезжай. А как приедешь, разберемся с другими вопросами.

Вылетел наш герой из кабинета словно на крыльях. Как мало человеку надо для радости! Он часто счастлив оттого, что его выслушали, поняли, и осознал, что о нем кто-то заботится, если даже и не решает его проблемы, то думает, как ему помочь. Я не могу говорить за других людей, но для нашего героя теплые заботливые слова Вольдемара – нет, простите, Вадима Григорьевича – в тот день значили очень много и стали поворотными. Шел и в мечтах уже был в Баку. Ходил по набережной, по всем знакомым улицам, мысленно разговаривал с друзьями

и однокурсниками. Конечно, все эти думы о прогулках, встречах и прочее были ширмой, прикрытием для самой главной встречи. Мечтал встретить свою Рудабу, знал, где она учится, и найти ее для него не составило бы труда.

С Володей Титовым, о котором упоминали одной фразой, что на построение всегда приходил последним, у нашего героя сложились хорошие отношения, начавшиеся с одного эпизода.

В части многие элементы были связаны с его именем, как например: лаз Титова (он всегда ходил через лаз в заборе, который сам же соорудил), тропа Титова, дерево Титова и так далее. Самой знаменитой достопримечательностью стала баня Титова. Отметим, что был мастер на все руки и построил возле своего дома (сразу за забором) баню, с отличной парной, с соблюдением всех требований по вопросам удобства. В скором времени баня прославилась не только в бригаде, а по всему управлению разведки. Большие начальники с большими звездами приезжали туда отдыхать и попариться. В один из ноябрьских дней приехали два каперана (капитаны первого ранга), начальник политотдела и начальник одного из центров главного управления. Вольдемар попросил Титова подготовить баню.

В тот день Володя был очень занят на личном фронте, потому и попросил нашего героя растопить баню и после предупредить от его имени Вольдемара, но так, чтобы тот не знал о его местонахождении. Сказал, что там все готово, нужна только растопка. Естественно, наш герой согласился, ни о чем не спрашивая, взял у него ключи и пошел выполнять просьбу товарища и важное задание родины. Когда зашел в баню, увидел, что там действительно все готово, даже спички и газета «Правда» для розжига лежали на видном месте.

Возле топки лежали щепки, закинул все в топку и разжег «Правдой». Вспыхнуло и разгорелось все быстро, и когда густой дым повалил из трубы, наш герой

посчитал свою миссию выполненной и позвонил из комнаты дежурного Вольдемару: «Товарищ командир, Титов сказал, что все готово». Вольдемар поблагодарил его, и несколько минут все было тихо и мирно. Переполох начался примерно минут через двадцать или даже меньше, не так важно.

Из общего тревожного репродуктора все услышали команду: «Мичману Титову немедленно прибыть к командиру в кабинет!» – с повтором, наверно, в пять раз. «Тут уже что-то серьезное», – подумал наш герой и даже не предполагал, что это может быть связано с баней. Репродуктор начал орать по второму кругу, по третьему и так далее, но Титова все не было. Наш герой, конечно, знал, где тот находится, но не мог пойти снимать товарища со свидания, потому решил самому идти к Вольдемару и по дороге сочинить что-то вразумительное. Когда зашел в кабинет, увидел жуткую картину: Вольдемар ходил по кабинету с одного конца в другой и причитал: «Ну, гады, держитесь, я вам устрою, это не сойдет вам просто так с рук!»

Дальнейший рассказ лучше приведем в виде диалога для более ясного представления картины.

– Разрешите, товарищ капитан второго ранга, – положение серьезное, поэтому обращение только по званию, никаких фамильярностей типа по имени-отчеству, – мичман Реванов прибыл по вашему приказанию.

– Какого черта? Уже наверняка с завтрашнего дня – третьего ранга. Я приказал прибыть мичману Титову, а ты откуда взялся? Вы мне не нужны, выйдите из кабинета.

– Так Титова нет, он ушел на «Химдым», – в местном жаргоне завод Дальхимпром, – договариваться насчет краски для ремонта в помещении команды, – сочинил сходу.

– Какой к черту ремонт, я такой команды не давал!

– Вы же не старшина команды, откуда вам знать, что надо делать? Я не в курсе, чего он хочет.

Наш герой еще не понимал, из-за чего весь этот шум-гам, и потому постепенно начал обретать уверенность

и повседневную, едва заметную грубость. Вольдемар вроде тоже начал немного успокаиваться.

– Идите, – но все еще на «вы», – найдите его. Пусть доложит, почему, не подготовив баню, велел вам докладывать мне о готовности.

– Так баню не он топил, а я.

– Что???

Вольдемар так заорал, что чуть стены не затряслись, и резко пошел в сторону нашего героя.

Ему ничего не оставалось, как только сигануть из кабинета: черт его знает, что творится у него в голове, а мужик-то здоровый, врежет – мало не покажется. Прибежал к дежурному и узнал, что Титов уже вернулся. Быстро нашел его и коротко все рассказал с предупреждением о «Химдыме». Пошли вдвоем к Вольдемару, зашли в кабинет: впереди наш герой, и за ним Титов.

Вольдемар сидел, подперев голову двумя руками, так что глаза его не были видны, и нашему герою показалось, что он все это время смеялся, пока тот был занят поиском и приводом Титова. Наконец, не глядя ни на кого, выдал из себя:

– Владимир Маркович, – это уже совсем другое, он еще сердится, но больше похоже на дружескую обиду, – кого я просил (!) подготовить баню? Почему подвели меня перед товарищами?!

– Вадим Георгиевич, – браво, Володя, так держать, потоком наглости раздобрить его, – ну, мне обещали краску. Скоро человек уйдет в отпуск, мне же надо покрасить многое к новому учебному году и в столовой надо кое-что доделать.

– Все понятно, но почему ты поручил это дело ему? Ладно, идите.

Когда они хотели выйти из кабинета, Вольдемар остановил его и сказал:

– Реван, скажи честно, почему ты так поступил? Хотел меня подставить?

– Товарищ командир, вы что, как могли подумать? Я разгильдяй, но не подлец. Я вообще никогда такие бани не топил, понятия не имею, что и как делается. Откуда мне было знать? Он ничего не объяснил; что лежало возле топки, бросил туда, разжег и позвонил вам.

– Я так и подумал потом, после того как ты убежал из кабинета. Теперь иди.

По лицу Вольдемара пробежала привычная добрая улыбка.

История получила продолжение в рассказах других участников, то есть двух каперанов. На одном из совещаний во время перерыва Вольдемар, улучив момент, подошёл к ним с извинениями и рассказал, как все произошло с одной стороны, а те, в свою очередь, рассказали моменты, известные только им двоим.

Однажды как-то Вадим Георгиевич был в прекрасном расположении духа, и вот что он рассказал со слов полковников (флотские звания переводят на армейские, если хотят – без злобы, конечно, – поддеть кого-то).

Заходят они, значит, в баню. В прихожей колотун. Несмотря на это, раздеваются, выпив немного и закусив, заходят в парное отделение. Там вообще холодрыга. Полковники в недоумении, что происходит? Сидят на лавочках и ждут пара, один другому говорит: «Поддай пару немного», и тот, набрав воды в ковш, плещет на камни. Можно сказать, вода замерзает на лету. Слышат потрескивание, и один другому: «Вроде начинает разгораться топка», а второй отвечает: «Это у нас зубы стучат». Первый не понимает: «Вот, пар пошел!» «Какой к черту пар? Это мы так дышим, пар идет изо рта. Давай, валим отсюда к черту, и этого Левшица я придушу, он у меня попляшет!»

Полковники вылетают из бани как ошпаренные (!) и напрямик к Вольдемару; дав ему изрядную долю взбучек, садятся в машину и из части вон.

Нашему герою в этой истории было смешно только одно: он как в кино видел, как два голых полковника носятся по бане со звенящими колокольчиками.

Впрочем, положительный момент в этой истории все-таки был. Большое начальство перестало ездить туда прогревать кости, а начальство местного значения подшучивало друг над другом, когда у кого-то возникало желание топить баню. Они говорили в таких случаях: «Попроси Реванова растопить тебе баню, лучше него банщика в Союзе не найти».

Однажды Вольдемар признался:

– Реван, я тогда готов был тебя ударить, вовремя драпанул. Ведь я думал, что ты все специально подстроил, чтобы подставить меня, в то же время был уверен, что ты мне не ответишь.

– Вадим Георгиевич, вы что, как могли так подумать! Я действительно не знал и не знаю, как топить эти чертовы бани.

Глава тридцати шестая

ЛЮБОВЬ НЕ ИСЧЕЗАЕТ, ОНА ПРОСТО УМИРАЕТ.
ЗДРАВСТВУЙ ТЫ, МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ,
ВОТ И ВСТРЕТИЛИСЬ МЫ С ТОБОЙ ВНОВЬ...

По аллее перед университетом от одного конца до другого и обратно ходил молодой человек, иногда садился на скамейку и, посидев немного, продолжал свое хождение. До конца занятий вечернего отделения оставалось еще почти полтора часа, потому как звонок на вторую пару прозвенел незадолго до его прихода. Реван решил дождаться здесь, боясь упустить шанс встречи, которую ждал в течение последних пяти лет. Ходил и размышлял, изменилась ли она за это время. Иногда его даже посещала мысль, что не узнают друг друга, и от этого ему становилось весело по-своему, и незаметно для окружающих улыбался сердцем. В добрых, полных надежды размышлениях не заметил, как пролетело время, и, когда услышал звонок, немедленно оказался у главного выхода, зашел в вестибюль для лучшего обзора.

Река, образованная сияющими лицами юношей и девушек, потекла на улицу. В самом деле, беспорядочный смех, веселье напоминали шумный поток горной речки из его (да и ее тоже) детства и юности. Видя поток счастливых лиц студентов, даже, казалось, на мгновение забыл, зачем сюда пришел, потому как представил себя одним из них. «Кто его знает, может, Вольдемар в самом

деле поможет», – подумал он и тут же вернул себя в окружающую реальность. «Иди ты к черту, Вольдемар, даже здесь не отстаешь от меня, отвлекаешь». Снова стал пристально вглядываться в лица, но ее все еще не было. Река постепенно начала иссякать. Начал было себя ругать, что отвлекся и упустил ее, как заметил в относительной дали небольшую группу из четырех девчонок. С этой секунды его интересовала только одна из них: увидел ту, которую все эти годы больше всех хотел видеть, да простят все родственники, друзья и товарищи. Не мог двигаться, стоял в нерешительности и неотрывно смотрел на нее, та тоже заметила его и, оторвавшись от подружек, быстрыми шагами подошла к нему. Ничего не мог сказать, затряслись губы и почему-то пропал голос. Встала напротив него:

– Здравствуй! Рада тебя видеть. Когда приехал?

– Здравствуй! – с дрожью в голосе ответил он, и вдвоем вышли на улицу.

Она, в отличие от него, вела себя очень свободно и непринужденно, а он, наоборот, был в напряжении. Предложила пройтись пешком, потому как живет не очень далеко. Задавала разные вопросы, тот отвечал на них, терялся, часто ответы были невпопад. Жила действительно не очень далеко. Прошли наверно, километр, не более того, и она остановилась:

– Дальше я сама, не нужно меня провожать.

Это было полной неожиданностью для него, растерянно посмотрел на нее:

– Как? Это все? Мы же ни о чем не поговорили...

– О чем нам говорить? О том, как ты бросил институт и призвался на службу? Все это я знаю. Не упрекай меня в том, что ты поступил в политех, а не в университет, я тебя не просила об этом. Мог бы поступить, куда тебе нравилось, а не играть в глупости.

– Какой упрек? Ты о чем? Я поступил куда хотел, там у меня учатся братья, при чем тут ты? Я просто провалил семестровые экзамены, вот и призвали меня в армию.

Я ничего не понимаю. Говори, пожалуйста, яснее. Что произошло?

– Слушай, ты когда-нибудь изменишься? Где ты сейчас служишь?

– Во Владивостоке. Причем тут это, не понимаю? – его голос постепенно становился уверенным.

– А при том, что почти всю страну объездил, а ума так и не набрался, все в облаках витаешь. Почему я должна была думать, что ты меня любил искренне, и должна была тебя ждать? Я через три года получаю высшее образование, а ты?

– Поздравляю, – в его голосе уже появился стальной звон, – дальше мне не интересно, с кем ты и что у вас будет. Почти пять лет не видела и считай, что сегодня плохо спала: приснился тебе нехороший сон. Я сейчас тебе больше ничего не буду говорить и не смогу. Прошу об одном: разреши когда-нибудь тебе написать одно письмо. Только одно. Я не знаю, как оно будет выглядеть, или даже может вообще не быть, но я прошу тебя дать мне право написать тебе одно письмо, только одно.

– Как хочешь, напиши, если тебе так важно.

На прощание кивнул ей головой, развернулся и ушел в сторону, где не горели фонари ночного освещения, чтобы как можно быстрее исчезнуть из поля ее зрения. А впрочем, его особо и не интересовало, смотрит она вслед или нет, самое главное – отвернулся от нее и, так и не обняв некогда самую любимую, вошел в объятия темноты бакинской ночи.

По прошествии короткого времени все-таки написал ей письмо и передал через ее двоюродную сестру. Письмо она получила и, как писала сестра, прочитав, заплакала. Не знаем, правда или нет, но это уже на совести ее сестры Регины. Это письмо было первым и последним от нашего героя его возлюбленной.

Они никогда больше не виделись. Может, в этом есть и Божье провидение, чтобы расстались и не встречались

больше, но факт остается фактом. Никогда не жалел о том, что любил, и, честно говоря, не убивался, что все так завершилось.

Повлияла ли на его дальнейшую жизнь первая любовь, трудно сказать, и как сложилось бы, случись им быть вместе, тоже неизвестно. Говорить об этом еще труднее, а гадать, строить домыслы, наверное, не имеет смысла. Нужно уметь принять реальность такой, какая она есть. Значит, было так угодно Богу, судьбе или кому еще – не важно.

Глава тридцати седьмая

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СВОЕЙ НЕУДАВШЕЙСЯ ЛЮБВИ

Передавая письмо, Реван говорил себе: «Только так, если в саду прививка не удастся, то посадку вырывают с корнями. Если не выросла роза, то незачем и сорной траве расти. Если твою любовь отвергают, то не нужно вымалывать ее. Пусть будет больно, но ты должен вырвать сорную траву и выбросить».

Ползал к тебе я, ползал я к тебе,
Изранил руки и колени до крови.
Ползал к тебе я, ползал вредя себе,
Надеясь вымолить твоей любви.

Тело от боли ныло и изнывало,
Жестокое сердце приказывало,
На прочность меня испытывало.
Ползал к тебе я, ползал я к тебе.

Ползал к тебе зря, я зря ползал,
Понял это расставания накануне.
Увы, понял поздно, когда увидел,
Как ты умчалась на белом скакуне.

Забыл о тебе я уж давным-давно,
Где ты, что с тобой – мне все равно.
Запретить же сердцу никому не дано.
Всхлипывая ночами от меня тайком,
Вспоминает, грустит и плачет оно.

А с сердцем у нас договоренность,
Взаимопонимание и определенность.
Пока живы – вместе мы и неразлучны,
Но боль и стоны его мне безразличны.
Предоставляю ему я пристанище и кров,
Оно же в организме перегоняет кровь.

С этими мыслями на следующее утро пошел в политех, надо же заняться документами, учёбу ведь никто не отменял, тем более Вольдемар обещал. В отличие от вчерашнего дня, сегодня вспоминал его с особой теплотой. Повезло ему: очень быстро дали бегунок, и к полудню, обойдя все нужные и ненужные кабинеты, сдал его в учебную часть.

Однако документы на руки отказались выдавать, взяли адрес и сказали, что перешлют почтой. Если бы знал, что ему еще немногим больше года придется вести переписку с разного уровня организациями, чтобы документы из одного ВУЗа передали в другой... Бюрократия (советская, наверно, особенно), как ты велика и могуча, ты любого поставишь на колени, но если на тебя давят сверху, то сама тут же встаешь на колени. Решив все вопросы, поехал к матери в родное село, но впечатление о нем не обрадовало его. Увидел, что село постепенно пустеет и стареет. За пять лет его отсутствия никто из выпускников школы не остался в селе: молодёжь всеми правдами и неправдами уезжала в различные города Азербайджана. Это была политика руководства Армении по очищению в прямом и переносном смысле слова республики от азербайджанцев. Все всё видели, прекрасно понимали

и, разводя руками, пожимали плечами и говорили: «А что мы можем сделать?»

Это была его первая поездка в родные места после сравнительно долгого отсутствия. Впечатления были удручающие; с болью в сердце осознал смерть своего Алтычая. Как бы то ни было, село шло к своей кончине. Думал о том, что все, кто сейчас живет в селе, когда-то помрут, и что будет тогда? Почему никто не заботится о том, чтобы молодежь оставалась в селе; наоборот, начиная от пастуха и кончая директором совхоза, все только и делали, что объясняли, почему так важно уехать из села. Воспитывалась психология временщика с самой отвратительной стороны, то есть: «Мы здесь никто, все равно надо уехать и найти свое место под солнцем Сумгаита, а еще лучше Баку».

В переводе на нормальный язык означало – пристроиться как-нибудь и соорудить некоторое подобие дома в районе «нахалстроя» или купить. Это был предел мечтаний любого юноши из его Алтычая. Уже в моду вошло выражение: «Скрылся за Абдин-кая (скала Абдина) – оставил все неприятности за спиной». Эта простая на вид фраза и привела к гибели Алтычая. Таких Алтычаев по всей Армении были сотни, и везде была своя Абдин-кая, скрываясь за которой, каждый хотел уйти от неприятностей, оставить их за спиной.

Никто – ни уезжающие, ни воспитатели – не думал, что оставшимися за спиной неприятностями становились все Алтычаи по всей Армении. Из-за требовательного отношения к себе задал вопрос: «Почему сам-то уехал и не остался в своем любимом Алтычае? Что мешает вернуться сейчас?»

На этот вопрос не мог найти ответа сразу и решил немного походить, побродить по окрестностям. Ноги привели его на кладбище, остановился возле могил отца, бабушки, дедушки и дядей по линии отца. Они похоронены в самом начале кладбища, и это свидетельство того,

что демирчи (то есть кузнец) Усуб был одним из первых поселенцев этого села и, скорее всего, первые похороны тоже были их, отсюда и расположение могил всего рода в начале кладбища. Стоял и смотрел на могилы, от некоторых оставались только следы. Посетила его мысль: «Вот это и есть слияние с вечностью, когда ты растворяешься в земле; другими словами, могила твоя уже не выделяется». Постояв около получаса возле могил близких, решил обойти все кладбище, чтобы знать, кто же за последние пять лет его отсутствия ушел в мир иной.

Последним посетил могилу Шамдан муаллима, потому как с ним предстоял долгий разговор. Попытка найти ответы из его записей по памяти, думал, видимо, это будет легче делать возле могилы.

На него смотрел портрет, высеченный на черном граните во весь рост. Строго, но по-доброму смотрящие глаза излучали свет. Такого взгляда у Шамдан муаллима он не помнил.

С первого дня и незадолго до его смерти помнил грустные глаза и потерявший интерес к жизни взгляд. Никогда не забудет, как потускнели глаза его, когда Шахвели бросал в топку котельной рукописи, сохраненные друзьями с немалым риском для себя.

– Здравствуйте, учитель, – в полный голос сказал он и замолчал; смотрел на портрет и вспоминал все то, что довелось читать ему из рукописей. Начал повторять одну из записей, которая, скорее всего, не была завершена, потому как начало было потеряно точно.

Эта была, скорее, статья на тему истории тюрков с Россией и в России. Сколько было потеряно листов с начала – трудно было понять, еще труднее было определить, сколько не договорено в конце...

...Период обитания тюрков и Руси по соседству составляет не одно столетие. Тюрки занимали обширную территорию от Алтая до нынешних западных границ России,

включая южные части нынешней Москвы от Москвы-реки. (Мы в данной работе не рассматриваем вопрос влияния тюрков на европейскую историю и культуру). В течение длительного исторического периода влияние тюрков на Московию было огромное. Более того, имеются сведения, что в Московии в течение долгого времени богослужение и делопроизводство велись на тюркском языке. Известно, что, начиная со второй половины шестнадцатого века, в Ордынском, то есть тюркском, государстве начались внутренние распри. Ордынские ханы и влиятельные военачальники (разумеется, с немалым числом высокого уровня подготовки воинов, признающих их) начали уходить в Московию, тем самым способствовали ее укреплению. Уходили также люди творческие. Этим фактом и объясняется изобилие русских фамилий тюркского происхождения как у людей военной, так и творческой направленности деятельности. Мы не будем утомлять вас, приводя примеры. На наш взгляд, к этому времени и восходит формирование и образование термина «русский» и «русский народ» в современном их восприятии. Московия по мере усиления за счет прилива тюркской – как военной, так и интеллектуальной – элиты начала укреплять свои позиции. С этого времени она начала расширяться территориально, иными словами, осуществляла захват территорий бывших ханств, входивших в Орду. Следовало бы отметить, что руководили военными операциями в основном бывшие выходцы из Орды, этим и обеспечивался успех предприятия. Таким образом Московия начала объединять вокруг себя бывшие владения Орды, то есть территории отдельных тюркских ханств. Этот процесс особенно усилился после падения Казани. Элита нового русского государства, имеющая в основном тюркское происхождение, как это бывает обычно, испытывала, как бы нам выразиться поделикатнее, не совсем дружелюбные чувства к своим бывшим сородичам. Происходило это еще потому, что

перешедшая из Орды элита принимала веру новых хозев. Возникновение фразы: «Православный – значит, русский» – относится как раз к этому периоду. Принимая новую веру, они чувствовали себя русскими и, естественно, ненавидели своих бывших сородичей, становясь им кровными врагами. По нашему разумению, словосочетание «кровные враги» означает ничто иное как «враги одной крови», коими стали новоявленные русские (по крайней мере, немалая часть их) и «старые» турки. Можем также предположить, что знаменитое выражение «поганые татары» тоже родилось как раз в это время.

Внутренние распри тюркам были присущи во все времена, но в означенной ситуации для них создались идеальные условия, потому как противоборствующие стояли на разных плоскостях и это создавало благоприятные условия для взаимной ненависти. Таким образом новоявленные русские осуществляли уничтожение всего тюркского. Разумеется, кое-что они «брали» с собой в новый дом, а то, что, на их взгляд, не годилось, подлежало истреблению. Политика русификации, начатая с тех времен, продолжается и по сей день, только следует отметить, что с первой половины девятнадцатого века началось еще одно новое направление уничтожения или выведения тюркского следа из истории – это арменизация Кавказа. О том, как переселяли армян на Кавказ, мы уже писали, здесь же остановимся на вопросе ликвидации церкви Кавказской Албании в 1836 году. О том, что эта церковь была последним оплотом древнетюркской истории, культуры и духовности на Кавказе, говорить не приходится. Некоторая часть имущества этой церкви была присвоена московской церковью, большая же часть досталась армянской. Таким образом, переселившись на Кавказ, армяне получили не только землю для обитания, но также и письменные подтверждения их якобы исторического пребывания на этих землях. Им оставалась совсем малость: присвоить все имущество Кавказской Албании, сфальсифицировать и выдавать за свое, в чем они,

конечно, преуспели. К вопросам армянских фальсификаций мы еще вернемся, теперь перейдем к краткому пояснению истории Кавказской Албании.

На этом месте статья учителя Шамдана кончалась. Скорее всего, она была написана, но или была уничтожена, или же потерялась. Вдруг нашего героя словно осенило, быстрыми шагами направился в сторону школы. Ему необходимо было немедленно видеть директора (пока еще) Гудрата, потому как был убежден: тот точно знает, о чем хотел рассказать учитель. «Не мог не знать, надо все выяснить», – если не у того, то у Расим муаллима можно будет обо всем спросить.

Однако в школе его ждало полное разочарование. Как выяснилось, директор повез учеников на экскурсию в Ереван и вернется только через три дня, а Расим уехал в гости к родственникам в Баку. Только сейчас сообразил, что шли весенние школьные каникулы, ругал себя, что не пошел в школу сразу же по приезду, а отложил на потом, а его любимые учителя отбыли на следующий день после его приезда.

Все бы ничего, но у него самого оставалось четыре дня, то есть на следующий день после возвращения директора Гудрата ему предстоял отъезд.

Вечером третьего дня он направился к дому директора Гудрата. Там же был и узун Хабиб. После взаимных приветствий пошли разговоры об общем положении школы и вообще села. Когда спросил их о причинах массового отъезда молодежи, оба в один голос твердили: «Руководство Армении проводит политику чистки, как было уже не раз с начала века, однако высшие органы власти, партии и правительства смотрят на все сквозь пальцы. Более того, складывается впечатление, что поощряют. Это к добру не приведет».

Сказали, что Гудрат муаллим обо всех проблемах написал в ЦК, вот уже больше месяца ответа нет. (Однако,

как выяснилось немного спустя, ответ не заставил себя ждать. Оттуда письмо вернули в ЦК Армении, и попало оно к ставленникам уже известного нам Пашиняна. После этого у директора начались серьезные неприятности, в конце концов, был полностью отстранен от руководства школой). После недолгой беседы наш герой разговор перевел в нужное ему русло и спросил Гудрат муаллима о заметке учителя Шамдана, у которой не было ни начала, ни завершения, коротко изложив содержание некогда прочитанного. Гудрат муаллим задумался на несколько минут, затем зашел в дом и принес довольно толстую тетрадь (видимо, три или четыре тетради были скреплены вместе), которую протянул ему со словами:

– Ты когда уезжаешь? Читай, принесешь перед отъездом.

– Учитель, наверное, не получится, завтра утренним автобусом уезжаю. Может, сами расскажете? – Однако тетрадь взял, просто из любопытства раскрыл, бегло просмотрел и вернул обратно. – К тому же здесь написано арабской вязью.

– Знаю, что ты не читаешь, и это не арабская вязь, как ты выразился, а письмо уйгурское, другими словами, тюркское. Потом, думаешь, так просто рассказать трехтысячелетнюю историю? Как себе это представляешь? Тюркский народ создавал эту историю тысячелетиями; чтобы разобраться в ней, многое надо изучать, в том числе и клинопись. Наша история, написанная на камнях по всей Азии и Европе, ждет своего часа, и я надеюсь, что этот час наступит.

Все трое пошли вглубь сада. Вспомнил школьные годы: как и много-много лет назад, Гудрат муаллим рассказывал, а он слушал, иногда задавая вопросы.

– На эту тему у Шамдана была большая работа, и она почти была завершена. Часть изъяли при обыске во время ареста, а часть вы сожгли в топке у Шахвели. Эта случайно осталась, незадолго до этого взял из чемодана, думал, ты все равно не читаешь этот алфавит, а мне надо было посмотреть кое-что.

Пролистав тетрадь, нашел отдельный листок, отдал нашему герою и сказал:

– На, читай, только внимательно, а потом поговорим.

Взял пожелтевший листок. Там было небольшое стихотворение в несколько куплетов. Пока несколько раз перечитывал стихотворение, собеседники несколько прошли вперед. В саду, в разных уголках, тлели небольшие костры из листьев, срезанных сухих веток деревьев и прочих отходов и мусора.

*Пережили историю очень сложную,
Не заметили истину непреложную.
От веры истинной отказались своей,
Покорились и приняли веру ложную.*

*Мечом нам чуждые догмы навязаны,
Уши заткнуты с тех пор, глаза завязаны.
Почему не уходим к истокам своим?
Мы же не прикованы и не привязаны.*

*Находимся под властью греховности,
Нет над нами морали верховности.
Где же найти нам соответствие к Танры,
Если в храме сквозняк духовности?*

*Был крест небесный – равносторонний,
Танры призвал нас на Него равняться.
Пришли лжепророки и Бог посторонний,
Заставляют встать на колени и преклоняться.*

*По воле судьбы иль злого рока
Вывела нас к пустыне дорога.
Убили Корзуда, своего пророка,
Молимся теперь у чужого порога.*

Оторвавшись от чтения, окликнул:

– Гудрат муаллим, о чем это? Я не совсем понимаю. Точнее, понимаю буквально, но не до конца.

– Это как раз о том, что ты хотел услышать, и вот эти скрепленные тетради о том же. Ты не слышал о таком понятии, как дохристианское христианство?

– Слышал, но это какая-то белиберда, примерно то же самое, что сказать «человечество до человечества». Такого не бывает, если что-то предшествовало христианству, то у него должно быть свое название.

– Ты прав, об этом же писал учитель, – с этими словами он открыл тетрадь и начал читать. Видно было, что содержание записей ему было хорошо известно, потому как без поиска открывал нужную страницу.

Глава тридцать восьмая

ОН И ПОСЛЕ СМЕРТИ ОСТАЛСЯ УЧИТЕЛЕМ

Всем мировым религиям, в том числе и христианству, предшествовало учение о небесном Танры; точнее, это было откровение. Небесный Танры открылся тюркам на их родине Алтае. Слово «тюрк» означает «божественная душа». У небесного Танры много имен – девяносто девять, в том числе одно из них – Бог. Эта цифра условная, приводится как свидетельство множественности, и не следует принимать это утверждение о количестве имен Бога буквально. Тюрки принесли в Европу учение о Небесном Боге, Европа превратила это в религию.

Христианство поклоняется кресту, якобы он святой, ибо на нем был распят Христос. Утверждать такое – не более чем глупость, потому как в то время крест являл собой орудие казни. Распятие же было видом наказания. Выходит, если Иисус был бы повешен, весь христианский мир поклонялся бы обычной веревке. Как видим, утверждение объявить крест святым не состоятельно.

Однако словосочетание «святой крест» вовсе не противоречит своему смыслу. Святой крест есть, но он отрицается, и вместо него выдается нечто, лишенное смысла. Под святым крестом тюрки понимали равнобедренный крест небесного Танры, в центре которого размещался круг, символизирующий солнце, что означало равное свечение его во всех четырех направлениях поднебесья.

Над куполами всех христианских храмов высятся кресты, будь это православные или же католические, не имеет значения. Это в равной степени относится и к армянской церкви, но о ней разговор отдельный. Не составит большого труда увидеть, что сверху размещен малый, равносторонний крест, и от его окончания начинается большой крест, который действительно представляет собой скрепленных между собой два бруска разной длины. Этот крест как раз и является малой копией того, на котором был распят Иисус.

Вот здесь мы и подошли вплотную к понятию «святой крест». Слово «святой» относится к малому кресту, размещенному над большим. Предлагая такой символ христианства, богословы, видимо, имели в виду, что святой Небесный Крест сияет над головой распятого Иисуса. Как мы видим, с такой точки зрения данное понятие приобретает конкретный смысл.

В данной работе мы не имеем цели освещать историю завоевания Европы тюрками. Отметим только, что учение о Небесном Танры стало основой христианства. Европа создала религию, и тюрки при этом оказались лишними. Тюркам, создавшим мировую историю, не оказалось места в ней. Европа усердно занималась стиранием тюркского следа из своей истории, при этом оно воплотилось в жизнь в два этапа.

Первый этап -- период инквизиции, а второй – эпоха Возрождения. На первом этапе уничтожались люди, книги, рукописи, свидетельствующие о тюркском факторе, на втором же создавалась новая история, но уже без тюрков. С этого времени начинается перерождение исторической науки. Она стала служить не раскрытию тайн веков, а их сокрытию, и в более аморальном исполнении – искажению.

Из эпохи Возрождения Европа вышла отмытой, как ей казалось, от «тюркской грязи», но облила она себя (и не только себя) настоящими нечистотами лжи и аморальности.

«Очистив» Европу от всего тюркского, европейские церкви не считали свою миссию завершённой. Ведь турки и все тюркское оставались ещё и за пределами Европы. Была необходимость уничтожения основы тюркской духовности – учения о Небесном Танры.

Надеясь, что турки во всем мире признают власть земной церкви, а точнее, папы римского, объявившего себя наместником Бога на земле, в меньшей степени было бы наивностью, а в полном смысле – глупостью. Потому им нужно было создать учение о едином Небесном Боге и поднести его тюркам за пределами Европы.

Ведь не зря же Иисус был объявлен Господом Богом, повторим ещё раз, папа римский – его наместником земным. При таком раскладе Небесный Бог выпадал из иерархии духовности, и папа получал неограниченную власть.

Самой большей трудностью был выбор места рождения нового учения. Места обитания тюрков не подходили в корне, и потому самым подходящим местом были Аравийские пустыни, где народ вел дикий образ жизни. Разрозненные, отсталые по всем параметрам племена, кочующие по пустыне с места на место, как нельзя лучше подходили для внедрения и в последующем для распространения нового (по сути – искаженного старого) учения.

Оставалось найти одного человека, способного осуществить этот по сути (без иронии) гениальный план. Этот человек должен был быть тщеславным, алчным, жаждущим власти, жестоким, морально распущенным – одним словом, безнравственным типом. Вскоре он был найден в лице погонщика верблюдов Мухаммада, который идеально соответствовал всем требованиям безнравственности. Нужно отдать должное штабу европейских церквей, их план был идеален и сработал больше чем на отлично.

Наше утверждение находится в согласии с логическими доводами и историческими фактами, которые удается

собирать по крупицам из разных источников. Как можно объяснить тот факт, что разрозненные толпы безграмотных отсталых людей в один день преобразились и создали такое совершенное во всех отношениях и полного глубокого смысла учение, как ислам? Какая причина побудила этих диких, разрозненных, необразованных, отсталых людей в один день объединиться и образовать единый народ? За какие такие заслуги откровения Бога небесного получил самый что ни на есть негодный из всех людей того времени?

Известно, что священное писание «Китаби-Гуран» начинается со слов: «Эй, Мухаммад, читай». Отсюда рождается простой вопрос: что можно читать, если еще ничего не написано?! Ведь в то время у народа пустыни не было письменности, и более того, не сформировался даже единый язык. Каждое дикое племя, орудующее в пустыне, изъяснялось по-своему. Как могло произойти такое, что все эти племена как по взмаху волшебной палочки в одно чудное мгновение заговорили на одном, понятном всем языке – хашимитском диалекте? К нашему горькому сожалению, эти вопросы тоже остаются без ответа.

Однако на все эти вопросы, вопреки нашему утверждению, есть ответ, но только в другой плоскости. Священная книга последователей новой религии была написана на тюркском языке и в готовом виде поднесена их новоявленному (может, назначенному) пророку Мухаммаду.

Арабский язык в его современном виде сформировался только к двенадцатому веку. В настоящее время нам известно о трех экземплярах священной книги «Китаби-Гуран» на тюркском языке, один экземпляр – в Эрмитаже в Ленинграде, второй – в Эчмиадзине в Армении и еще один – в Иране. Как мы видим, первые книги новой религии были написаны на тюркском языке, затем по мере формирования нового арабского языка переписывались. Для написания использовалось уйгурское письмо и, следовательно, нет никакого арабского

алфавита. Попутно заметим, что при создании латинского алфавита использовалось тюркское руническое письмо.

По своему содержанию «Китаби-Гуран» в точности повторяет в части откровений учение о вечном синем небе – Небесном Танры, и если его освободить от лишней бессмыслицы, касающейся жизнеописания разных пророков и имамов, то по содержанию эти книги совпадали бы в точности.

Несколько слов о том, чем было обусловлено широкое и успешное распространение новой религии – ислама. Первое и самое главное, как мы уже отметили в основной своей части, положения ислама и учения о вечном синем небе совпадают. Главное, о единстве Небесного Бога. Все девяносто девять имен Всевышнего совпадают. Как уже было отмечено ранее, число девяносто девять чисто – условное, у Бога Танры имен гораздо больше – столько, что не перечесть, а девяносто девять говорится для того, чтобы подчеркнуть множественность. Другими словами, в части научно-познавательной они идентичны, однако в новой религии добавлены положения, играющие на низменных чувствах послушников – послабления в принципах нравственности.

В качестве примера таковых можно привести следующие: насильственное распространение ислама, присвоение материальных благ покоренных народов, многоженство, взятие в качестве наложниц женщин в покоренных странах, право на содержание наложниц, право на временный брак, разрешение на вступление в брак фактически с малолетними. Яркий пример являл собой сам пророк Мухаммад, у него было двадцать две жены, одной из которых, Айше, было шесть лет от роду.

Создатели новой религии в ее принципах заложили основы невежества и противопоставления ее остальному миру.

Одним из главных зол ислама считается запрет на самостоятельное чтение «Китаби-Гурана». Создатели

новой религии не забыли также о будущих распрях внутри самого ислама. В главной книге мусульман нет изложения правил передачи власти, то есть власть не может быть унаследована; как утверждают мусульманские ученые богословы, власть – не отцовская шуба, чтобы переходила к сыну. Это выдается за высшее благо.

Законодательной ветви власти нет, ею является сам Всевышний. Здесь можно было бы поставить точку и согласиться с тем, что власть не шуба, однако из истории нам известно, какие страсти и войны разгорелись после смерти Мухаммада, которые продолжаются по сей день, что привело к расколу и возникновению множества различных враждебных по отношению друг к другу течений.

Вожди каждого течения во все времена разглагольствовали и так же будут продолжать говорить впредь об исламском единстве, однако дальше пустой болтовни дело не сдвинется, потому как каждый из них считает верным только свое, условно скажем, учение.

Внутренние противоречия ислама заключаются не только в отсутствии принципов престолонаследия. Главная причина возникновения множества учений, выросших из самого «Китаби-Гуран», кроется в другом.

В этой книге нет точек как показателя завершенности мысли, ибо, как утверждают богословы, сказанное Аллахом не может закончиться точкой.

С этим доводом можно было бы согласиться, если бы этот грамматический сквозняк не приводил бы к разночтению, которое неизбежно при невозможности определить, где начало или конец предложения (мы не говорим «завершение» исключительно из уважения к авторитетному мнению уважаемых богословов), что в конечном итоге приводит к тому, что в каждой голове возникает своя «Китаби-Гуран».

Здесь же не лишним будет отметить одну особенность правописания арабского языка. При письме гласные буквы пропусаются, что тоже приводит к разночтению.

Для примера возьмем слово *derman*, (пишется как *drmn*) то есть лекарство, вполне нормальное рядовое слово. Теперь давайте посмотрим, какие разночтения получит это слово в зависимости от чтеца, право вставить гласные буквы отдается ему на откуп. В зависимости от фантазии читателя это слово может приобрести следующие значения: *durman*, *dereman*, *deriman*, *direman*, *dirman*, *diriman*. Приводим перевод этих слов: «дурман» (неразбериха в голове), «человек из оврага», «худой человек» (на нем только кожа висит), «упрямый человек» (такое же значение с несколько другим оттенком у следующего обозначения), и наконец последнее означает «живой человек». Как мы видим, чтение и понимание священного писания мусульман зависит только от самих мусульман.

Конечно, здесь речь идет о тех, кто читает его, и вследствие этого рано или поздно, как мы отметили выше, в каждой голове возникает своя «Китаби-Гуран», и это приводит к тому, что в каждой руке появляется свое копьё. А поскольку копьё или меч в руке появляется очень быстро, то появления Аллаха в душе каждого ждать не имеет смысла. Там ему уже места не будет.

Как мы видим, авторы священного писания постарались на славу, все предусмотрели: и противоречия внутри самого ислама, приводящие к непримиримой вражде между различными течениями, и противостояние его остальному миру.

На этом месте Гудрат муаллим прервал чтение и, обратившись к нашему герою, спросил:

– Не устал еще слушать, не утомил тебя?

– Нет, что вы, разве можно уставать от записей учителя. Как видим, он и после смерти остается учителем для всех нас.

– Да, ты прав. Теперь немного о том, что тебя больше всего интересует, – об армянах.

Глава тридцати девятая

МОНОФИЗИТЫ (С)

Прежде чем говорить о монофизитстве, мы вооружились соответствующей справочной литературой, и все приведенное нами здесь почерпнуто из различных источников, однако для полноты картины сочли необходимым добавить свои комментарии и соображения.

Мы отметили, что в рождении религии (как христианства, так и ислама) много невыясненных исторических фактов. Это же относится в полной мере к армянской религии.

Армяне именуют себя христианами, и к тому же первыми. Это утверждение можно считать верным с некоторыми оговорками. Начнем с того, что армянское христианство, так же, как и другие религии, свое начало берет от тюркского учения о вечном синем небе – о Небесном Танры.

Главного армянского религиозного деятеля называют каталикосом. Что это слово означает на армянском языке? Ничего, а на тюркском означает «союзник» и исходит от слова «каталык» или «катылмаг». Здесь же заметим, что такое объяснение имеет слово «католик».

У армян есть величайшая способность – умение приспособливаться жить среди сильных. Изначально ими было принято тенгрианство (вера в вечное синее небо – Танры), и Григорий-просветитель получил рукоположение в Дербенте. В армянском исполнении это учение претерпело некоторые изменения в определенных условиях, на конкретном этапе развития религиозно-философской мысли, в зависимости от сложившихся исторических ситуаций.

Приняв в начале четвертого века (по некоторым сведениям – 301–310 год) тенгрианство, уже в начале пятого века приняли, точнее, перетекли в монофизитскую ветвь католицизма, автором которой был Константинопольский архимандрит Евтихий. Почему же они не приняли греческое православие или римское католичество? Точного ответа на этот вопрос мы не можем дать; исходя же из предположений, можем сделать вывод, что в то время был расцвет Византийской церкви, и монофизитство возникло как молодое, перспективное учение. Однако вышло не так, как мечталось: монофизитство было предано анафеме всеми церквями. Принявшие эту ветвь церкви возвращались с покаяниями в лоно католической или православной церкви, кроме армян.

Они сумели сохранить свою церковь, внося в дальнейшем некоторые обрядовые изменения, корректировки в свои догматы, которые носили чисто декоративный характер. Возникает закономерный вопрос: как же армянам удалось устоять во времена святой инквизиции, которая очень легко находила отдельных еретиков, в то время как у нее под боком процветала целая церковь еретиков?

Отметим, что слово «ересь» якобы исходит от греческого и обозначает «(ошибочный) выбор». С этим согласиться невозможно, ибо это тюркское слово и переводится как «индивидуальный голос» (heres, her ses), что более соответствует своему назначению и действительно заслуживает наказания – разумеется, с позиции церкви того времени.

Почему же возникла необходимость в инквизиции? Это была борьба между старой и новой Европой в ее тюркской части. Большинство тюрков «растворились» в Европе и не могли смириться с тем, чтобы действовали законы тюркского тенгрианства. Потому все и объявлялось ересью. Уничтожались книги (исходит корнями к тюркскому слову «ченге», «кенге» – «свиток») и все, что могло бы напоминать о тюркском или о тенгрианстве.

Есть такая фраза, принадлежащая кому-то из армянских религиозных деятелей, что армяне всегда собирают книги, и это верное утверждение.

Если тюрки, приняв католичество или же ислам, тут же принимались за уничтожение своего прошлого, то армяне, наоборот, собирали его, более того, они собирали и тюркское прошлое и присваивали.

Армянская церковь знала историю католицизма до последней буквы, также знала свою историю и свой исток церковь католическая. Потому между ними возникло негласное соглашение: «За ваше молчание – наше невмешательство в ваши дела».

В этом кроется успешное существование армянской еретической церкви, теоретическую базу учения которой составляет тоже тенгрианство. Армянская церковь при помощи шантажа буквально за горло держит все религиозные институты мира. Их всех объединяет непризнание тюркского начала в своих учениях, говоря другими словами, ненависть ко всему тюркскому. Суть армянского шантажа заключается в открытии архивов церкви, а в этом никто не заинтересован.

Отсюда и внимательное, трепетное отношение к ним, однако не исключаем, что при таком особом отношении к ним в то же время их могут и ненавидеть.

Проблемы Рима и Афин не заканчивались только лишь армянским шантажом, была еще килисе (церковь) Кавказской Тюркской Албании с центром в Дербенте. Хотя многие из народов Кавказа или Поволжья, ранее исповедовавшие тенгрианство, перешли в ислам или православие (чуваши, к примеру), влияние Кавказской Албании было сильно. Кроме того, сохранялись церкви и литература, которые сильно мозолили глаза и отнимали покой Рима и Афин. И они начали атаку по всем направлениям. Первое направление – это содействие распространению ислама мирным путем, и второе, главное направление – интервенция России.

Второе как раз открывало дорогу первому. К семнадцатому веку умами правителей России овладела идея,

подброшенная Римом: «Москва – это третий Рим, новая столица христианского мира, и ее особая миссия – в его объединении» (отметим, что она и сейчас больна, только на этот раз новой, еще более бредовой идеей всемирного коммунизма, объединения вокруг себя пролетарского класса всего мира. Мы еще увидим, сколько бед принесет человечеству эта гидра).

Для достижения цели идеи Россия начала экспансию. Покоренные народы, дабы избежать судьбу чувашей, насильственно принявших христианство, легко уходили в ислам, будь это на Кавказе, в Поволжье или же в средней Азии.

В качестве примера можем привести казахов, которые продержались до девятнадцатого века, и то все равно ушли в объятия ислама. Этому косвенно способствовала еще и Османская Турция, где господствующей религией был ислам. Во-первых, тюркские народы Кавказа, Поволжья и средней Азии смотрели на них как на родных, уже принявших ислам, и во-вторых, надеялись со стороны Турции (где-то, может, на подсознательном уровне) на военную поддержку в борьбе против российской экспансии. Однако этой надежде не суждено было сбыться ни тогда, ни позже, потому как судьба самой Османской империи была предрешена в главных штабах объединенного Запада и России.

Самый что ни на есть праздник наступил для армян в первой половине девятнадцатого века, когда Россия завершила завоевание всех ханств в Северном Азербайджане и заключила мирный Туркменчайский договор с Ираном в 1827 году.

Таким образом, Азербайджан был разделен, употребляя модный современный термин, между двумя братскими государствами, интересы которых как нельзя более плотно совпадали в данном вопросе.

Прошло всего-то каких-нибудь сто лет со времени первого наступления царя Петра Первого на Азербайджан в 1714 году, как Россия достигла своей цели. Этому

времени соответствует и переселение армян из Персии и Турции на вновь завоеванные азербайджанские земли.

Не прошло и десяти лет со времени переселения, как армяне получили еще более щедрый подарок от Российской империи, а именно в 1836 году была ликвидирована килисе – церковь Кавказской Албании, и имущество ее было поделено между армянской и русской православной церковью. Отметим, что это были тенгрианские святыни, и часть людей, исповедующих тенгрианство, приняла ислам, а некоторая часть ушла в армянскую церковь.

После этой по сути бесчеловечной акции армяне получили не только пополнение в число прихожан, но и всю историческую, религиозную и научную литературу, что открывало им широкие возможности для фальсификаций.

Однако рассматривать это событие только с этой позиции было бы неверным. Здесь удивляет равнодушие азербайджанских тюрок к своему историческому прошлому.

Приняв ислам, они начисто забыли, точнее, стерли из памяти свое тенгрианское прошлое. Их можно сравнить разве что с малым ребенком, которого обманули, дав ему нечто бесполезное, но блестящее, тем самым отвлекая его, украли из-под носа самое ценное и дорогое, что у него было.

Этой несравнимой ценностью была их история. Они, то есть азербайджанские тюрки, бросили себе под ноги свое прошлое и перешагнули через него; нет, с легкостью, мы бы отметили даже, с особой небрежностью и равнодушием пнули его (свое прошлое) под ноги пришлым чужакам, а те воспользовались ситуацией с завидной предприимчивостью.

Стоит ли удивляться этому, если известно, с какой легкостью мои соплеменники отдали на уничтожение арабским завоевателям единственную книгу, отражающую доисламскую историю Азербайджана, написанную на тринадцати тысячах телячьих шкур?

На этом месте Гудрат муаллим снова остановился и сказал: «Я тебе сейчас прочту еще более интересную главу», – и, не дожидаясь ответа, продолжил читать.

Глава сороковая

СПЯЩИЕ ВУЛКАНЫ РАНО ИЛИ ПОЗДНО ПРОСЫПАЮТСЯ

По своей сути нынешний Советский Союз, возникший на обломках Российской империи, ничем не отличается от нее. Отношение нынешнего центра к так называемым союзным республикам абсолютно идентично тому, какое существовало между метрополией и окраинами. Однако есть и отличительные черты, как например, образование национальных автономий внутри окраинных республик. Под ширмой так называемой автономии кроется замурованный вулкан, который может быть разбужен в любое время и в любом месте.

Здесь мы хотели бы отметить одну особенность: вулкан, разбуженный воздействием сторонней силы (если даже сила контролируемая), очень легко может потерять управляемость и пойти по пути стихийного извержения, и тогда это приведет к падению империи, но не к гибели. Гибель империи будет продолжаться достаточно долго. Каждое падение империи приведет к отрыву отдельных частей и рождению новых государств.

Империя же для сохранения себя будет возбуждать замурованные вулканы, которые мы уже наблюдали в 1905 и в 1918 годах на территории Азербайджана. Будет создаваться искусственное противостояние между азербайджанцами и армянами. При этом армянам будут обещаны

преференции в виде расширения их территории в ущерб Азербайджану (не лишним будет еще раз отметить, что Армения в нынешнем ее виде целиком и полностью создана на исторических азербайджанских территориях), и они, ввиду своей недалёковидности и ограниченности, а также ненасытности, легко поддадутся, точнее, поведутся.

Имеется ли возможность противостоять этому? Да, на наш взгляд, единственно возможное противостояние политике империи – это мир между народами и решение возникших проблем самим, между собой, без вмешательства метрополии. Мы осознаем, насколько сложно этого добиться, однако другого не дано.

Все трое остановились у небольшого грушевого дерева, недалеко от которого догорал костер. Неожиданно Гудрат муаллим распотрошил рукопись и бросил в костер.

Наш герой в недоумении посмотрел на него и хотел было кинуться, чтобы спасти рукописи (точнее, жалкие остатки ее, потому как он помнил, как Шахвели бросал в топку рукописи учителя вместе с небольшим обветшалым чемоданом) из объятий огня, но его остановил узун Хабиб словами:

– Не надо этого делать. Так надо, сынок. Ты многого не знаешь.

– Чего я не знаю? – хотел было крикнуть в ответ, но у него не получилось, и сказал это хриплым тихим голосом.

В разговор вступил Гудрат муаллим:

– Знаешь, Реван, учитель сам уничтожил все свои записи, ты прекрасно знаешь это. А эта тетрадка осталась у меня случайно, ей тоже место с теми записями, которые были уничтожены, неважно кем и неважно где. Как он сам называл их, «птицы, подстреленные в полете», больше не взлетают. Видимо, судьба его такая была. Здесь тоже были обрывки из разных записей, я просто их скрепил; потом, ты же не знаешь уйгурского письма, потому так будет лучше. Не обижайся.

Он стоял и молча смотрел на них, не находя что ответить. Ему казалось, что уважаемые и любимые им с детства люди совершили нечто такое, чему нет оправдания. Считал, что они пошли против той великой силы, которая спасла в свое время их же руками эти обрывки мыслей учителя, но сегодня сами же уничтожили их.

Но почему-то не подумал: может, эта самая сила и оберегала эти записи, чтобы он мог услышать то, что читал ему сегодня Гудрат муаллим? Может, уничтожение этих остатков тоже есть веление той же неведомой силы?

Пройдя еще немного по саду, попрощался с ними и ушел. Так сложилось, что это прощание у них растянулось на целых тринадцать лет.

Вернувшись во Владивосток, наш герой долго и с нетерпением ждал документы из Бакинского политеха, а время шло. Таким образом прозевал год, и когда понял, что зря ждал, начал переписку. Писал во все организации, но эффект имело только обращение в газету «Комсомольская правда», она взяла под контроль этот вопрос и в семьдесят шестом году нашему герою удалось восстановиться на второй курс вечернего отделения местного политехнического института.

Особо следует отметить, конечно, заслугу Вадима Григорьевича, который записался на прием к начальнику штаба флота, чтобы подписать у него нужные документы. Хотелось бы разобраться в одном вопросе: что заставляло Вольдемара так стараться для нашего героя? Забота о службе? Конечно, нет, ему проще было бы уволить его к черту, и делу конец. Казаться хорошим? Зачем и перед кем? По прошествии многих лет остается думать только об одном: он просто был добрым человеком. И действительно, наш герой не мог вспомнить ни одного случая, чтобы Вадим Григорьевич сделал кому-то плохо за все время их совместной службы. Все называли его по-разному, например, «бюрократ», «мозгосушитель», «мозгоед», «мозгопил» и тому подобное. Как ни странно, все это было

банальной правдой, когда вопрос касался службы, и абсолютной неправдой в вопросах личных отношений: всегда всем помогал. Никогда вопросы не выносил на уровень вышестоящих начальников, все решал сам, на месте.

Был даже такой случай. Однажды Вольдемар приказал всем офицерам и мичманам прибыть к нему в кабинет в три часа дня. Такого практически никогда не было, все шли и пожимали плечами: что же случилось? Когда пришли в кабинет, тот был в ярости. Оказывается, матрос-почтальон, доставив ему почту, доложил также о том, как при нем пили два мичмана и один офицер. Вольдемар сказал буквально следующее: «Вы что, ***, не можете даже водку пить, что какой-то *** видит вас и мне докладывает!»

Думаю, это говорит о многом, и в первую очередь о порядочности и нежелании выносить сор из избы, в самом хорошем смысле этого выражения. В конце своей речи он сказал: «Этот ведь может и на меня донести за то, что прикрываю вас, подумайте хоть об этом».

Содержание

Предисловие от автора	5
Глава первая	
Начало конца	11
Глава вторая	
Путь к славе.....	18
Глава третья	
Алтычай	25
Глава четвертая	
Возвращенцы	29
Глава пятая	
Ночь любви.....	56
Глава шестая	
Извилистые горные дороги.....	65
Глава седьмая	
Гости дорогие, проходите.....	89
Глава восьмая	
Доброе утро, родной город.....	104
Глава девятая	
Новый этап. Здравствуй, школа	113
Глава десятая	
Перемена в жизни.....	119
Глава одиннадцатая	
Думы тяжелые, думы грустные	124
Глава двенадцатая	
Новые горизонты	127
Глава тринадцатая	
Важная новость для всего села	132

Глава четырнадцатая	
Птицы, подстреленные в полете.....	135
Глава пятнадцатая	
Как хорошо, что друзья помнят	153
Глава шестнадцатая	
Здравствуй, Баку! Ты не ждал меня.....	160
Глава семнадцатая	
Раз-два, раз-два. Левой, левой, левой. Стой. Раз-два.	165
Глава восемнадцатая	
Новая страница. Владивосток	180
Глава девятнадцатая	
О чем пишут друзья.....	187
Глава двадцатая	
Важное совещание для двоих	194
Глава двадцать первая	
Секретарь райкома	200
Глава двадцать вторая	
Тем временем в Баку.....	204
Глава двадцать третья	
Книга жизни.....	215
Глава двадцать четвертая	
Поезжай к себе, Ерванд-джан, и хорошенько подумай....	220
Глава двадцать пятая	
После совещания	230
Глава двадцать шестая	
Новый учебный год. День рождения в кругу почетных гостей	232
Глава двадцать седьмая	
Отдельные сюжеты будущего романа, подсказанные друзьями.....	247

Глава двадцать восьмая	
Новый хозяин могущественного кабинета	252
Глава двадцать девятая	
Разговор накануне	259
Глава тридцатая	
Вызов в контору	266
Глава тридцать первая	
Верный друг помнит всегда	284
Глава тридцать вторая	
Ценители прекрасного.....	290
Глава тридцать третья	
Авторские размышления	293
Глава тридцать четвертая	
Доклад председателю	295
Глава тридцать пятая	
Владивосток, Владивосток! Ты всему прекрасному исток	298
Глава тридцать шестая	
Любовь не исчезает, она просто умирает. Здравствуй ты, моя первая любовь. Вот и встретились мы с тобой вновь	307
Глава тридцать седьмая	
Размышления о своей неудавшейся любви.....	311
Глава тридцать восьмая	
Он и после смерти остался учителем	321
Глава тридцать девятая	
Монофизиты (С).....	328
Глава сороковая	
Спящие вулканы рано или поздно просыпаются....	334

Литературно-художественное издание

Рустам Рустамов

ПАДЕНИЕ

РОМАН В ДВУХ ТОМАХ
(издание дополненное, переработанное)

ТОМ 1

Редактор: О. Варваркина
Корректор: В. Егорова
Оригинал-макет: Т. Кохан
Обложка: И. Фамилия

ISBN 978-5-9965-1820-3

Подписано в печать 04.11.2021
Формат издания 60x84/16. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 19,76. Тираж 16 экз.

Издательство «СУПЕР»
199178, Санкт-Петербург, 7-я линия ВО,
д.80/2 лит. Д, пом. 5/3н - 6/3н
www.super-izdatelstvo.ru